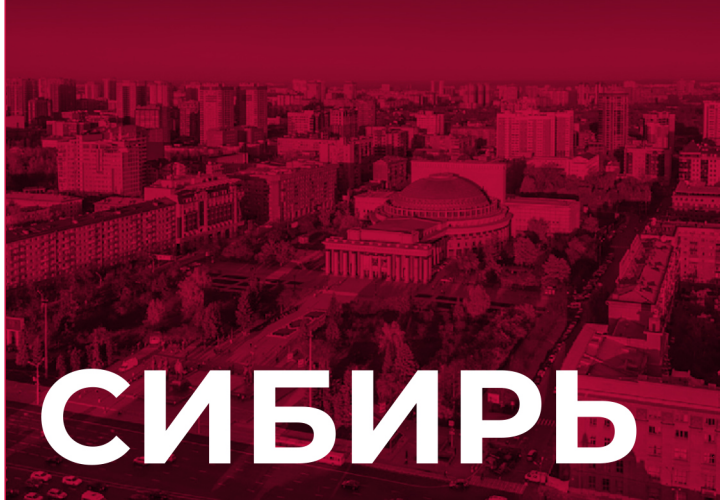

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС НОВОСИБИРСК

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2023 №4 (4)
ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2023

№ 4 (4)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Yuri P. Ivonin, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Türkan Olcay, Doctor of philological sciences, professor, Istanbul, Republic of Turkey
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Historical Sciences, Russia, Moscow
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Executive Secretary *S.M. Koba*
Editors: *T.V. Borodina*, *N.A. Zolotenina*
Technical Editor *O.A. Gladunova*
Translation by *M.A. Markdorf*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The mass media registration certificate *ИИ № ФС77-83738 dated August 5, 2022*, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 26.12.2023. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 17,50. Publisher's signature 19,09. Edition of 500 copies. Order 18.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2023

№ 4 (4)

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Стамбул, Турецкая Республика
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Россия, Москва
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Т. В. Бородина*, *Н. А. Золотенина*
Технический редактор *О. А. Гладунова*
Перевод *М. А. Маркдорф*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.
При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 26.12.2023. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 17,50. Уч.-изд. л. 19,09. Тираж 500 экз. Заказ 18.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophy, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philology, Professor, Russia, Novosibirsk

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of History, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial.....	8
THE ACTIVITIES OF SOVIET STATE BODIES IN THE EDUCATION SYSTEM.....	10
Markdorf N.M., Markdorf M.A.	
In children's institutions of Kuzbass: 1945—1950.....	10
Antonenko V.S.	
Problems of orphanhood, homelessness and neglect in the wartime and post-war period in modern historiography: regional aspect	20
Zaitsev N.I.	
Training of officer personnel of the NKVD of the USSR: 1930s—1940s.	32
FEATURES OF NATIONAL EDUCATION IN THE USSR	42
Arndt E.A.	
Peculiarities of upbringing of children among the Volga Germans in the late XIX — early XX centuries: from birth to confirmation	42
Serenkaya I.N.	
Problems of public education and social education The Marxstadt district in 1918—1923	60
Fernandez A.P.	
Boarding schools for Spanish children in the Narkompros system (1937—1940).....	70
Skop E.A.	
From the history of the German national School in Western Siberia (late XIX — mid XX centuries)	79
Blinova A.N.	
Ethnopedagogy in the museum (using the example of Russian Germans museums)	88
THE REPRESSIVE POLICY TOWARDS CHILDREN IN THE 1930s—1950s.....	94
Yeleukhanova S.V.	
Special settler's children in Kazakhstan in the period of the famine of the 1930.....	94
Abdrakhmanova K.K., Saktaganova Z.G.	
The regulatory and legal basis of the repressive policy of the Soviet authorities towards minors (1918—1958)	106
Abdukarimova Z.K.	
Labor educational colonies of the NKVD for minors in the Kazakh SSR in 1943—1945.....	123
THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM: FOREIGN EXPERIENCE.....	134
Campos R.H.F.	
Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education.....	134
Olçay T.	
Education of White Immigrants' Children in Istanbul in 1920—1923.....	147
THE DEVELOPMENT OF MODERN EDUCATION	159
Chernov D.V., Ulyanitsky S.N.	
Formation of students' social communication skills, students of international relations: a project approach	159
Shulga D.P., Mnukhina R.M.	
Chinese language teaching in new regions of Russia and Transnistria: opportunities and prospects.....	166
THE CULTURAL HERITAGE OF SIBERIA	172
Davydenko M.G.	
From the history of the study of the Soviet intellectuals in Siberia (end of the 1960s—1990s).....	172
Chernobay G.K., Chernobay O.L.	
Cultural sites of Suzunsky district, Novosibirsk Region	182
PERSONALITIES	186
Novokreshchenov A.V.	
“I have always been lucky in everything”	186
AUTHOR AFFILIATIONS	191
INFORMATION FOR AUTHORS	195

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	8
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ГОСОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ.....	10
Маркдорф Н. М., Маркдорф М. А.	
В детских учреждениях Кузбасса: 1945—1950 гг.....	10
Антоненко В. С.	
Проблемы сиротства, беспризорности и безнадзорности военного и послевоенного времени в современной историографии: региональный аспект	20
Зайцев Н. И.	
Подготовка офицерских кадров НКВД СССР: 1930—1940-е гг.....	32
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В СССР	42
Ардт Е. А.	
Особенности воспитания детей у немцев Поволжья в конце XIX — начале XX в.: от рождения до конфирмации.....	42
Серенькая И. Н.	
Проблемы народного образования и социального воспитания Маркштадского уезда в 1918—1923 гг.	60
Фернандес А. П.	
Школы-интернаты для испанских детей в системе Наркомпроса (1937—1940)	70
Скоп Е. А.	
Из истории немецкой национальной школы в Западной Сибири (конец XIX — середина XX в.).....	79
Блинова А. Н.	
Этнопедагогика в музее (на примере музеев российских немцев).....	88
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ В 1930—1950-Х ГГ.	94
Елеуханова С. В.	
Дети спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг.	94
Абдрахманова К. К., Сактаганова З. Г.	
Нормативно-правовая база репрессивной политики советской власти в отношении несовершеннолетних (1918—1958).....	106
Абдукаримов Ж. К.	
Трудовые воспитательные колонии НКВД для несовершеннолетних в Казахской ССР в 1943—1945 гг.	123
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	134
Кампос Р. Х. Ф.	
Елена Антипова (1892—1974): синтез швейцарской и советской психологии в контексте бразильской образовательной системы.....	134
Олджай Т.	
Обучение детей белых иммигрантов в Стамбуле в 1920—1923 гг.....	147
РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	159
Чернов Д. В., Ульяницкий С. Н.	
Формирование навыков социальной коммуникации у студентов, изучающих международные отношения: проектный подход.....	159
Шульга Д. П., Мнухина Р. М.	
Преподавание китайского языка в новых регионах России и Приднестровье: возможности и перспективы	166
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРИ.....	172
Давыденко М. Г.	
Из истории исследования советской интеллигенции в Сибири (конец 1960-х — 1990-е гг.)	172
Чернобай Г. К., Чернобай О. Л.	
Культурные объекты Сузунского района Новосибирской области.....	182
ПЕРСОНАЛИИ.....	186
Новокрещёнов А. В.	
«Мне всегда и во всем везло»	186
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	191
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	195

От редакции

В России молодое поколение является значимым ресурсом развития человеческого капитала. Целью государственной молодежной политики является создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие и использование ее потенциала в интересах инновационного развития страны. Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина от 29 мая 2017 г. № 240 период 2018—2027 гг. объявлен Десятилетием детства в России. Проводимые в рамках Десятилетия детства мероприятия направлены на совершенствование государственной политики в сфере защиты детства и сгруппированы по нескольким направлениям, охватывающим такие вопросы, как история детства, здоровье, благополучие, качество жизни, развитие, воспитание и обучение молодого поколения.

Актуализация проблемы воспитания молодого поколения, основанного на нравственных ценностях российского общества, обусловила возросший интерес к историческим и культурным истокам. В этом контексте внимание к исследованиям, направленным на изучение истории, условий и возможностей развития современных детей, юношества и молодежи, приобретают особую значимость. Данный выпуск журнала призван актуализировать внимание общества на научных результатах исследований, авторских идеях и находках в области отечественной и зарубежной истории, педагогического опыта, научной теории и практики, связанных с развитием, обучением, воспитанием подрастающего поколения и молодежи как в его ретроспективе, так и в аспекте современного отечественного и зарубежного образования.

Тематика научных материалов охватывает как зарубежный, так и российский опыт. Историю обучения детей белых эмигрантов в Стамбуле в 1920—1923 гг. рассматривает автор из Турции, масштабное исследование развития идей воспитания и обучения детей, основанных на синтезе швейцарской и советской психологии, и их практическое применение в бразильской образовательной системе представил бразильский ученый.

Также в статьях освещаются разные аспекты советского воспитания. Авторы выделили особенности национального воспитания и проблемы сохранения народных традиций начиная с советского периода и заканчивая сегодняшним днем, осветили деятельность детских учреждений (в том числе специализированных, национальных) в СССР и в его отдельных регионах, показали решение проблем, связанных с подготовкой советских офицерских кадров.

Бесценен опыт советского государства в решении проблем ликвидации беспризорности и безнадзорности в годы Второй мировой войны и в послевоенное время, поэтому ряд статей посвящены этим важным страницам отечественной истории. Авторы акцентируют внимание читателей на деятельности советских государственных органов в системе образования. В то же время мы не могли обойти вниманием нормативно-правовые аспекты репрессивной политики советской власти в отношении несовершеннолетних и характеристику ее пенитенциарных учреждений в 1930—1950-х гг.

Нашли свое отражение на страницах журнала отдельные вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения сегодня: современные теоретические подходы, концепции и идеи.

Традиционная рубрика, в которой освещаются вопросы культурного наследия Сибири, содержит новые познавательные материалы из истории нашего края.

**Анонс. Следующий номер журнала будет посвящен следующей тематике:
«Мягкая сила России. История, педагогика советского, постсоветского пространства и современная реальность»**

Русский мир как концепт появился в отечественном политическом и научном языке сравнительно недавно. Речь идет о феномене русской культуры, русской (российской) идентичности, о вкладе достижений российского государства в мировую цивилизацию и культуру, о деятельности русских диаспор за рубежом в историческом контексте и на современном этапе.

Вклад в российскую историю и культуру вносили многие поколения как русских людей, так и иностранцев. Находясь на службе в Российской империи, они стали русскими людьми по Отечеству. Их именами гордится Россия. Частью Русского мира были и те, кто выехал из страны в различные исторические периоды. Это были русские эмигранты первой и второй волн эмиграции. Несмотря на трагическую разлуку с родиной, они остались носителями русского языка, представителями русской культуры. И те, кто возвращался в Советский Союз после окончания Второй мировой войны, и те, кто остался за рубежом, но остался верен русской культуре и науке, внесли свою лепту в создание Русского мира.

Сегодня к Русскому миру относят многих выходцев из постсоветских (в том числе и европейских) стран, независимо от их национальной принадлежности. Речь идет не только о диаспорах, но и о всех тех, кто выехал в другие страны.

В современном мире русский язык и российская, в том числе советская, культура объединяют многие народы и страны, и не только на постсоветском пространстве. Прервать историческую память невозможно. Русский язык, русскоязычная культура и история на сегодняшний день стали основополагающими факторами не просто привлечения внимания к Русскому миру, но и вхождения в его орбиту (сферу влияния) многих стран и народов.

В выпуске предполагается освещение следующих проблем:

- иностранцы на службе в России, их вклад в науку и культуру России;
- российская эмиграция — люди, судьбы;
- Вторая мировая война и движение Сопротивления многонациональных народов СССР;
- история, педагогика русского зарубежья;
- русские школы в Российской империи, в СССР, в русском зарубежье;
- история повседневности: русский быт, история, культура и современность;
- русские диаспоры за рубежом;
- педагогика и педагогический опыт российских и советских педагогов;
- русский язык, проблемы преподавания русского языка в России и за рубежом;
- деятельность Русских домов за рубежом, их вклад в историю и культуру России.

Ждем публикаций по этим и иным вопросам в рамках данной проблематики.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ГОСОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

THE ACTIVITIES OF SOVIET STATE BODIES IN THE EDUCATION SYSTEM

Siberia Humanitarian. 2023;(4):10—19.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 10—19.

The activities of Soviet state bodies in the education system

Original article

УДК 376/6(571/17)«1945/50»

DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-10-19

In children's institutions of Kuzbass: 1945—1950

Nalaliya M. Markdorf¹, Mariya A. Markdorf²

¹ Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

² Lyceum № 22 “Nadezhda Sibiri”, Novosibirsk, Russian Federation

¹ markdorf-nm@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-0442-8453

² mashamark@mail.ru, ORCID 0009-0008-6263-2368

Abstract. The article analyzes the problems of child homelessness and neglect in Kuzbass. The characteristics of the material, living conditions of detention, provision of pupils in children's distribution centers and orphanages are given. The issues of physical condition, education, the formation of a communist worldview and morality, as well as the employment of graduates of orphanages, the problems of their supply with housing, clothing and shoes are considered.

The authors conclude that the level of homelessness and neglect in the rear area of the country in the post-war years was high. Multinational children's collectives contained orphans taken from the siege of Leningrad, children of repressed parents and special settlers, children of dead front-line soldiers, as well as children abandoned by mobilized workers from many parts and regions of the Soviet Union. The situation of the pupils of children's institutions in Kuzbass was significantly influenced by the difficulties experienced by the country's population in the post-war period.

The article is based on documentary sources kept in the Information Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region.

Keywords: homelessness, neglect, Kuzbass, children's reception centers, orphanages, school education, factory training schools, morbidity of orphans, Department for Combating Child Neglect and Homelessness in Kuzbass

Acknowledgments: The authors express their gratitude to the team of the Department of Archival Information and Rehabilitation of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo Region, namely: E.P. Zdvizhkova, O.A. Yudina, E.A. Loskutnikova, N.G. Ivanova, T.V. Burykhina and other employees of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo Region for their assistance in selecting materials for this article.

For citation: Markdorf N.M., Markdorf M.A. In children's institutions of Kuzbass: 1945—1950. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):10—19. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-10-19.

Деятельность советских госорганов в системе образования

Научная статья

В детских учреждениях Кузбасса: 1945—1950 гг.

Наталья Михайловна Маркдорф¹, Мария Аркадьевна Маркдорф²

¹ Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

² Лицей № 22 «Надежда Сибири», Новосибирск, Российская Федерация

¹ markdorf-nm@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-0442-8453

² mashamark@mail.ru, ORCID 0009-0008-6263-2368

Аннотация. В статье анализируются проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе. Дана характеристика материальных, бытовых условий содержания, обеспечения воспитанников в детских приемниках-распределителях и детских домах. Рассмотрены вопросы физического состояния, обучения, формирования коммунистического мировоззрения и морали, а также трудоустройства выпускников детских домов, проблемы их снабжения жильем, одеждой и обувью.

Авторы приходят к выводам о том, что уровень беспризорности и безнадзорности в послевоенные годы в стране был высок. В многонациональных детских коллективах содержались вывезенные ранее из блокадного Ленинграда сироты, дети репрессированных родителей и спецпоселенцев, дети погибших фронтовиков, а также дети, брошенные мобилизованными рабочими из многих краев и областей Советского Союза. На положение воспитанников детских учреждений Кузбасса существенное влияние оказывали трудности, которые испытывало население страны в послевоенное время.

Статья написана на основе документальных источников, хранящихся в информационном центре ГУ МВД России по Кемеровской области.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, Кузбасс, детские приемники-распределители, детские дома, школьное образование, школы фабрично-заводского обучения, заболеваемость детей-сирот, Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Кузбассе

Благодарности: Авторы выражают благодарность коллективу отдела архивной информации и реабилитации Информационного центра ГУ МВД России по Кемеровской области, а именно: Е. П. Здвижковой, О. А. Юдиной, Е. А. Лоскутниковой, Н. Г. Ивановой, Т. В. Бурыхиной и другим сотрудникам Информационного центра ГУ МВД России по Кемеровской области за помощь в подборе материалов для данной статьи.

Для цитирования: Маркдорф Н. М., Маркдорф М. А. В детских учреждениях Кузбасса: 1945—1950 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 10—19. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-10-19.

In the 1940s–1950s Kuzbass, like many rear areas of the country, was swept by a wave of child homelessness and neglect. The process of eliminating homelessness and neglect was regulated by a whole series of state directives, resolutions, and instructions [1]. Orphans were distributed to children's institutions through special commissions under the executive committees of the regional, regional, city and district Councils of Workers' Deputies. These commissions included: Deputy Chairman of the executive committee, members of the Komsomol, representatives of trade unions, NKVD bodies, public education, and health. This issue was under the strict control of the NKVD – the Ministry of Internal Affairs of the USSR, the Council of People's Commissars of the Union and Autonomous Republics. During 1946–1950, the bureau of the Regional Committee of the Russian Communist Party (b), city and district party committees in the major cities of Kuzbass annually adopted a detailed decision “On measures to prevent homelessness and neglect” [2, l. 113–115]. In Kuzbass, orphanhood issues were supervised by departments and departments for combating child homelessness

and neglect at the Prosecutor's office of the region, and since 1944 a group for juvenile affairs was established, which performed the functions of supervision.

The NKVD of the USSR was entrusted with the duties of identifying all street children and street children and placing them in distribution receivers. Both during the war and in the post-war period, street children and teenagers from three to 15–16 (and sometimes 17) years old were admitted to children's distribution centers (CDC) inclusive [3, l. 69–72], and then orphans (including children of German settlers and repatriates) were sent through the public education authorities to children's homes under the authority of the People's Commissariat of Education. Children under three years old entering reception and distribution centers were identified by the local health authorities in the homes of the baby (children's homes). Adolescents over 14 years old, but mostly from 15 to 17 years old who have completed grades 5–7 were enrolled in Factory Schools (FS), Craft Schools. Those who have completed the training in the assessment of the People's Commissariat of the Union Republics, were sent to work in industry or agriculture.

In the Kemerovo region in the 1940s–1950s. there were six children's reception centers located in different settlements (Mariinsky, Stalinsky, Kemerovo, Tutalsky, Anzhero-Sudzhensky, Leninsk-Kuznetsky), with a capacity of 450 places. Due to the large “influx” of children in 1944, it was decided to open a seventh one, located in Prokopyevsk. At the end of the Great Patriotic War, five children's police rooms were operating in Kuzbass (Stalinsk, Prokopyevsk, Leninsk-Kuznetsky, Kemerovo, Anzhero-Sudzhensk). Formally, they were registered with the departments of public education. In the region there were 22 vocational schools and 33 factory training schools (FZO), which were under the jurisdiction of the People's Commissariat of Education (until 1946) [3, l. 121].

As soon as they were enrolled in any children's institution, all future pupils underwent a medical examination. During the examination, more than 90% were diagnosed with “dystrophy” of 1, 2 degrees, tuberculosis, pneumonia, acute respiratory diseases. Some of the pupils were infected with typhus, the epidemic of which was raging at that time in the north of the Kemerovo region, and in the spring of 1946 they fell ill.

For new arrivals to children's institutions, it was necessary to carry out a series of quarantine measures, take tests for the presence of infectious diseases. In local conditions, it turned out to be impossible to do this quickly. Sanitary and bacteriological laboratories were in large cities (Kemerovo, Stalinsk, Tomsk), at a considerable distance from children's shelters. In the village of Tutalskoye¹, in Yurga and in Mariinsk they were completely absent, so for the necessary tests and vaccinations, the pupils had to be taken quite far, for example, to Tomsk [4, p. 11].

In each of the children's shelters, the approximate number should have been from 40 to 60–80 people and staying in them – no more than two weeks. However, in 1946, the duration of residence in the CDC ranged from two weeks to one to three, and sometimes up to five months with an average workload of 90–100 people, and sometimes their number reached 130–140 people. In the Kemerovo region in the 1940s–1950s, there were six NKVD-MIA children's distribution receivers (Kemerovo, Stalin, Anzhero-Sudzhensky, Leninsk-Kuznetsky, Tutalsky, Mariinsky), and at the end of December 1945, due to the increase in street children, a seventh one was opened in Prokopyevsk. Judging by the reports of the Department for Combating Child Homelessness and Neglect of the NKVD of the Kemerovo region for 1945–1946, more than 15 000–20 000 homeless and neglected children annually. For this reason, the need for distribution receivers and orphanages was very large. There was a similar picture in other parts of the country².

¹ Tutalskoye is a village located in the Yashkinsky district, a railway station. Administratively, the station and the settlement at the station were part of the Polomoshinsky Village Council of the Kemerovo region.

² More about this: [5, p. 64–79].

There were plenty of reasons for that. Firstly, all children and adolescents were admitted to the receiver-distributor in an extremely depleted state, so, they were unhealthy or infected [6, l. 56–57]. Secondly, in the spring of 1946 (as in the subsequent 1947) the epidemic situation in the region worsened, and the incidence of scarlet fever, diphtheria, measles, tuberculosis increased. As a result, the administration of the Tutalsky¹ CDC needed time to take sanitary and hygienic and preventive measures appropriate to the situation. If the infectious disease was diagnosed immediately, then the children were determined for treatment in local hospitals. In the second half of 1946, the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Kemerovo region stated that all orphans could receive timely assistance both in hospitals and in outpatient, in medical institutions of the region. However, the morbidity rate of street children was very high, there were not enough beds in hospitals. The reports stated that all hospitals were provided with sufficient medical supplies. However, significant child mortality rates in all Western Siberian regions showed the opposite, as repeatedly stated at various meetings of party organizations [6, l. 60–61]. After recovery, additional tests required a long time. As a result, orphanages were regularly, almost monthly, closed for quarantine. For example, the Tutalsky reception center practically did not leave quarantine due to the spread of scarlet fever and measles throughout 1946, and its “guests” on average stayed within its walls for more than two months. In the 2nd quarter of 1946, there were 35 people in Tutalsky. In the 3rd quarter, there were already 434 people. In the 2nd quarter of 1946, there were 35 people. Because of the constant outbreaks of infectious diseases [2, l. 56].

In the second half of 1946, the leadership of the region stated that it was very difficult to solve the issue of transferring pupils from children's homes to orphanages due to untimely medical examinations. There was almost no diagnosis for tuberculosis. There was no tuberculin preparation in Kuzbass, so it was impossible to carry out the necessary tuberculin diagnostics – a specific test using a single intradermal tuberculin Mantoux test (Pirke reaction) for all those who were in the distribution receivers. Pirke's reaction made it possible to diagnose tuberculosis in children in its early stages. This made it possible to take timely measures for its treatment and prevention. Tuberculosis was the fifth leading cause of child mortality in the post-war period. In this connection, the Ministry of Health of the USSR on 02.12.1947 issued an order for 487 “On strengthening the fight against tuberculosis” [7, p. 58–64].

All orphanages were equipped with dezokamerams, so, as a rule, there were no problems with the disinfection of clothes. However, it was very difficult to resolve the issue of providing the pupils with new clothes and shoes, since the clothes in which they arrived for wearing were completely unsuitable. The transfer to orphanages was delayed, including due to the lack of necessary equipment in sufficient quantities.

In most orphanages in the post-war years, the “re-set” of pupils was permanent. The administration was required to free up space in the organization faster, but it was not always possible to do this for the above-mentioned reasons. Only by 1947, Tutalsky child-receiver-distributor began to cope with a large influx of children and had a small number of pupils with violations of the terms of their stay in this institution.

Children's distribution receivers were funded from the local budgets of the Sovnarkoms of the Union Republics and the People's Commissariat of Finance of the USSR. In the post-war conditions, all children's organizations experienced material and financial problems. This was explained not only by the difficulties of the post-war period, but also often by inconsistency with local authorities. In

¹ The Tutalsky children's receiver-distributor of the NKVD was in the village of Tutalskoye in the Yashkinsky district of the Kemerovo region. There was an orphanage in the village, where children of special settlers of various nationalities were also sent.

the first post-war period, unsanitary conditions and poor-quality cooking took place in children's shelters. Often food was covered with dirty rags; children were given breadcrumbs instead of bread. In the bedrooms, the mattresses were not sewn up, and there were not enough boards on the beds. The pupils walked dirty; many had no shoes of any kind. It was cold in the rooms. Until 1947, there was no private bathhouse in the Tutalsky children's hospital, which is why the sanitary treatment of newly admitted children was carried out in one of its main buildings. The administration has repeatedly asked the region to allocate funds for the construction of a bathhouse, arguing that washing in an unsuitable room leads to damage to the structure [8, l. 156–157].

They were able to cope with the tasks of material support when the Department for Combating Child Homelessness and Neglect of the Kemerovo region appealed to the directors of the factories with requests for the release of beds, dishes, and other equipment, as well as for financial support in purchasing the necessary sets of clothes and shoes. It should be noted that despite the post-war difficulties, industrial enterprises of the region provided feasible assistance to children's institutions almost everywhere.

The first skills of Soviet education were obtained by children and teenagers while they were in the CDC, where three hours a day were given to school classes and preparation for them. Initially, everyone studied Russian, learned to read, and write.

Educational work was subordinated to the tasks of forming a communist worldview and morality, instilling skills for collective socialist labor and careful attitude to property. To do this, from time to time they tried to conduct conversations and political information with the pupils, read books and newspapers aloud, learned poems, learned songs, watched movies four times a month with their subsequent discussion, and sometimes arranged matinees dedicated to significant Soviet historical dates and events. Choral and drama clubs operated in the Tutalsky children's home, they studied a short course of the CPSU (b) to instill love for the leaders of the Soviet Union and their comrades-in-arms, pride in the socialist motherland. The selection of books in libraries was carefully monitored, “undesirable” literature by foreign authors was withdrawn from their collections [9, l. 234–236].

All groups were divided by age, which is why many brothers and sisters were separated. In the younger groups, educators tried to pay more attention to the kids. In the older ones, they tried to attract teenagers to self-government, chose ward elders, attendants, orderlies.

The staff of the orphanage, as a rule, was multinational, its members had various personal, often negative, experiences and social “baggage”. There were children of front-line soldiers, and those taken out of besieged Leningrad, children of repatriates, repressed parents, special settlers (including Germans), and those who, for various reasons, found themselves “on the street”.

The leadership of the region paid great attention to the selection of personnel (educators, nannies). Mostly, educators were appointed persons who had pedagogical education, work experience with children and positive characteristics. However, this rule was not always respected due to a shortage of personnel, so those who worked in orphanages studied in absentia at pedagogical schools, improved their skills at various courses organized by the Regional Educational Society. In rural areas, local teachers, or Komsomol members, were hired. Mostly they were young women. On their shoulders lay not only the fulfillment of their direct duties, but also the care of “wounded children”. The children, who lost their mothers, suffered grief and suffering, especially babies, were weak, often sick, and cried at night. Morbidity in children's homes was a serious problem and, as noted by the regional health department, this issue deserved the most serious and immediate solution by the local authorities and the USSR Ministry of

Education. Thus, the reports of the Regional Educational Society commissions recorded the presence of an impressive number of malnourished, as well as psychologically traumatized children and adolescents.

At the same time, people from orphanages recalled the ability of educators and teachers to “warm up”, to give warmth, care, and attention. Many years later, a letter came to the Kolyon orphanage with words of gratitude from Wilbert Petsher, who lived in Germany, immigrants from Bessarabia, who was simply called Vitya in the children's collective.

From the constantly difficulties with the availability of places in orphanages, children were often “transferred” from one institution to another. As the principle of relationship was not considered during the transfer, many brothers and sisters were separated. There were several reasons for this. Firstly, sick children were sent to hospitals, and after recovery, they could be placed in a completely different orphanage. Secondly, after graduation, older brothers or sisters entered to the handicraft schools, Factory Training Schools, and their younger relatives remained in orphanages. Thirdly, from time to time the orphanages were quarantined; accordingly, all the pupils were transferred to another one. Such cases of transfer to orphanages were not rare.

There are no secondary (low-grade) schools in different villages, but mostly primary ones. Consequently, in order to continue the education, they needed to transfer the child from one locality to another. The youngest “residents” of the Kolyon orphanage, organized within the walls of the local school of the village of Kolyon in the Izhmorsky district, were more fortunate than others. There was a seven-year-old school in the village, where children and teenagers studied together with local children for the whole period of time.

At the beginning of the school year, all children and teenagers from seven years old and older who are in orphanages were placed behind a school desk in nearby village junior secondary or primary schools. As a rule, these were elementary schools and junior high schools-seven-year-olds. In Kuzbass, as in the whole country, the percentage of those who were not enrolled in general education was high. At the end of 1945–1946, there were 5 677 children who did not study in the region, 434 of them were children of special settlers. However, those who got into an orphanage attended school [10, l. 134].

They studied according to the Soviet school program with a standard set of subjects in each class. Boys and girls were taught separately. Soviet education was designed not only to solve the problems of education, but also to instill skills for work, to educate the “young builders of communism” in the spirit of state patriotism and proletarian internationalism, to form their socialist beliefs and views.

In the first, second and third grades, children were identified regardless of age, but considering their training. There were not enough textbooks and school supplies, because of that there were difficulties with homework. Often one manual was for the whole team, and it was necessary to write on top of torn sheets from various books [11, l. 137].

The serious problem, which difficult to solve, in the first post-war decade was the supply of orphanages. So, for example, in the Kemerovo region in the winter of 1946, pupils of children's institutions were not provided with felt boots and outerwear, which the conditions of the Siberian winter led to cases of frostbite and contributed to an increase in the incidence of children and adolescents, especially pneumonia. In the “coal” region, local authorities have not allocated fuel. The issue of providing these institutions with coal was solved thanks to the intervention of the Deputy People's Commissar of the Coal Industry of the Soviet Union, V.S. Abakumov¹, who was in Kemerovo at that time. The Department of

¹ Abakumov Viktor Semenovich (1908–1954) – political leader, colonel general, commissar of state security of the 2nd rank), minister of state security of the USSR (1946–1951). См.: [12].

Combating Child Homelessness and neglect with his help achieved the release of coal to all children's organizations of the region from the trusts of the People's Commissariat of the Coal Industry (Narkomugol) [13, l. 9].

Orphanages, nurseries, children's home, as well as orphanages in Kuzbass were catastrophically overcrowded. At the end of the war, 50 orphanages were opened in the Kemerovo region. Among them, 42 are for schoolchildren and eight preschools. In November 1945, another orphanage with a special regime of maintenance was opened, and the following year, for the initiative of the management of industrial enterprises and local Councils, orphanages at the Kuznetsk Metallurgical Combine and Ferroalloy Plant began to work. By 1949, seven industrial enterprises of the region had orphanages for orphans whose parents had ever worked for them [14, l. 78–79]. Despite this, there were not enough places in children's institutions in the second half of the 1940s – in the 1950s in Kuzbass. Firstly, the level of homelessness and neglect in the rear area of the country was very high. The multinational children's collectives included orphans, which had been taken out of besieged Leningrad, children of repressed parents and special settlers, and children of dead front-line soldiers, and also abandoned by mobilized workers from many territories and regions of the Soviet Union. Secondly, for various reasons, “overgrown” (teenagers over 14–15 years old), who also graduated from two or three grades of school, they did not have time to get the minimum education that was necessary to work at enterprises by their adulthood, were detained in children's institutions.

When teenagers were sent to work in industry and agriculture, receivers-distributors and orphanages had to provide the minors with the necessary clothing in the sum about 200 rubles per person. At the same time, clothes and shoes were provided by local authorities at the request of the NKVD–MVD. The management of enterprises and state farms, the chairmen of the boards of collective farms, employing teenagers, had to provide them with housing. However, in cities and villages it was sorely missed [15]. The Department of the Ministry of Internal Affairs of the Kemerovo region noted that people from orphanages were in extreme need, especially in the provision of warm clothes, so necessary in the cold Siberian autumn and winter [16, l. 135].

At the incomplete general village schools, children generally finished five or seven grades and then entered special craft and railway schools with a two- or four-year study period for teenagers, or factory training schools (FZO) with a six- or ten-month study period, respecting all admission rules and taking into account the applications of industrial enterprises in the region [17, p. 139–141].

Young people who completed five years of school and then technical schools were sent to work in industry, and some of them were sent to agricultural work on collective and state farms in the Kemerovo region, but to “menial” and low-paid jobs.

Moreover, there were several reasons for this [18]. Firstly, it was almost impossible to employ 14–17-year-old teenage orphans in enterprises with high salaries, because they lacked production skills. In the industrial region, first of all, “men's hands” and skilled workers were needed. There were not enough places for female labor in Kuzbass, as well as in Novosibirsk and other Siberian regions. Kolkhozes and state farms were also reluctant to accept orphanage leavers (especially girls), because they could not provide them with sufficient work, housing, and especially means of subsistence. Despite repeated instructions from Moscow, the Labor Reserves Administration promoted the employment of teenagers with great wariness.

Secondly, the problem of employment, especially for young people from among the special settlers, was resolved slowly. Enterprises refused to hire teenagers because they did not have enough student personnel and no funds for clothing and shoes. The workers' dormitories were overcrowded and there was a cata-

strophic shortage of places. However, the most important reason was the low level of qualifications of young people and the lack of professional skills. The problem of the situation of working youth was repeatedly considered and became key on the agenda of the regional executive committee, at meetings with the leaders of industrial cooperation, with the administration of industrial enterprises, with Komsomol members and with representatives of the regional prosecutor's office.

To summarize, it is fashionable to note the following. In the industrial region of Kuzbass, the level of homelessness and neglect was very high in the first post-war years and remained high in the first half of the 1950s. The reasons were the difficult recovery period after the end of the Great Patriotic War and the unresolved social problems of the majority of the Soviet population. In the rear region there were a large number of industrial enterprises evacuated from the European part of the country, mobilized workers, as well as special contingents. The Soviet government took decisive measures to eliminate homeless children. However, this problem continued into the subsequent 1950s.

Список источников

1. Об устройстве детей, оставшихся без родителей : постановление СНК СССР от 23 янв. 1942 г. // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4340.htm (дата обращения: 09.06.2023).
2. Архив Информационного центра Главного управления (ИЦ ГУ) МВД России по Кемеровской области. Ф. 2. Оп. 3. Д. 16. Т. 1.
3. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 2. Оп. 3. Д. 13.
4. Дунбинская Т. И. Социальная адаптация детей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.
5. Маркдорф Н. М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944—1950 гг.) // История повседневности. 2020. № 4. С. 64—79.
6. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9.
7. К истории борьбы с туберкулезом у детей раннего возраста в СССР (по материалам Москвы и Самары) / В. Ю. Альбицкий, Р. С. Серебрий, С. А. Шер, О. В. Яремчук // Российский педиатрический журнал. 2017. № 20 (1). С. 58—64.
8. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 13. Оп. 3. Д. 52.
9. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 13. Оп. 3. Д. 3.
10. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 13. Оп. 1. Д. 8.
11. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6.
12. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД: 1934—1941: справ. / под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М. : Звенья, 1999. 504 с.
13. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.
14. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 13. Оп. 9. Д. 5.
15. Об устройстве детей, оставшихся без родителей : постановление Совета народных комиссаров СССР от 23 янв. 1942 г. // КонсультантПлюс : справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 12.02.2023).
16. Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3.
17. О государственных трудовых резервах СССР : указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 окт. 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 37. С. 139—141.
18. О порядке устройства детей репрессированных родителей старше 15 лет : циркуляр Наркома внутренних дел СССР от 20 мая 1938 г. // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4340.htm (дата обращения: 09.06.2023).

References

1. Ob ustroistve detei, ostavshikhsya bez roditelei [On the device of children left without parents], postanovlenie SNK SSSR ot 23 yanv. 1942 g., *Biiblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuzs Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4340.htm (accessed: 09.06.2023).

2. Arkhiv Informatsionnogo tsentra Glavnogo upravleniya (ITs GU) MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the Information center (IC) of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 2, aids 3, fol. 16, vol. 1.
3. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 2, aids 3, fol. 13.
4. Dunbinskaya T.I. Sotsial'naya adaptatsiya detei Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: analiz istoricheskogo opyta [Social adaptation of children in Western Siberia during the Great Patriotic War: analysis of historical experience], cand. histor. sci. diss. abstr. Tomsk, 2004, 28 p.
5. Markdorf N.M. Problemy likvidatsii detskoj besprizornosti i beznadzornosti v Kuzbasse (1944—1950 gg.) [Problems of elimination of child homelessness and neglect in Kuzbass (1944—1950)], *Istoriya povsednevnosti [History of everyday life]*, 2020, no. 4, pp. 64—79.
6. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 1, aids 3, fol. 9.
7. Al'bitskii V.Yu., Serebrii R.S., Sher S.A., Yaremchuk O.V. K istorii bor'by s tuberkulezom u detei rannego vozrasta v SSSR (po materialam Moskvy i Samary) [To the History of Tuberculosis Control in Young Children in the USSR (based on Moscow and Samara materials)], *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal [Russian pediatric magazine]*, 2017, no. 20 (1), pp. 58—64.
8. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 13, aids 3, fol. 52.
9. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 13, aids 3, fol. 3.
10. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 13, aids 1, fol. 8.
11. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 13, aids 1, fol. 6.
12. Petrov N.V., Skorkin K.V., Okhotin N.G. (ed.), Roginskii A.B. (ed.) Kto rukovodil NKVD: 1934—1941 [Who led the NKVD, 1934—1941]. Moscow, Zven'ya, 1999. 504 p.
13. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 1, aids 1, fol. 17.
14. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 13, aids 9, fol. 5.
15. Ob ustroistve detei, ostavshikhsya bez roditel'ei, postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR ot 23 yanv. 1942 g. [On the arrangement of children left without parents: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of 23 January 1942], *Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics]*. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4340.htm (accessed: 09.06.2023)
16. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Kemerovskoi oblasti [Archive of the IC of the State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region], coll. 13, aids 1, fol. 3.
17. O gosudarstvennykh trudovykh rezervakh SSSR [On the state labor reserves of the USSR : order of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from October 2, 1940], ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 okt. 1940 g., *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR [Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR]*, 1940, no. 37, pp. 139—141.
18. O poryadke ustroistva detei repressirovannykh roditel'ei starshe 15 let [About the order of placement of children of repressed parents over the age of 15], tsirkulyar Narkoma vnutrennikh del SSSR ot 20 maya 1938 g., *Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics]*. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4340.htm (accessed: 09.06.2023).

Информация об авторах

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, директор научно-образовательного центра «Историко-политические и социокультурные процессы глобального и регионального развития», Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Маркдорф Мария Аркадьевна — преподаватель английского и французского языков лицея № 22 «Надежда Сибири», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: mashamark@mail.ru

Information about the authors

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Head of the Scientific and Educational Centre “Historical, Political and Socio-Cultural Processes of Global and Regional Development”, Siberian Institute of Management — branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Mariya A. Markdorf — teacher of English and French languages, Lyceum № 22 “Nadezhda Sibiri”, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: mashamark@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 23.09.2023.

The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 23.09.2023.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 20—31.
Siberia Humanitarian. 2023;(4):20—31.

Деятельность советских госорганов в системе образования

Научная статья
УДК 376.564:930.2
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-20-31

Проблемы сиротства, беспризорности и безнадзорности военного и послевоенного времени в современной историографии: региональный аспект

Валентин Сергеевич Антоненко

Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация, antonenkoval@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются работы, исследующие проблемы социального и фактического сиротства в годы Великой Отечественной войны и первый послевоенный период с опорой на материалы отдельных краев и областей СССР. Делается вывод о том, что региональный подход в изучении рассматриваемого вопроса позволяет находить и вводить в научный оборот персонализированные и конкретизированные данные, раскрывать не только общие черты, но и специфику проявления и решения проблем сиротства, беспризорности и безнадзорности в военные и послевоенные годы на местах.

Ключевые слова: историография, сиротство, беспризорность, безнадзорность, детские приемники-распределители, детские дома, НКВД — МВД СССР, СССР, Западная Сибирь, Кузбасс

Для цитирования: Антоненко В. С. Проблемы сиротства, беспризорности и безнадзорности военного и послевоенного времени в современной историографии: региональный аспект // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 20—31. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-20-31.

The activities of Soviet state bodies in the education system

Original article

Problems of orphanhood, homelessness and neglect in the wartime and post-war period in modern historiography: regional aspect

Valentin S. Antonenko

Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation, antonenkoval@gmail.com

Abstract. The article analyzes the works studying the problems of social and actual orphanhood during the Great Patriotic War and the first post-war period with reference to the materials of some regions and oblasts of the USSR. It is concluded that the regional approach to the study of the question in question makes it possible to find and introduce personalized and specific data into scientific circulation, to reveal not only the general features but also the specifics of the manifestation and solution of the problems of orphanhood, homelessness and neglect in the war and post-war years in the field.

Keywords: historiography, orphanhood, homelessness, neglect, children's reception centers, orphanages, NKVD — USSR Ministry of Internal Affairs, USSR, Western Siberia, Kuzbass

For citation: Antonenko V.S. Problems of orphanhood, homelessness and neglect in the wartime and post-war period in modern historiography: regional aspect. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):20—31. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-20-31.

В российской историографии проблемы сиротства, беспризорности и безнадзорности рассматриваются с разных сторон: раскрывается социальный портрет беспризорника [1]; дается классификация беспризорности и безнадзорности [2; 3, с. 66—67]; освещаются причины [4, с. 208—210] и формы борьбы с беспризорностью [5]. При этом охватываются разные исторические периоды. Встречаются обобщающие работы, исследующие эти социальные явления на протяжении большого исторического отрезка [1]. При этом анализ массива публикаций по этой теме позволяет констатировать, что большинство диссертаций, монографий, отдельных статей посвящено годам Великой Отечественной войны и первому послевоенному десятилетию. Очевидно, что это обусловлено объективной причиной — масштаб сиротства в эти годы был огромен.

Помимо хронологического принципа изучения вопросов сиротства, безнадзорности и беспризорности ученые предлагают и другие подходы. Так, исследуя состояние детской беспризорности в Челябинской области в годы войны, Т. С. Рябова со ссылкой на Ф. А. Мустаеву приводит классификацию беспризорных детей в зависимости от времени их нахождения в уличной среде: находившиеся на улице до одного месяца, от одного месяца до года, более года [2]. В зависимости от причин социального сиротства на материалах по Кузбассу Н. М. Маркдорф предложила выделить следующие категории беспризорных и безнадзорных: а) сироты военного и послевоенного времени, родители которых умерли или пропали без вести; б) безнадзорные: брошенные родителями или бежавшие от них, бежавшие из детских приемников, домов, школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных училищ, колоний для несовершеннолетних. «К числу безнадзорных, как правило, относили детей и подростков, которые по различным причинам „утратили связь со своими родителями или опекунами“... несовершеннолетних, уволенных или бежавших с производства или из сельской местности; а также детей репрессированных или арестованных родителей и спецпоселенцев» [3, с. 66—67].

Представляется целесообразным в историографии по исследуемой теме выделить работы региональной направленности. Базируясь на материалах федеральных и местных архивов, современные ученые раскрывают региональную специфику состояния детской беспризорности и безнадзорности (Кузбасс, Хакасия, Татарстан, Центральный Казахстан, Удмуртия, Нижнее Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток и др.). Ценность этих работ состоит в том, что, как правило, в них впервые в научный оборот вводятся документы, выявляются региональные особенности проблемы.

Нельзя не отметить значимость источниковедческих публикаций, которых, следует заметить, относительно немного. Так, А. А. Славко, исследовавший различные виды исторических источников по проблемам детской беспризорности в России первых десятилетий советской власти, их достоверность и полноту, в том числе опубликованных в документальных сборниках, среди источников, содержащих сведения о детях изучаемого периода, отмечает персональные списки лиц [6]. Например, имена около 2,5 тыс. детей, родившихся на территории Карлага НКВД или приехавших сюда во младенчестве с репрессированными матерями, были выявлены сотрудниками архива Центра правовой статистики и информации Караганды.

Пониманию военной и послевоенной обстановки в Советской стране служат работы, посвященные повседневной жизни учащих в тыловых районах СССР. При этом следует отметить разницу в подходах советских и современных ученых к этому вопросу. Так, К. К. Ашенова, давая харак-

теристику советской историографии, обращает внимание на то, что в научных работах, как правило, анализируются деятельность социальных учреждений, нормативная база, школьные программы и методики образования в контексте советского постулата о счастливом детстве. Наименее проработанными оказались такие аспекты, как семейное воспитание, быт и досуг [7, с. 4]. Того же мнения придерживается К. К. Нуркина, подчеркивая, что внимание исследователей было направлено на изучение социальных институтов, детских учреждений, а именно политики в сфере образования, законодательства и школьных программ, педагогической теории и методик преподавания. Такие аспекты жизни советских детей, как семейное воспитание, дружба, досуг, школьная повседневность, в основном оставались вне поля исследовательских интересов [8, с. 185—188].

Повседневность советских школьников Тюмени в годы Великой Отечественной войны (социально-экономические аспекты, досуг, учебный процесс) стала темой диссертационного исследования Д. А. Вычерова [9].

Учеными Карагандинского университета им. Е. А. Букетова З. Г. Сактагановой, Ж. К. Абдукаримовой, А. А. Сальниковой на основе материалов из Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан и Государственного архива Карагандинской области был рассмотрен феномен детской повседневности, наравне с проблемами беспризорности, безнадзорности, детской преступности, порожденными экстремальными условиями войны и обусловленными резким возрастанием числа детей, оставшихся без попечения родителей, в Казахстане. Как и российские исследователи, авторы отмечают результативность деятельности государственных органов власти различного уровня, в первую очередь органов НКВД и народного образования, по ликвидации беспризорности, безнадзорности и детской преступности. При этом обращают внимание на общность проблем в различных регионах страны, которые в военный период разрешить не удалось [10, с. 202—214].

Рассмотрены в отечественной историографии вопросы приема и размещения в тылу детских организаций, статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны. Так, В. В. Исаев анализирует судьбу эвакуированных ленинградских детских учреждений [11, с. 92—116], Т. И. Дунбинская на архивных материалах дала статистический анализ количества детских учреждений по областям и в целом по Западно-Сибирскому региону, описала трудности, с которыми они столкнулись в тыловых районах страны в военный период [12, с. 146—151]. Автор также дает детальную статистику детских учреждений в Западной Сибири, общее количество мест для их воспитанников, обращает внимание на вопросы снабжения детских домов, решить которые в регионе удалось только после того, как местные руководители взяли под жесткий контроль работу всех детских учреждений и организовали помощь общественности.

Одним из направлений изучения проблем сиротства и беспризорности детей в годы войны выступает вопрос функционирования дошкольных и школьных учреждений в тыловых районах СССР. По регионам этот вопрос изучали В. В. Алексеева [13, с. 48—55], И. С. Тряхов, С. В. Тряхова [14, с. 68—78] и др. Отмечается, что проблема устройства детей и подростков (в том числе сирот) в образовательные заведения и их воспитания оставалась острой как в военный, так и в послевоенный период.

Проблема образования особо острой была у детей, чьи родители были поражены в правах. Так, И. В. Черказынова приводит данные из масштабного исследования В. И. Бруля «Немцы в Западной Сибири»:

К 1 октября 1945 г. на спецпоселении в стране находилось 328 084 ребенка до 16 лет, что составляло 47 % от общего количества немцев-спецпоселенцев. Отсутствие вообще любой школы в местах проживания, незнание детьми русского языка усугубляли ситуацию. Бытовые условия — сиротство и беспризорность, развивши-

еся после мобилизации родителей в трудовую армию, нехватка одежды и обуви, необходимость заниматься домашней работой и присматривать за младшими детьми — порой становились серьезной причиной не ходить в школу. Пример Омской области красноречиво отражает ситуацию того периода. По сведениям УНКВД Омской области за 1943 г., в Большереченском районе из 565 детей-немцев в школу ходили только 31 ребенок, в Юргинском районе (Кемеровская область. — В. А.) — не более 8—10 детей [15, с. 90—91].

Документы (заявления, жалобы, ходатайства, письма в адрес высших органов власти), в которых содержатся данные о борьбе несовершеннолетних сирот-немцев за предоставление возможности учиться в средних и высших учебных заведениях, служить в Советской армии и за решение других вопросов, связанных с правовыми ограничениями, опубликовала Н. М. Маркдорф [16, с. 36].

Организацию и деятельность детских приемников-распределителей, детских домов, школ ФЗО и училищ в годы войны и после ее окончания изучали многие российские ученые. Ими были исследованы историко-правовые аспекты, повседневная деятельность, медицинское обеспечение. Так, историко-правовой аспект деятельности детских приемников-распределителей в первые годы после войны освещает В. В. Блинова [17, с. 41—44]. Она акцентирует внимание на проблемах трудоустройства подростков после окончания ими учебных заведений, на обеспеченность их всем необходимым. Следует согласиться с мнением автора, что социально-бытовая ситуация в различных районах СССР была схожей и труднорешаемой местными органами власти. Однако спорным выглядит тезис, что благодаря деятельности приемников-распределителей проблема беспризорности и безнадзорности потеряла свою актуальность в начале 1950-х гг.

Функционирование приемников-распределителей, курируемых НКВД — МВД СССР и подведомственными региональными управлениями, рассматривает Н. М. Маркдорф [3, с. 64—79; 18, с. 132—139]. Исследователь освещает такие вопросы, как состояние детской беспризорности и безнадзорности в СССР в годы Великой Отечественной войны, анализирует основные проблемы, с которыми сталкивались детские учреждения в условиях военного времени, и меры, которые предпринимались государственными, партийными органами и силовыми структурами в целях улучшения положения беспризорных и безнадзорных детей. Особое внимание исследователя обращено на состояние детских приемников-распределителей, детских домов, школьного и послешкольного образования в Кузбассе в конце войны и первое десятилетие после. Также ею охарактеризовано медико-санитарное состояние воспитанников, заболеваемость, проанализированы бытовые проблемы, показано их решение в детских учреждениях в условиях глубокого тыла.

Функционирование детских домов в различных областях Советского государства (Бурятия, Урал, Новосибирская область и др.), проблемы воспитания и образования в них во время Великой Отечественной войны проанализированы Е. В. Банзаракцаевой, А. А. Славко, А. Н. Варехиной, Е. В. Матеровой, Д. В. Седовой [19, с. 17—21; 20, с. 79—88; 21, с. 32—39; 22; 23]. Описывая региональную специфику, авторы обращают внимание на атмосферу детского дома, режим содержания, материально-бытовые условия, организацию питания. Представлен интересный материал о формировании нравственности в условиях детского дома, воспитании в ребенке чувства коллективизма, привитии трудовых навыков [24]. Послевоенному периоду посвящены работы Д. В. Седовой [23, с. 5—10], Л. В. Быковой, М. А. Уфимцевой [25, с. 224—228].

Различные методы педагогического, воспитательного воздействия на детей и подростков в Ленинграде и в Ленинградской области описывает Н. М. Верзилин [26, с. 50—54]. Анализ состояния кадровой, учебно-

воспитательной работы, обеспеченности учебниками, учебными и методическими пособиями детских домов и интернатов Омской области в военные годы проведен И. Н. Войткевич, которая приходит к выводу о том, что успешная деятельность органов государственной власти по организации образовательного процесса позволила решать задачи социальной помощи и реабилитации беспризорных детей [27, с. 3211—3214].

Исследование работы школ трудовых резервов, ФЗО, ремесленных училищ в военное время на территории Западной Сибири дает общее понимание о подготовке кадров для промышленных предприятий, деятельности этих учреждений в тяжелое для страны время. На основании ряда постановлений НКВД — МВД СССР дети спецпоселенцев могли обучаться в школах ФЗО и ремесленных училищах, по окончании которых (кроме выходцев из кулацких семей) с учета спецпоселения не снимались и направлялись на работу только в пределах края или области для постоянного расселения [28 ; 29].

И. А. Ложкина в своем исследовании подчеркнула особую значимость накопленного государством опыта по защите детства в военное время на примере работы детских домов и интернатов различного типа в Удмуртской АССР [30].

Отдельный аспект проблемы социального и фактического сиротства — это детская преступность, выступающая тяжелым следствием безнадзорности и беспризорности. Деятельность советских органов НКВД — МВД, милиции в борьбе с детской преступностью и правонарушениями исследовали, например, В. А. Гусак [31], А. В. Жадан [32, с. 130—142]. Так, А. В. Жадан на фоне складывающейся в регионе ситуации обобщил опыт деятельности (формы и методы) органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны. Он изучил причины, условия и криминологическую специфику преступности несовершеннолетних. Автор считал, что в силу объективных причин окончательно справиться с правонарушениями не удалось и в последующие послевоенные годы.

Т. А. Кискидосова обращает внимание на деятельность милиции и на роль ее работников в выявлении беспризорных и безнадзорных в Хакаской АССР. По мнению автора статьи, комплекс своевременных мер по выявлению, задержанию и устройству беспризорных и безнадзорных детей, их ограждение от преступного элемента и создание государством необходимых жизненных условий позволили предотвратить дестабилизацию обстановки в стране [33, с. 146—155].

Д. А. Вычеров дает анализ правонарушений, совершаемых безнадзорными подростками в Тюменской области. К безнадзорным он относит детей и подростков, которые либо вообще не ходили в школу, либо прогуливали ее по различным причинам. Именно они совершали различные правонарушения, т. е. хулиганили, воровали и т. д. Автор отмечает, что война способствовала увеличению числа детей и подростков, бесконтрольных и предоставленных самим себе. Характеризуя побеги из детских учреждений и давая статистику правонарушений, он утверждает: «Большинство по различным причинам покинувших детские дома были из числа эвакуированных воспитанников детдомов. Как правило, они бежали вдвоем или небольшой компанией. У кого-то родители находились на фронте, а у других родственников вовсе не было. Нередко беспризорные и безнадзорные дети и подростки сбивались в хулиганские компании. Не имея возможности улучшить свое материальное благополучие легальными способами, они могли отбирать деньги у младших, промышляли мелким воровством. По сравнению с 1941 г. в целом по стране количество преступлений, совершенных детьми и подростками, в 1942 г. увеличилось на 61 %, в 1943 г. — на 180,6 %, в 1944 г. — на 192,3 %» [9, с. 184—185]. По мнению

М. В. Ромашовой, «уголовный стиль» быстро и легко вошел в дворовую жизнь, воздействуя на часть подростков [34].

Создание и развитие детских пенитенциарных учреждений НКВД (МВД) на Европейском Севере России в 1930—1950-х гг. в своей диссертационной работе рассмотрел В. Н. Бубличенко. Автор изучил общегосударственную политику ликвидации беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних, дал характеристику мероприятий, направленных на ликвидацию этих социальных явлений, в том числе в исправительно-трудовых учреждениях ГУЛАГа [35]. Автор считает, что «необходимость принятия мер по ликвидации беспризорности и безнадзорности в сочетании с наличием на территории Европейского Севера России исправительно-трудовых учреждений системы ГУЛАГа позволили сформировать развитую структуру детских пенитенциарных учреждений. Оптимальным решением проблемы явилось создание относительно небольших, локально расположенных детских трудовых колоний и приемников-распределителей, где к подросткам применялись соответствующие общегосударственным стандартам методы перевоспитания» [36, с. 1207].

Следует отметить, что проблема организации колоний для несовершеннолетних преступников ввиду возросшего их числа была актуальна на протяжении как в военные годы, так и в первое послевоенное десятилетие во всех областях Советской страны. Так, Н. М. Маркдорф констатирует, что вплоть до 1949 г. в Кузбассе не было детской колонии для несовершеннолетних преступников, и поэтому правонарушителей для отбывания срока наказания отправляли в соседние сибирские области. С 1944 г. в области действовал только один детский дом с особым режимом содержания [3, с. 72, 76].

Отдельные авторы считают, что борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы войны и в первое послевоенное десятилетие была успешной и принесла свои плоды. Так, на основе анализа материалов по Орловской области И. В. Жатикова приходит к выводу о том, что сотрудниками органов внутренних дел принимались решительные (в том числе административные) меры воздействия на родителей и опекунов. С целью установления материнства и отцовства через центральный справочный адресный детский стол, а также справочно-адресные детские столы при областных и краевых управлениях НКВД, городских отделах и районных отделениях НКВД удалось найти родителей многих детей и подростков [37, с. 153—155]. В послевоенное время широкое распространение получили общественные, товарищеские суды над нерадивыми родителями или опекунами.

Рядом исследователей были обобщены проблемы содержания несовершеннолетних правонарушителей, их административного и уголовного преследования, содержания в исправительных учреждениях, в том числе в исправительно-трудовых колониях. При этом в исследовательском поле также находятся вопросы их воспитания. Проблема была поднята в советское время и не потеряла своей актуальности [38 ; 39].

В целом советскую концепцию прав несовершеннолетних в системе ГУЛАГа рассматривает А. Ю. Нестеров. Изучив теоретический и эмпирический материал системы пенитенциарных учреждений ГУЛАГа в 1918—1956 гг., советский опыт ресоциализации несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в лагерях, автор дает определение ресоциализации как социального явления, когда в условиях ограниченной свободы происходило разрушение ранее усвоенных ценностей и моделей поведения личности молодого человека и последующее усвоение им ценностей, кардинально отличающихся от предыдущих, в условиях новой подневольной социальной среды [40, с. 155—159].

По мнению А. Ю. Нестерова, в советское время совершалась пенитенциарная ресоциализация осужденных несовершеннолетних. Она представляла собой процесс вторичной социализации. Находившиеся в воспитательной

колонии малолетние заключенные приспосабливались к исключительно непривычной социальной среде пенитенциарного учреждения. Стремясь выжить в заключении, они были вынуждены устанавливать социально полезные связи с администрацией учреждения, с влиятельными представителями воспитательной колонии и тюремными авторитетами [40, с. 159].

На основе опубликованных и архивных источников проанализированы проблемы социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей в трудовых и трудовых воспитательных колониях в 1940-х гг. [41]

Подводя итоги, согласимся с замечанием Н. М. Маркдорф о том, что в целом, исходя из условий военного периода и послевоенного десятилетия, можно выделить как общие проблемы сиротства, беспризорности и безнадзорности детей, характерные для всего Советского Союза, так и региональные особенности ее проявления, что обуславливалось социально-экономической и политической ситуацией [3, с. 66]. Другими словами, при анализе этой проблемы необходимо учитывать, находилось ли детское учреждение в европейской или азиатской части страны, в районах, освобожденных от оккупации, или тыловых регионах. Эти факты во многом определяли их материальные, человеческие, организационные и другие ресурсы.

Анализ работ, исследующих проблему социального и фактического сиротства в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы на основе архивных данных, показывает значимость изучения вопроса по регионам. Это позволяет открывать и вводить в научный оборот новые конкретные и детализированные знания, выделять специфические черты проявления и решения этой проблемы на местах. Представляется, что эти дополнения позволят создать более глубокую и масштабную картину рассматриваемого социального явления.

Список источников

1. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х — начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы : дис. ... д-ра истор. наук. Самара, 2011. 488 с.
2. Рябова Т. С. Жизнь беспризорников и безнадзорных детей в годы Великой Отечественной войны // Электронный научный архив УрФУ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39463/1/uiibch_2007_02_60.pdf (дата обращения: 14.08.2023).
3. Маркдорф Н. М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944—1950) // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 64—79.
4. Рокутова О. А. О причинах беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в СССР в 1940-е гг. // СССР во Второй мировой войне : Третьи Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского : сб. ст. Оренбург, 2010. С. 208—210.
5. Красноженова Е. Е. Социальная проблема беспризорности и безнадзорности и ее решение в период Великой Отечественной войны (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 19—22.
6. Славко А. А. Источники по истории детской беспризорности и безнадзорности в России 1920-х — начала 1950-х годов // Вестник ИГЭУ. 2011. № 1. С. 151—155. URL: <http://vestnik.ispu.ru/sites/vestnik.ispu.ru/files/publications/151—155.pdf> (дата обращения: 13.08.2023).
7. Ашенова К. К. Советское детство: повседневная жизнь детей Омска (1961—1980 гг.) : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тюмень, 2018. 27 с.
8. Нуркина К. К. Освещение детской повседневности в советской отечественной историографии // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 7 февр. 2014 г.). Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. Ч. 1. С. 185—188.
9. Вычеров Д. А. Повседневная жизнь советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени) : дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2022. 230 с.
10. Сактаганова З. Г., Абдукаримова Ж. К., Сальникова А. А. Дети войны: беспризорность и безнадзорность в Центральном Казахстане в 1941—1945 гг. (по архивным документам) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 202—214.

11. Исаев В. В. Эвакуированные детские учреждения Ленинграда в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны // *Город на Неве в истории Алтая: люди и судьбы* / отв. ред. И. Н. Никулина. Барнаул, 2020. С. 92—116.
12. Дунбинская Т. И. Статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*. 2011. № 13 (115). С. 146—151.
13. Алексеева В. В. Организация дошкольного воспитания в годы Великой Отечественной войны // *В мире научных открытий*. 2015. № 9 (69). С. 48—55.
14. Тряхов И. С., Тряхова С. В. Функционирование дошкольных учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской и Ивановской областей) // *Вестник гуманитарного образования*. 2022. № 2 (26). С. 68—78.
15. Черказьянова И. В. Возрождение немецкого национального образования в СССР в 1950-х гг.: планы и реальность // *Сибирь гуманитарная*. 2023. № 2 (2). С. 90—91.
16. Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области: 1940—1950 гг. / авт.-сост. Н. М. Маркдорф. СПб. : Нестор-история, 2017. 224 с.
17. Блинова В. В. Деятельность приемников-распределителей в послевоенные годы в 1945—1953 гг.: историко-правовой аспект // *Закон и право*. 2019. № 2. С. 41—44.
18. Маркдорф Н. М. Дети войны. Проблема детской беспризорности и безнадзорности в тыловых районах СССР // *Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева*. 2020. № 4. С. 132—139.
19. Банзаракцаева Е. В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Бурятского госуниверситета*. 2010. № 7. С. 17—21.
20. Славко А. А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // *Вестник Чувашияского университета*. 2010. № 1. С. 79—88.
21. Варехина А. Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // *Педагогическое образование в России*. 2012. № 4. С. 32—39.
22. Матерова Е. В. Детские дома Доволенского района Новосибирской области периода Великой Отечественной войны в воспоминаниях их воспитанников и воспитателей // *Библиотека сибирского краеведения*. URL: <http://bsk.nios.ru/> (дата обращения: 11.09.2023).
23. Седова Д. В. Детские дома в СССР в послевоенные годы 1945—1955: их типы и виды, особенности деятельности // *Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории*. 2015. № 9—10 (38). С. 5—10.
25. Быкова Л. В., Уфимцева М. А. Воспитание детей-сирот в дошкольном детском доме в условиях послевоенной реорганизации советского общества // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 9. С. 224—228.
26. Верзилин Н. М. Воспитание в детских домах во время войны: по материалам Ленинграда и Ленинградской области // *Советская педагогика*. 1943. № 11—12. С. 50—54.
27. Войткевич И. Н. Опыт решения проблемы детской беспризорности на территории Омской области в 1941—1945 годы // *Исторические науки. Фундаментальные исследования*. 2013. № 10, ч. 14. С. 3211—3214.
28. Быкова Л. В., Докучаева И. Г. Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 3. С. 585—594.
29. Храмкова Е. Л. Средние специальные учебные заведения России 1941—1945 годов в современной историографии // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2007. № 19 (5). С. 167—170.
30. Ложкина И. А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны: на материалах детских домов и интернатов Удмуртской АССР : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2010. 25 с.
31. Гусак В. А. Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941—1945 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 48 с.
32. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью несовершеннолетних (1941—1945 годы) // *Петербургский исторический журнал*. 2021. № 2. С. 130—142.
33. Кискидосова Т. А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // *Исторический курьер*. 2021. № 1 (15). С. 146—155. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-13.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).
34. Ромашова М. В. Советское детство в 1945 — середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики: по материалам Молотовской области : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 2006. 24 с.

35. Бубличенко В. Н. Детские закрытые учреждения НКВД — МВД СССР на Европейском Севере России (1935—1956 гг.) : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Сыктывкар, 2007. 24 с.
36. Бубличенко В. Н. Детские пенитенциарные учреждения Европейского Севера России в 1930—1950-е годы // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 4. С. 1198—1253.
37. Жатикова И. В. История преодоления проблем беспризорности и безнадзорности в России (на примере Орловской области) // *Среднерусский сборник общественных наук*. 2009. № 3. С. 153—155.
38. Гербеов Ю. В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (историко-педагогическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1969. 34 с.
39. Якушина Е. С. Правовое регулирование деятельности воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в пенитенциарной системе Советского государства в 1941—1958 годах (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 31 с.
40. Нестеров А. Ю. Советская концепция прав в отношении несовершеннолетних осужденных (и неосужденных), отбывающих наказание в системе ГУЛАГа (1918—1956 гг.) // *Власть*. 2015. № 6. С. 155—159.
41. Славко А. А. Роль специальных детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2009. № 3 (4). С. 169—172.

References

1. Slavko A.A. Detskaia besprizornost i beznadzornost v Rossii kontsa 1920-kh – nachala 1950-kh godov: sotsialnyi portret, prichiny, formy borby [Child homelessness and neglect in Russia in the late 1920s – early 1950s: social portrait, causes, forms of struggle]: dis. ... d-ra istor. nauk. Samara, 2011, 488 p.
2. Riabova T.S. Zhizn besprizornikov i beznadzornykh detei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Life of street children and neglected children during the Great Patriotic War], *Elektronnyi nauchnyi arkhiv UrFU* [Electronic Scientific Archive of UrFU]. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39463/1/uiibch_2007_02_60.pdf (accessed: 14.08.2023).
3. Markdorf N.M. Problemy likvidatsii detskoï besprizornosti i beznadzornosti v Kuzbasse (1944–1950) [Problems of elimination of child homelessness and neglect in Kuzbass (1944–1950)], *Istoriia povsednevnosti* [History of everyday life], 2020, no. 4 (16), pp. 64–79.
4. Rokutova O.A. O prichinakh besprizornosti i beznadzornosti nesovershennoletnikh v SSSR v 1940-е гг. [On the causes of homelessness and neglect of minors in the USSR in the 1940s], *SSSR vo Vtoroi mirovoi voine : Treti Vserossiiskie istoriko-kraevedcheskie chteniia pamiati professora P.E. Matvievskogo* [The USSR in World War II : Third All-Russian Local History readings in memory of Prof. P. E. Matvievsky]: sb. st. Orenburg, 2010, pp. 208–210.
5. Krasnozhenova E.E. Sotsialnaia problema besprizornosti i beznadzornosti i ee reshe-nie v period Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam Nizhnego Povolzhia) [The social problem of homelessness and neglect and its solution during the Great Patriotic War (on the materials of the Lower Volga region)], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï RAN* [Vestnik of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research RAS], 2012, no. 4, pp. 19–22.
6. Slavko A.A. Istochniki po istorii detskoï besprizornosti i beznadzornosti v Ros-sii 1920-kh – nachala 1950-kh godov [Sources on the history of child homelessness and neglect in Russia in the 1920s – early 1950s], *Vestnik IGEU* [Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University-Ivanovo National Power Engineering University], 2011, no. 1, pp. 151–155. Available at: <http://vestnik.ispu.ru/sites/vestnik.ispu.ru/files/publications/151–155.pdf> (accessed: 13.08.2023).
7. Ashenova K.K. Sovetskoe detstvo: povsednevnaia zhizn detei Omska (1961–1980 gg.) [Soviet childhood: everyday life of children in Omsk (1961–1980)]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Tiïmen, 2018, 27 p.
8. Nurkina K.K. Osveshchenie detskoï povsednevnosti v sovetskoi otechestvennoi istoriografii [Coverage of children's everyday life in Soviet Russian historiography], *Kultura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, science, education: problems and prospects]: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Nizhnevartovsk, 7 fevr. 2014 g.). Nizhnevartovsk, Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2014, part 1, pp. 185–188.
9. Vycherov D.A. Povsednevnaia zhizn sovetskikh shkolnikov tylovogo goroda v gody Ve-likoi Otechestvennoi voiny (na materialakh g. Tiïmeni) [Daily life of Soviet schoolchildren of the rear city during the Great Patriotic War (on the materials of Tyumen): dis. ... kand. istor. nauk. Saint-Petersburg, 2022, 230 p.
10. Saktaganova Z.G., Abdukarimova Zh.K., Salnikova A.A. Deti voiny: besprizornost i beznadzornost v Tsentralnom Kazakhstane v 1941–1945 gg. (po arkhivnym dokumentam) [Children of War: in the Central Kazakhstan in 1941–1945 gg. (on archival documents)]

- homelessness and neglect in Central Kazakhstan in 1941–1945 (based on archival documents)], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Ser.: Humanities], 2021, vol. 163, book 6, pp. 202–214.
11. Isaev V.V., Nikulina I.N. (ed.) Evakuirovannye detskie uchrezhdeniia Leningrada v Altaiskom krae v go-dy Velikoi Otechestvennoi voyny [Evacuated children's institutions of Leningrad in Altai Krai during the Great Patriotic War], *Gorod na Neve v istorii Altaia: liudi i sudby* [City on the Neva in the history of Altai: people and fates]. Barnaul, 2020, pp. 92–116.
12. Dunbinskaia T.I. Statistika evakuirovannykh i mestnykh detskikh uchrezhdenii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Zapadnoi Sibiri) [Statistics of evacuated and local children's institutions during the Great Patriotic War (on the materials of Western Siberia)], *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin (TSPU Bulletin)], 2011, no. 13 (115), pp. 146–151.
13. Alekseeva V.V. Organizatsiia doshkolnogo vospitaniia v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Organization of pre-school education in the Great Patriotic War years], *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discovery], 2015, no. 9 (69), pp. 48–55.
14. Triakhov I.S., Triakhova S.V. Funktsionirovanie doshkolnykh uchrezhdenii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Vladimirskoi i Ivanovskoi oblasti) [Functioning of preschool institutions during the Great Patriotic War (on the materials of Vladimir and Ivanovo regions)], *Vestnik humanitarnogo obrazovaniia* [Vestnik of Humanitarian Education], 2022, no. 2 (26), pp. 68–78.
15. Cherkazianova I.V. Vozrozhdenie nemetskogo natsionalnogo obrazovaniia v SSSR v 1950–kh gg.: plany i realnost' [Revival of German National Education in the USSR in the 1950s: Plans and Reality], *Sibir humanitarnaia* [Siberia humanitarian], 2023, no. 2 (2), pp. 90–91.
16. Markdorf N. M. (ed.). Leningradskie nemtsy na spetsposelenii v Kemerovskoi oblasti: 1940–1950 gg. [Leningrad Germans on special settlement in Kemerovo Region: 1940–1950]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriia, 2017, 224 p.
17. Blinov V.V. Deiatelnost priemnikov-raspredeleitelei v poslevoennye gody v 1945–1953 gg.: istoriko-pravovoi aspekt [Activities of reception centers in the post-war years in 1945–1953: historical and legal aspect], *Zakon i pravo* [Law and legal], 2019, no. 2, pp. 41–44.
18. Markdorf N.M. Deti voyny. Problema detskoj besprizornosti i beznadzornosti v tylovykh raionakh SSSR [Children of the war. The problem of child homelessness and neglect in the rear areas of the USSR], *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Arabaeva* [Vestnik of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev], 2020, no. 4, pp. 132–139.
19. Banzaraksaeva E.V. Detskie doma Buriatii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Children's homes in Buryatia during the Great Patriotic War], *Vestnik Buriatskogo gosuniversiteta* [Vestnik of Buryat State University], 2010, no. 7, pp. 17–21.
20. Slavko A.A. Detskie doma i shkoly dlia detei-sirot v Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny i poslevoennyi period [Children's homes and schools for orphans in Russia during the Great Patriotic War and the post-war period], *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Vestnik of Chuvash University], 2010, no. 1, pp. 79–88.
21. Varekhina A.N. Detskie doma na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Orphanages in the Urals during the Great Patriotic War], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2012, no. 4, pp. 32–39.
22. Materova E.V. Detskie doma Dovolenskogo raiona Novosibirskoi oblasti perioda Velikoi Otechestvennoi voyny v vospominaniakh ikh vospitannikov i vospitatelei [Children's homes of Dovolensky district of Novosibirsk region during the Great Patriotic War in the memories of their pupils and educators], *Biblioteka sibirskogo kraevedeniia* [Library of Siberian local lore]. Available at: <http://bsk.nios.ru/> (accessed: 11.09.2023).
23. Sedova D.V. Detskie doma v SSSR v poslevoennye gody 1945–1955: ikh tipy i vidy, osobennosti deiatelnosti [Children's homes in the USSR in the post-war years 1945–1955: their types and types, peculiarities of activity], *Nauchnaia diskussii: voprosy sotsiologii, politologii, filosofii, istorii* [Scientific discussion: issues of sociology, political science, philosophy, history], 2015, no. 9–10 (38), pp. 5–10.
24. Tsentr. nauch.-metod. kabinet det. domov Narkomprosa RSFSR (ed.), Upr. det. domov NKP RSFSR (ed.). V pomoshch' direktoru detskogo doma: sbornik dokumentov i instrukтивно-metodicheskikh materialov [Assistance to the director of an orphanage: a collection of documents and instructional and methodological materials], Moscow, Uchpedgiz, 1945, 176 p.
25. Bykova L.V., Ufimtseva M.A. Vospitanie detei-sirot v doshkolnom detskom dome v usloviakh poslevoennoi reorganizatsii sovetskogo obshchestva [Upbringing of orphans in a pre-school orphanage in the conditions of post-war reorganization of Soviet society], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2014, no. 9, pp. 224–228.
26. Verzilin N.M. Vospitanie v detskikh domakh vo vremia voyny: po materialam Leningrada i Leningradskoi oblasti [Education in orphanages during the war: on the materials of Leningrad and Leningrad region], *Sovetskaiia pedagogika* [Soviet pedagogy], 1943, no. 11–12, pp. 50–54.

27. Voitkevich I.N. Opyt resheniia problemy detskoï besprizornosti na territorii Omskoi oblasti v 1941–1945 gody [Experience of solving the problem of child homelessness in the Omsk region in 1941–1945], *Istoricheskie nauki. Fundamentalnye issledovaniia* [Historical Sciences. Fundamental research], 2013, no. 10, part 14, pp. 3211–3214.
28. Bykova L.V., Dokuchaeva I.G. Uchebnye zavedeniia trudovykh rezervov Zapadnoi Sibiri v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1942 gg.) [Educational institutions of labor reserves of Western Siberia at the beginning of the Great Patriotic War (1941–1942)], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kemerovo State University], 2019, vol. 21 no. 3, pp. 585–594.
29. Khramkova E. L. Srednie spetsialnye uchebnye zavedeniia Rossii 1941–1945 godov v sovremennoi istoriografii [Secondary specialized educational institutions of Russia 1941–1945 in modern historiography], *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of the Saratov State Socio-Economic University], 2007, no. 19 (5), pp. 167–170.
30. Lozhkina I.A. Sotsialnaia zashchita detei-sirot v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: na materialakh detskikh domov i internatov Udmurtskoi ASSR [Social Protection of orphans during the Great Patriotic War: on the materials of orphanages and boarding schools of the Udmurt ASSR]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Izhevsk, 2010, 25 p.
31. Gusak V.A. Deiatel'nost' sovetskoi militsii po obespecheniiu funktsionirovaniia tyla v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, iun 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie [Activities of the Soviet militia to ensure the functioning of the rear during the Great Patriotic War, June 1941–1945: historical and legal study]: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. Moscow, 2010, 48 p.;
32. Zhadan A.V. Deiatel'nost' organov NKVD Dal'nego Vostoka po borbe s prestupnostiu nesovershennoletnikh (1941–1945 gody) [Activities of the NKVD bodies of the Far East to combat juvenile delinquency (1941–1945)], *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal]. 2021. № 2. S. 130–142.
33. Kiskidosova T.A. Borba s detskoï besprizornostiu i beznadzornostiu v Khakasii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Combating child homelessness and neglect in Khakassia during the Great Patriotic War], *Istoricheskii kurer* [Historical Courier], 2021, no. 1 (15), pp. 146–155. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-13.pdf> (accessed: 15.09.2023).
34. Romashova M.V. Sovetskoe detstvo v 1945 – seredine 1950-kh gg.: gosudarstvennye proekty i provintsialnye praktiki: po materialam Molotovskoi oblasti [Soviet childhood in 1945 – mid-1950s: state projects and provincial practices: on the materials of the Molotov region]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Perm, 2006, 24 p.
35. Bublichenko V.N. Detskie zakrytye uchrezhdeniia NKVD – MVD SSSR na Evropeiskom Severe Rossii (1935–1956 gg.) [Children's closed institutions of the NKVD – MIA of the USSR in the European North of Russia (1935–1956)]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Syktyvkar, 2007, 24 p.
36. Bublichenko V.N. Detskie penitentsiarnye uchrezhdeniia Evropeiskogo Severa Rossii v 1930–1950-e gody [Children's penitentiary institutions of the European North of Russia in the 1930s–1950s], *Historia provinciae – zhurnal regionalnoi istorii* [Historia provinciae – Journal of Regional History], 2021, vol. 5, no. 4, pp. 1198–1253.
37. Zhatikova I.V. Istoriia preodoleniia problem besprizornosti i beznadzornosti v Rossii (na primere Orlovskoi oblasti) [History of overcoming the problems of homelessness and neglect in Russia (on the example of the Orel region)], *Srednerusskii sbornik obshchestvennykh nauk* [Srednerussky collection of social sciences], 2009, no. 3, pp. 153–155.
38. Gerbeev Iu.V. Ispravitelnye uchrezhdeniia dlia nesovershennoletnikh pravonarushitelei (istoriko-pedagogicheskoe issledovanie) [Correctional institutions for juvenile offenders (historical and pedagogical study)]: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Moscow, 1969, 34 p.
39. Iakushina E.S. Pravovoe regulirovanie deiatel'nosti vospitatelnykh uchrezhdenii dlia nesovershennoletnikh pravonarushitelei v penitentsiarnoi sisteme Sovetskogo gosudarstva v 1941–1958 godakh (istoriko-pravovoe issledovanie) [Legal Regulation of the Activity of Educational Institutions for Juvenile Offenders in the Penitentiary System of the Soviet State in 1941–1958 (Historical and Legal Study)]: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk. Moscow, 2016, 31 p.
40. Nesterov A.Iu. Sovetskaiia kontseptsiiia prav v otnoshenii nesovershennoletnikh osuzhdennykh (i neosuzhdennykh), otbyvaiushchikh nakazanie v sisteme GULAGa (1918–1956 gg.) [The Soviet concept of rights in relation to juvenile convicts (and non-convicts) serving sentences in the Gulag system (1918–1956)], *Vlast* [Power], 2015, no. 6, pp. 155–159.
41. Slavko A.A. Rol spetsialnykh detskikh kolonii v borbe s besprizornostiu i beznadzornostiu v Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i poslevoennyi period [The Role of Special Children's Colonies in Combating Homelessness and Neglect in Russia during the Great Patriotic War and the Postwar Period], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvo*. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]. Tambov, Gramota, 2009, no. 3 (4), pp. 169–172.

Информация об авторе

Антоненко Валентин Сергеевич — преподаватель, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: antonenkoval@gmail.com

Information about the author

Valentin S. Antonenko — teacher, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: antonenkoval@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 22.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Деятельность советских госорганов в системе образования

Научная статья
УДК 351.74(47+57)«1930/40»
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-32-41

Подготовка офицерских кадров НКВД СССР: 1930—1940-е гг.

Никита Игоревич Зайцев

Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация, z_nikita@internet.ru

Аннотация. В статье автор анализирует систему подготовки офицерских кадров в Советском Союзе в 1930—1940-х гг. Учтены советские нормативные правовые акты, показана преемственность законодательства, определившего состояние подготовки кадров, исследованы направления деятельности органов НКВД по улучшению подготовки кадров, дана характеристика учебных заведений. Автор констатирует, что в годы Великой Отечественной войны военно-учебными заведениями войск НКВД проделана большая работа по обучению и воспитанию офицерского состава для данного рода войск.

Ключевые слова: НКВД — МВД СССР, государственная служба, подготовка кадров, военно-учебные заведения, Великая Отечественная война

Для цитирования: Зайцев Н. И. Подготовка офицерских кадров НКВД СССР: 1930—1940-е гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 32—41. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-32-41.

The activities of Soviet state bodies in the education system

Original article

Training of officer personnel of the NKVD of the USSR: 1930s—1940s.

Nikita I. Zaitsev

Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk, Russian Federation, z_nikita@internet.ru

Abstract. In the article, the author analyzes the system of officer training in the Soviet Union in the 1930s and 1940s. The Soviet normative legal acts are taken into account, the continuity of legislation that determined the state of personnel training is shown, the directions of activity of the NKVD bodies to improve personnel training are investigated, and the characteristics of educational institutions are given. The author states that during the Great Patriotic War, the military educational institutions of the NKVD troops did a lot of work on training and educating officers for this kind of troops.

Keywords: NKVD — Ministry of Internal Affairs of the USSR, civil service, personnel training, military educational institutions, the Great Patriotic War

For citation: Zaitsev N.I. Training of officer personnel of the NKVD of the USSR: 1930s—1940s. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):32—41. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-32-41.

Проблема подготовки кадров для органов государственной безопасности актуальна в настоящее время, для ее решения важен опыт Советского государства.

История системы подготовки кадров, особенно для армии и органов госбезопасности, свидетельствует о том, что это сложный процесс, всегда тесно связанный с изменениями как в самом государстве, так и во всех силовых структурах. Реформы, проводимые на уровне государства, во многом были обусловлены международной обстановкой и политической ситуацией в стране.

В отечественной историографии накоплено большое количество специализированных работ, посвященных формированию, обучению офицерского состава НКВД — МВД СССР. В основном российские исследователи, рассматривая проблемы деятельности силовых структур в целом, обращали внимание на кадровый вопрос [1—4]. А. Н. Гузеев обобщил опыт и выявил особенности подготовки офицерского состава для войск НКВД в различные периоды Великой Отечественной войны. Им были рассмотрены учебно-педагогическая, организационно-хозяйственная и служебно-боевая деятельность 4-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ (Саратовское военное училище) в 1932—1973 гг. [5]

Деятельность войск НКВД и подготовку офицеров в годы Великой Отечественной войны также изучали Е. Д. Проценко, Е. В. Байкеев, А. В. Исаев. Ими были выделены основные направления деятельности государственных, партийных и военных органов при решении вопросов формирования военных кадров для силовых структур СССР в военное время, подсчитана численность подготовленных и переподготовленных офицеров в НКВД [6 ; 7]. Деятельность профессиональных организаций для НКВД — МВД СССР и подведомственных структурах исследовали С. Н. Тихомиров, А. П. Нахимов, А. В. Киринос, В. А. Колесников. Они отмечали, что система профессиональной подготовки НКВД главным образом ориентировалась на преодоление кадрового голода за счет элементарного и ускоренного профессионального обучения всех уровней (начальное, среднее, старшее и высшее) начсостава одновременно [8 ; 9].

С. Я. Ковганов обобщил опыт Новосибирской межкраевой школы — средней специальной школы № 311 в обучении военных контрразведчиков в 1935—1974 гг., где к 1974 г. сложились оригинальные методики их подготовки. Раскрывая проблемы профессионального образования военных контрразведчиков в Советской стране, историк определил степень влияния теоретических разработок и опыта подготовки военных контрразведчиков в 1903—1934 гг. на формирование профессиональных требований к содержанию их подготовки и обучения; выделил решаемые органами военной контрразведки задачи в зависимости от меняющейся политической и оперативной обстановки в стране; выявил особенности функционирования системы обучения советских военных контрразведчиков, раскрыл содержание деятельности учебных заведений органов безопасности [10].

Основные направления идейно-политического воспитания военнослужащих войск МВД (МГБ) СССР в 1946—1960 гг. исследовали А. К. Прохоров, А. А. Климов, В. А. Пленкин [11 ; 12 ; 13, с. 35—36 ; 14]. Авторы показали роль государственных и политических органов в развитии и совершенствовании войск НКВД. Совещания и семинары, проводимые с участием командного состава имели целью вооружения командиров-единоначальников практикой организационно-партийной и идеологической работы и идейно-политического воспитания личного состава войск НКВД.

На протяжении 1930-х гг. на пленумах ЦК ВКП(б) и заседаниях Политбюро рассматривались различные проблемы, связанные с разносторонней подготовкой страны к возможной войне. Руководство страны, понимая особую важность подготовки грамотных офицеров госбезопасности, принимало все возможные меры не только для поднятия престижа военной службы, но и для организации учебного процесса и улучшения условий быта курсантов и слушателей.

Согласно постановлению Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР от 10 июля 1934 г. с образованием НКВД СССР войска ОГПУ стали именоваться войсками НКВД и штатно вошли в состав и подчинение Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. Ощутимые организационно-штатные изменения претерпели конвойные войска, вошедшие в состав внутренних войск. Реорганизация и переподчинение родов войск потребовали глубокой проработки руководящих документов, на основании которых должна была организовываться повседневная служебная деятельность. В результате была разработана в полном объеме отвечающая новым условиям нормативно-правовая база.

В октябре 1935 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об утверждении „Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом пограничной и внутренней охраны НКВД СССР“», а позднее приказом народного комиссара внутренних дел СССР от 21 июня 1936 г. № 227 определили такие положения, как командный и начальствующий состав; командные и специальные военные звания; порядок присвоения воинских званий; знаки различия; порядок назначения на должности; права и обязанности командного и начальствующего состава; увольнение командного и начальствующего состава из кадров и действующего резерва пограничной и внутренней охраны; порядок присвоения военных званий командному и начальствующему составу пограничной и внутренней охраны, состоящему в запасе пограничной и внутренней охраны НКВД [15, л. 405—424].

Рост объема выполняемых задач и их разноплановость неизбежно привели к очередным реформам. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР от 2 февраля 1939 г. войска Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД разделялись на шесть самостоятельных управлений: Главное управление пограничных войск; Главное управление войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений; Главное управление войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности; Главное управление конвойных войск НКВД СССР; Главное управление военного снабжения НКВД СССР; Главное военно-строительное управление войск НКВД СССР.

В подчинение созданным главным управлениям передали все войсковые части и учреждения, а военно-учебные заведения перешли в подчинение отдела кадров НКВД СССР. Войска НКВД теперь составляли: пограничные войска; оперативные войска; конвойные войска; войска по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог. По итогам проведенных реорганизационных мероприятий общая численность войск НКВД СССР стала составлять более 330 тыс. человек, а численность командного состава — около 40 тыс. человек. В связи с возросшей численностью войск и их техническим оснащением перед кадровыми аппаратами встала задача подбора и расстановки командных (руководящих) кадров, их профессиональной подготовки (переподготовки). Потребность в командирах, политработниках, инженерах, техниках и других специалистах ежегодно составляла около 3-3,5 тыс. человек [16].

Задачами Народного комиссариата внутренних дел, как центрального органа государственного управления СССР, прежде всего были обеспечение государственной безопасности, а именно борьба с преступностью, детской беспризорностью и безнадзорностью в тыловых районах страны и поддержание общественного порядка, а также ряд других важных задач. Выполнение такого широкого спектра задач в условиях постоянно меняющейся международной и внутренней политической обстановки требовало высокой и разносторонней квалификации офицерского состава, а значит, создания четко отлаженной системы военного образования.

С первых дней Великой Отечественной войны войска НКВД приняли непосредственное участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск. При этом они выполняли возложенные на них важнейшие задачи, такие как охрана тыла наших войск; поддержание режима военного положения в прифронтовой зоне; охрана линий правительственной связи; несение гарнизонной службы в городах и населенных пунктах, в том числе и освобожденных от противника; охрана общественного порядка [17 ; 18]; конвоирование осужденных, военнопленных и спецконтингента [19, с. 57—73], охрана лагерей военнопленных [20]; охрана предприятий промышленности, помощь в их эвакуации; охрана и оборона железнодорожных сооружений, составов и грузов; борьба с диверсионно-разведывательными группами, авиадесантами, бандформированиями и дезертирами; участие в специальных мероприятиях, в том числе и по переселению отдельных народов СССР [21]. В сложившейся военной обстановке требовались решительные меры по организации подготовки кадров НКВД, чтобы удовлетворить потребности в специалистах для работы в тылу, с одной стороны, и контроля, оказания помощи в действующих частях — с другой.

В связи с возложенными задачами основными направлениями деятельности органов НКВД по подготовке кадров стали:

- 1) расширение сети военно-учебных заведений, курсов подготовки и повышения квалификации офицерского (командного) состава;
- 2) призыв офицеров из запаса и их переподготовка в соответствии с потребностями войск;
- 3) назначение в порядке прохождения воинской службы на должности, предусматривающие офицерские звания младших командиров и красноармейцев, проявивших знания и умения военного дела, мужество, героизм и организаторские способности при исполнении воинского долга;
- 4) излечение и постановка в строй офицеров, проходивших реабилитационное лечение в госпиталях в результате получения травм, ранений при исполнении воинского долга;
- 5) ротация командного состава Красной армии, войск НКВД для организации мероприятий по формированию частей и соединений с целью качественного и своевременного восполнения боевых потерь [6, с. 72].

Чтобы удовлетворить возрастающую потребность войск в офицерских кадрах, необходимо было по разработанному плану перейти на сокращенные сроки обучения в военно-учебных заведениях, значительно увеличить в связи с этим численность переменного состава, обеспечить условия для нормального функционирования учебного процесса. Все военно-учебные заведения войск НКВД с началом войны перешли на сокращенные сроки подготовки курсантов и слушателей. В большинстве из них были открыты ускоренные курсы подготовки младших лейтенантов, младших политруков и различных специалистов.

На момент начала войны в систему военно-учебных заведений входили: Высшая школа войск НКВД СССР; Московское военно-техническое училище войск НКВД им. В. Р. Менжинского; Ново-Петергофское военно-политическое училище пограничных и внутренних войск им. К. Е. Ворошилова; Орджоникидзевское военное училище пограничных и внутренних войск НКВД им. С. М. Кирова; Ленинградское военное училище войск НКВД; Харьковское кавалерийское пограничное училище войск НКВД им. Ф. Э. Дзержинского; Харьковское военно-фельдшерское училище войск НКВД; Саратовское военное училище; Себежское специальное училище войск НКВД; Военно-морское пограничное училище НКВД [6, с. 73 ; 22].

Различные программы подготовки в военно-учебных заведениях позволяли обучать в них офицеров по всем направлениям боевого обеспечения, необходимого для боевых частей. Например, Московское военно-техническое училище готовило специалистов артиллерийско-технической связи

и интендантской службы. Харьковское кавалерийское пограничное училище имело в своем составе отделение подготовки офицеров-кавалеристов и автотомоброноотделение, готовя офицерские кадры для пограничных и внутренних войск на такие воинские должности, как начальник и помощник начальника пограничного звена, а также офицеров-автомобилистов на строевые (где личный состав занимается непосредственно боевой подготовкой и подготовкой к военным действиям) и технические должности (выполнение задач, связанных с поддержкой боевых действий, коммуникациями, логистикой, медицинским обслуживанием, обеспечением безопасности и другими функциями поддержания боевой готовности войск) — командира автомобильного взвода, автомобильной роты, начальника автостерской, заместителя командира автомобильной роты по технической части. Командиров линейных (строевых) пехотных подразделений готовили Орджоникидзевское, Саратовское и Ленинградское военные училища. Офицеры наиболее сложных и жизненно важных составляющих боевого обеспечения, такие как медицинское, инженерное обеспечение и химическая защита, получали подготовку преимущественно в Саратовском военном училище.

16 июля 1941 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) был введен (а точнее, восстановлен) институт военных комиссаров (назначенный в подразделение, часть, соединение, объединение специальный представитель политического руководства государства (либо правящей партии), осуществляющий политическое наблюдение за военным командованием и личным составом, а также ведущий в формировании политико-просветительскую и воспитательную работу). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. в новых обстоятельствах определил текущие направления политработы, связанные с переходом от мирного к военному времени. Потребовалось повышение роли и ответственности политработников подобно тому, как это имело место в период Гражданской войны и борьбы иностранной военной интервенцией. Президиум Верховного Совета СССР постановил реорганизовать управления и отделы политической пропаганды в политические управления и политические отделы Рабоче-Крестьянской Красной армии, а также внес предложение ввести во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной армии институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадронах — институт политических руководителей [23, л. 83—86].

Кадры политсостава выпускало Ново-Петергофское военно-политическое училище пограничных и внутренних войск НКВД им. К. Е. Ворошилова, основанное 14 ноября 1930 г. В связи с большой потребностью в кадрах политсостава среднего и старшего звена в июне 1943 г. Краснознаменное военно-политическое училище войск НКВД им. К. Е. Ворошилова было переформировано в Краснознаменную школу усовершенствования политсостава. На данный момент Голицынский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации (современное название) является одним из старейших военных учебных заведений. Он расположен в подмосковном городе Голицыно [24]. С 1930 по 1953 г. в школе прошло обучение свыше 12 000 командиров и политработников, еще около 5 000 человек прошли переподготовку на различных курсах при ней. Девять выпускников школы получили звание Героя Советского Союза. Также курсы усовершенствования политсостава были развернуты при Харьковском кавалерийском пограничном училище.

На начальном этапе войны (1941—1942), когда боевые действия непосредственно приближались к районам расположения военно-учебных заведений, была осуществлена их передислокация. Высшая ордена Ленина школа войск НКВД СССР, Ленинградское и Московское (бывшее Себежское) пехотные училища эвакуировались в Алма-Ату. По прибытии к месту

новой дислокации Ленинградское и Московское пехотные училища были объединены в одно учебное заведение – Пехотное военное училище войск НКВД, впоследствии переименованное в Ленинградское военное училище войск НКВД. Московское военно-техническое училище войск НКВД СССР им. В. Р. Менжинского было переведено в Новосибирск. Ново-Петергофское военно-политическое училище — в Саратов, а Харьковское кавалерийское училище — в Ташкент. После передислокации в Баку 7 января 1942 г. расформировывается Ленинградское военно-морское училище, а 15 октября 1942 г. после перемещения в Саратов — Харьковское военное фельдшерское училище войск НКВД [6, с. 73].

Таким образом, к концу 1942 г. в систему военно-учебных заведений войск НКВД входили шесть военных училищ и Высшая ордена Ленина школа войск НКВД. Их общая численность составляла порядка 14 000 человек. Такой большой аппарат по подготовке офицерских кадров требовал единого централизованного управления. 12 октября 1943 г. на основании постановления СНК СССР от 4 сентября 1943 г. Отдел военно-учебных заведений войск НКВД был преобразован в Управление военно-учебных заведений войск НКВД (УВУЗ)¹. На управление возлагались руководство всей деятельностью военно-учебных заведений по подготовке кадров для войск НКВД; комплектование и контроль за организацией учебного процесса слушателей из числа офицеров во всех академиях Красной армии; изучение и обобщение опыта служебной и боевой деятельности войск НКВД и внедрение этого опыта в процесс обучения; обеспечение войск НКВД и учебных заведений учебными пособиями, приборами, топографическими картами, учебно-материальной базой для проведения занятий.

Благодаря согласованному и оперативному подходу к выполнению своих функций, ОВУЗ (а затем УВУЗ) войск НКВД во взаимодействии со всеми военно-учебными заведениями смог обеспечить в 1943 г. подготовку офицерских кадров согласно плану НКВД СССР. Так, в 1943 г. военно-учебными заведениями войск НКВД был подготовлен и распределен в действующие войска 7 101 офицер [6, с. 75].

Помимо этого, с 1 апреля 1944 г. в Военной орденов Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменной ордена Суворова академии им. М. В. Фрунзе был создан отдельный факультет для подготовки офицеров-пограничников (численностью 300 слушателей), просуществовавший до 1 октября 1946 г. Выпускники факультета впоследствии пополняли командное звено частей НКВД [27, с. 159].

К началу 1945 г. штатная численность офицерского состава войск НКВД достигла 100 тыс. человек. В то же время количественный некомплект в их рядах составлял 10 тыс. офицеров. Из общего количества офицерского состава всех войск НКВД на 1 января 1945 г. офицеров с высшим образованием насчитывалось порядка 1 000 человек, со средним полным законченным курсом военных училищ — порядка 15 тыс. человек. Остальной личный состав прошел либо ускоренную подготовку военного времени, либо не имел вовсе никакого законченного военного образования [6, с. 75]. Бесспорно, вопрос подготовки, образования требовал своего дальнейшего решения.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны в систему военно-учебных заведений войск НКВД входили: ордена Ленина Краснознаменная высшая офицерская школа; Высшее военно-морское пограничное училище; Краснознаменная школа усовершенствования политсостава им. К. Е. Во-

¹ 18 марта 1941 г. было организовано Управление учебными заведениями (УУЗ) НКВД СССР, расформированное 31 июля текущего года. К 3 марта 1942 г. относится организация Отдела военно-учебных заведений (ОВУЗ) войск НКВД СССР, а 12 октября 1943 г. ОВУЗ был реорганизован в Управление военно-учебных заведений (УВУЗ) войск НКВД СССР. С 14 марта 1953 г. создано Управление учебных заведений (УУЗ) МВД СССР. См.: [25].

рошилова; факультет войск НКВД Краснознаменной и ордена Ленина Военной академии им. М. В. Фрунзе; Московское военно-техническое училище им. В. Р. Менжинского; Харьковское кавалерийское пограничное училище им. Ф. Э. Дзержинского; Саратовское военное училище; Орджоникидзе-ское военное училище им. С. М. Кирова; Ленинградское военное училище; Ташкентское суворовское училище; Кутаисское суворовское училище; курсы усовершенствования оперативного состава пограничных войск.

Следует отметить подготовку, переподготовку и совершенствование офицерских кадров для системы ГУПВИ (ОПВИ) НКВД — МВД СССР, конвойных войск для ЗапСибВО. Кадры пополнялись за счет фронтовиков, офицеров запаса вооруженных сил, состоящих на учете городских и районных военкоматов, часто не имеющих специального образования, иногда это были случайные лица, поэтому вопросы подготовки кадров не теряли своей актуальности и решались повсеместно и постоянно [28 ; 29 ; 30, с. 94—98].

Вопросы обучения и идеологического воспитания своей остроты не теряли на протяжении 1930—1940-х гг. Несмотря на значительные успехи, оставался ряд проблем в области подготовки кадров НКВД. Уровень образованности личного состава в довоенное время был более высоким.

Только к концу войны удалось вернуться к довоенным стандартам в вопросах организации учебного процесса и быта курсантов. Сложная обстановка на фронтах не позволяла раньше совершенствовать военную систему образования.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о нехватке квалифицированных кадров в системе НКВД — МВД СССР в военное и первое послевоенное время. От решения кадрового вопроса во многом зависело выполнение ряда важнейших задач, решаемых Советской страной как на фронте, так и в тылу. Организация эффективной системы подготовки военных кадров для войск НКВД в годы Великой Отечественной войны позволила решить вопрос подготовки офицеров этого рода войск, в которых в условиях военного времени нуждалось государство. Выполнение военными учебными заведениями задачи подготовки офицерских кадров для войск НКВД внесло весомый вклад в выполнение задач, стоящих перед Красной (Советской) Армией в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Актуальность вопроса эффективной организации системы подготовки военных кадров сложно переоценить и в наше время, поэтому многие современные руководители уделяют большое внимание изучению проблем военного строительства в довоенный период и в военное время. Изучение опыта проделанной колоссальной работы по организации в кратчайшие сроки хорошо отлаженной системы военного образования, которая безошибочно функционировала в суровые для страны годы, бесценен и может быть использован и на современном этапе.

Список источников

1. Гашенко В. А. Деятельность органов безопасности по защите глубокого тыла в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 27 с.
2. Онищенко В. В. Образование и деятельность советских органов государственной безопасности в Кемеровской области: 1943—1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010. 28 с.
3. Тепляков А. Г. Органы ОГПУ — НКВД — НКГБ в Сибири: структура и кадры: 1929—1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск. 2011. 28 с.
4. Тужилин С. В. Деятельность органов государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке по обеспечению обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны: 1938—1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск. 2012. 28 с.
5. Гузеев А. Н. Подготовка кадров среднего командного состава для войск ОГПУ — НКВД СССР, 1930—1945 гг.: исторический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001. 26 с.

6. Проценко Е. Д., Байкеев Е. В. Деятельность военно-учебных заведений войск НКВД по подготовке офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2005. № 2 (26). С. 72—75.
7. Исаев А. В. Подготовка офицерских кадров войск НКВД — МВД (МГБ) СССР в 1945—1953 гг.: историческое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 24 с.
8. Тихомиров С. Н. Профессиональное образование в МВД России: опыт становления, закономерности и перспективы развития. М. : МосУ МВД России, 2006. 257 с.
9. Нахимов А. П., Киринос А. В., Колесников В. А. Образовательные организации системы МВД / НКВД в Воронежском регионе (1888—1942 гг.). Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2017. 382 с.
10. Ковганов С. Я. Подготовка военных контрразведчиков в СССР в 1935—1974 гг.: опыт деятельности Новосибирской межкрасной школы — средней специальной школы № 311 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2022. 27 с.
11. Прохоров А. К. Основные направления идейно-политического воспитания военнослужащих войск МВД (МГБ) СССР в 1946—1960 гг. // Армия и общество. 2015. № 2 (45). С. 83—85.
12. Прохоров А. К. Историческая необходимость совершенствования воспитательной работы в войсках МВД (МГБ) СССР в 1946—1960 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2015. № 1 (4). URL: <https://www.no-o-journal.ru/vak/2015-1-4/article-0040/> (дата обращения: 13.07.2023).
13. Климов А. А. Деятельность государственных органов по развитию внутренних войск МВД СССР в 1945—1960 гг. : дис. ... докт. ист. наук : специальность 07.00.02. М., 2010. 481 с.
14. Пленкин В. А. Деятельность государственных и политических органов Союза ССР по развитию и совершенствованию внутренних войск МВД (1953—1960) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 478.
16. Трусев В. Г., Тарасов С. Н. Подготовка командных кадров для внутренних войск (НКВД) в годы Великой Отечественной войны // Яковлевские чтения : сб. науч. ст. II межведомств. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч. Новосибирск, 2023. С. 459—467.
17. Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. 46 с.
18. Исторический опыт участия органов и войск НКВД — МГБ — МВД СССР в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (1939—1960 гг.) / под общ. ред. В. В. Золотова. М., 2019. 120 с.
19. Маркдорф Н. М. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны в Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во НГПУ. С. 57—73. (300 с.).
20. Маркдорф Н. М. Лагерный персонал и охрана иностранных военнопленных в лагерях Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2008. № 2. С. 94—98.
21. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : О.Г.И. — Мемориал, 2001. 326 с.
22. Михайлов В. А. Подготовка военных кадров войск ОГПУ — НКВД СССР в 30-е годы XX века и накануне начала Великой Отечественной войны // Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2019-03/mihaylov_v.a._osm_2019_0.pdf (дата обращения: 11.07.2023).
23. О реорганизации органов политической пропаганды и введении института политических комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии : указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 49.
24. Голицынский пограничный институт Федеральной службы безопасности : [офиц. сайт]. URL: <http://gpi.fsb.ru/history.html> (дата обращения: 10.09.2023).
25. Указатель переименования и хронологических рамок структурных подразделений // Исторические МАТериалы : [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/39000> (дата обращения: 17.10.2023).
26. Исторические МАТериалы : [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/38989> (дата обращения: 01.10.2023).
27. Военная академия имени М. В. Фрунзе: история Военной орденов Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменной, ордена Суворова академии. М. : Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1988. 292 с.
28. Маркдорф-Сергеева Н. М., Бикметов Р. С. Иностранные военнопленные в Кузбассе: документы и материалы. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. 252 с.
29. Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942—1956 гг. М. : Ин-т энергии знаний, 2011. 234 с.
30. Маркдорф Н. М. Лагерный персонал и охрана иностранных военнопленных в лагерях Западной Сибири (1945—1949 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 94—98.

References

1. Gashenko V.A. Dejatel'nost' organov bezopasnosti po zashhite glubokogo tyla v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (na materialah Novosibirskoj, Kemerovskoj i Tomskoj oblastej) [Activity of Security Bodies to Protect the Home Front during the Great Patriotic War 1941–1945 (on the materials of the Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk Regions)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 2008, 27 p.
2. Onishhenko V.V. Obrazovanie i dejatel'nost' sovetskih organov gosudarstvennoj bezopasnosti v Kemerovskoj oblasti: 1943–1991 gg. [Formation and activity of the Soviet state security bodies in the Kemerovo region: 1943–1991]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 2010, 28 p.
3. Tepljakov A.G. Organy OGPU – NKVD – NKGB v Sibiri: struktura i kadry: 1929–1941 gg. [OGPU – NKVD – NKGB Bodies in Siberia: structure and personnel: 1929–1941 (in Russian)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2011, 28 p.
4. Tuzhilin S.V. Dejatel'nost' organov gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR na Dal'nem Vostoke po obespecheniju oboronosposobnosti strany nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: 1938–1941 gg. [Activities of the USSR state security agencies in the Far East to ensure the defense capability of the country on the eve of the Great Patriotic War: 1938–1941]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Haba-rovsk, 2012, 28 p.
5. Guzeev A.N. Podgotovka kadrov srednego komandnogo sostava dlja vojsk OGPU – NKVD SSSR, 1930–1945 gg.: istoricheskij aspekt [Training of Secondary Command Personnel for the OGPU – NKVD Troops of the USSR, 1930–1945: Historical Aspect]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2001, 26 p.
6. Procenko E.D., Bajkeev E.V. Dejatel'nost' voenno-uchebnyh zavedenij vojsk NKVD po podgotovke oficerskih kadrov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Activity of military educational institutions of the NKVD troops in the training of officers during the Great Patriotic War], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of St. Petersburg State University], 2005, no. 2 (26), pp. 72–75.
7. Isaev A.V. Podgotovka oficerskih kadrov vojsk NKVD – MVD (MGB) SSSR v 1945–1953 gg.: istoricheskoe issledovanie [Training of officer cadres of the NKVD – MIA (MGB) troops of the USSR in 1945–1953: a historical study]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2012, 24 p.
8. Tihomirov S.N. Professional'noe obrazovanie v MVD Rossii: opyt stanovlenija, za-konomernosti i perspektivy razvitiya [Professional Education in the Ministry of Internal Affairs of Russia: experience of formation, regularities and prospects of development]. Moscow, MosU MVD Rossii, 2006, 257 p.
9. Nahimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. Obrazovatel'nye organizacii sistemy MVD/NKVD v Voronezhskom regione (1888–1942 gg.) [Educational organizations of the Ministry of Internal Affairs / NKVD system in the Voronezh region (1888–1942)]. Voronezh, Voronezhskij in-t MVD Rossii, 2017, 382 p.
10. Kovganov S.Ja. Podgotovka voennyh kontrrazvedchikov v SSSR v 1935–1974 gg.: opyt dejatel'nosti Novosibirskoj mezhkraevoj shkoly – srednej special'noj shkoly № 311 [Training of military counterintelligence officers in the USSR in 1935–1974: the activity experience of Novosibirsk inter-country school-secondary special school No. 311]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2022, 27 p.
11. Prohorov A. K. Osnovnye napravlenija idejno-politicheskogo vospitaniya voenno-sluzhashhih vojsk MVD (MGB) SSSR v 1946–1960 gg. [The main directions of ideological and political education of the servicemen of the USSR MIA (MGB) troops in 1946–1960], *Armija i obshhestvo* [Army and society], 2015, № 2 (45), pp. 83–85.
12. Prohorov A.K. Istoricheskaja neobходimost' sovershenstvovaniya vospitatel'noj ra-boty v vojskakh MVD (MGB) SSSR v 1946–1960 gg. [Historical necessity of improving the educational work in the troops of the Ministry of Internal Affairs (MGB) of the USSR in 1946–1960], *Nauka. Obshhestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2015, no. 1 (4). Available at: <https://www.noo-journal.ru/vak/2015-1-4/article-0040/> (accessed: 13.07.2023).
13. Klimov A.A. Dejatel'nost' gosudarstvennyh organov po razvitiyu vnutrennih vojsk MVD SSSR v 1945–1960 gg. [Activities of state bodies on the development of internal troops of the USSR Ministry of Internal Affairs in 1945–1960]: dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02. Moscow, 2010, 481 p.
14. Plenkin V.A. Dejatel'nost' gosudarstvennyh i politicheskikh organov Sojuza SSR po razvitiyu i sovershenstvovaniyu vnutrennih vojsk MVD (1953–1960) [Activities of state and political bodies of the Union of Soviet Socialist Republics on development and improvement of internal troops of the Ministry of Internal Affairs (1953–1960)]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1993.
15. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)]. coll. R-9401, aids 1, fol. 478.
16. Trusov V.G., Tarasov S.N. Podgotovka komandnyh kadrov dlja vnutrennih vojsk (NKVD) v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Training of command personnel for internal troops (NKVD) during the Great Patriotic War], *Jakovlevskie chtenija* [Yakovlev Readings]: sb. nauch. st. II mezhdv. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem : v 2 ch. Novosibirsk, 2023, pp. 459–467.

17. Vol'hin A.I. Dejatel'nost' organov gosudarstvennoj bezopasnosti Urala i Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Activities of the State Security Bodies of the Urals and Western Siberia during the Great Patriotic War 1941–1945]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2001, 46 p.
18. Zolotova V. V. (ed.) Istoricheskij opyt uchastija organov i vojsk NKVD – MGB – MVD SSSR v ohrane obshhestvennogo porjadka i obespechenii obshhestvennoj bezopasnosti (1939–1960 gg.) [Historical experience of participation of bodies and troops of the NKVD – MGB – MVD of the USSR in protecting public order and ensuring public safety (1939–1960)]. Moscow, 2019, 120 p.
19. Markdorf N.M. Voennoplennye i internirovannye Vtoroj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri [Prisoners of war and internees of World War II in Western Siberia]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, 300 p.
20. Markdorf N.M. Lagernyj personal i ohrana inostrannyh voennoplennyh v lagerjah Zapadnoj Sibiri [Camp staff and guards of foreign prisoners of war in the camps of Western Siberia], *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser.: Otechestvennaja istorija* [Humanities in Siberia. Ser.: Patriotic History], 2008, no. 2, pp. 94–98.
21. Poljan P.M. Ne po svoej vole... Istorija i geografija prinuditel'nyh migracij v SSSR [Not by choice... History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow, O.G.I. – Memorial, 2001, 326 p.
22. Mihajlov V.A. Podgotovka voennyh kadrov vojsk OGPU – NKVD SSSO v 30-e gody XX veka i nakanune nachala Velikoj Otechestvennoj vojny [Training of military personnel of the OGPU–NKVD SSO troops in the 1930s and on the eve of the Great Patriotic War]. Available at: https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2019-03/mihajlov_v.a._osm_2019_0.pdf (accessed: 11.07.2023).
23. O reorganizacii organov politicheskoy propagandy i vvedenii instituta politicheskikh komissarov v Raboche-Krest'janskoj Krasnoj Armii [On the reorganization of political propaganda bodies and introduction of the institution of political commissars in the Workers' and Peasants' Red Army]: ukaz Prezidiuma Verhovnogo So-veta SSSR ot 16 ijulja 1941 g. GARF [GARF], coll. R-7523, aids 4, fol. 49.
24. Golicynskij pogranichnyj institut Federal'noj sluzhby bezopasnosti [Golitsyn Frontier Institute of the Federal security service]: [ofic. sajт]. Available at: <http://gpi.fsb.ru/history.html> (accessed: 10.09.2023).
25. Ukazatel' pereimenovaniya i hronologicheskikh ramok strukturnyh podrazdelenij [An Index of renaming and chronological framework of structural units], *ISToricheskie MATerialy* [HISTORICAL MATERIALS]: [sajт]. Available at: <https://istmat.org/node/39000> (accessed: 17.10.2023).
26. ISToricheskie MATerialy [HISTORICAL MATERIALS]: [sajт]. Available at: <https://istmat.org/node/38989> (accessed: 01.10.2023).
27. Voennaja akademija imeni M. V. Frunze: istorija Voennoj ordenov Lenina i Oktjabr'skoj Revoljucii, Krasnoznamennoj, ordena Suvorova akademii [Frunze Military Academy: History of the Military Academy of the Order of Lenin and October Revolution, Red Banner, Order of Suvorov]. Moscow, Voennoe izd-vo Min-va oborony SSSR, 1988, 292 p.
28. Markdorf-Sergeeva N.M., Bikmetov R.S. Inostrannye voennoplennye v Kuzbasse: dokumenty i materialy [Foreign prisoners of war in Kuzbass: documents and materials]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2002, 252 p.
29. Markdorf N.M. Inostrannye voennoplennye, internirovannye, vlasovcy, belojemigranty v Zapadnoj Sibiri: 1942–1956 gg. [Foreign prisoners of war, internees, vlasovites, white emigrants in Western Siberia: 1942–1956]. Moscow, In-t jenergii znaniy, 2011, 234 p.
30. Markdorf N.M. Lagernyj personal i ohrana inostrannyh voennoplennyh v lagerjah Zapadnoj Sibiri (1945–1949 gg.) [Camp staff and guards of foreign prisoners of war in the camps of Western Siberia (1945–1949)], *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2008, no. 2, pp. 94–98.

Информация об авторе

Зайцев Никита Игоревич — командир роты курсантов, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: z_nikita@internet.ru

Information about the author

Nikita I. Zaitsev — cadet company commander, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: z_nikita@internet.ru

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 22.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В СССР

FEATURES OF NATIONAL EDUCATION IN THE USSR

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 42—59.
Siberia Humanitarian. 2023;(4):42—59.

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 392/3(47+57)Р(=112.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-42-59

Особенности воспитания детей у немцев Поволжья в конце XIX — начале XX в.: от рождения до конфирмации

Елена Анатольевна Арндт

Институт научных исследований и разработок, Саратов, Российская Федерация, earndt@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется система воспитания детей в крестьянских семьях немцев Поволжья в небольшой отрезок времени с конца XIX в. до депортации немецкого населения в 1941 г. в районы Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. Среди главных составляющих можно выделить раннее привлечение детей к выполнению трудовых обязанностей, воспитание законопослушности, уважения старших и подчинения им, ответственности, аккуратности, опрятности, любви к музыке и песне, глубокой религиозности, обязательное обучение грамоте, сочетание наказаний и поощрений, ориентиры на внутрисемейные ценности и традиционную семью. Основой для сложившейся системы воспитания стали особенности хозяйства и быта, условия автономного и изолированного от соседнего окружения других поволжских народов существования этнической группы, уникальный язык общения, состоящий из сохранившихся диалектов германских земель второй половины XVIII в., высокودуховная культура, а также создание в 1924—1941 гг. единственного государственного образования немцев в России — Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП).

Ключевые слова: немцы Поволжья, этнические особенности, воспитание детей, семья, семейные ценности, Республика немцев Поволжья, немецкие колонии

Для цитирования: Арндт Е. А. Особенности воспитания детей у немцев Поволжья в конце XIX — начале XX в.: от рождения до конфирмации // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 42—59. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-42-59.

Features of national education in the USSR

Original article

Peculiarities of upbringing of children among the Volga Germans in the late XIX — early XX centuries: from birth to confirmation

Elena A. Arndt

Institute of scientific research and development, Saratov, Russian Federation, earndt@yandex.ru

Abstract. The article studies the system of upbringing of children in peasant families of the Volga region Germans in a small period of time from the end of the XIX century to the deportation of the German population in 1941 to the regions of Kazakhstan, Siberia and the Far East. Among the main components are early involvement of children in labor duties, education of law-abidingness, respect for elders and obedience to them, responsibility, neatness, tidiness, love of music and song, deep religiosity, compulsory literacy, a combination of punishments and rewards, orientation to intra-family values and traditional family. The peculiarities of economy and everyday life, conditions of autonomous and isolated existence of the ethnic group from the neighboring environment of other Volga peoples, unique language of communication consisting of the preserved dialects of the German lands of the second half of the XVIII century, highly spiritual culture, as well as the creation in 1924—1941 of the only state formation of the Germans in Russia - the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Volga Germans (ASSR NP) — became the basis for this system of education.

Keywords: Volga Germans, ethnic characteristics, child rearing, family, family values, Republic of Volga Germans, German colonies

For citation: Arndt E. A. Peculiarities of upbringing of children among the Volga Germans in the late XIX — early XX centuries: from birth to confirmation. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):41—58. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-41-58.

Население в более чем 23 тыс. человек первых 105 колоний поволжских немцев, основанных переселенцами на правом и левом берегу Волги, согласно статистике удваивалось каждые 20 лет [1, с. 75] и в 1941 г. составило 605,6 тыс. человек [2, с. 189], а число поселений достигло 250. Данные показатели — результат высокой рождаемости, обусловленной успешной социально-экономической и хозяйственной адаптацией на новой родине в Поволжье. Низкий процент младенческой смертности и хороший показатель дожития детей до взрослого состояния в период до Октябрьской революции обуславливали наличие в семье поволжского немца в среднем пяти-шести детей.

В больших немецких семьях могли одновременно проживать несколько поколений, и такая семья насчитывала порою под одной крышей 25—30 человек (с. Прайс) и даже 42 (с. Визенмиллер) [3, с. 128—129]. Каждое поколение передавало последующему сохраненные в условиях проживания на новой родине мировоззрение, образ жизни, внутрисемейный уклад, обычаи и обряды, традиции, нормы и правила поведения, особенности религиозного культа. Сложившаяся система воспитания способствовала передаче хозяйственного опыта и навыков, необходимых для дальнейшего воспроизводства, роста числа и развития немецких поселений, формирования уникальной этнической общности и создания единственного государственного образования среди немцев России — Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП).

Воспитание детей, веками ориентированное на традиционную семью и внутрисемейные ценности, начиналось у поволжских немцев с самого рождения. Новорожденный сразу попадал в особую среду, где с первых дней жизни впитывал родную речь, засыпал под колыбельные песни, суще-

ствовал в строгом режиме дня, привыкал к определенному режиму питания, нормам гигиены. И хотя грудного младенца кормили по его потребностям и по первому крику, все равно ориентир был незыблем. А. Лонзингер писал: «Немцы едят утром (*Zumorgenessen*) в 5.00—6.00 утра, в полдень в 11.30—12.00 (*Mittagessa, Zumittagessen*) и в 19—20 часов вечера (*zu Nacht*)» [4, с. 165]. Со временем и кормление малыша подстраивалось под режим большой семьи.

Все это оказывало влияние на его будущее восприятие окружающего мира еще до того, как он начинал произносить первые слова. В воспитании мальчиков и девочек, которых в семье называли просто *Kindje* (лит. *das Kind, ребенок, дитя, малыш*), в первые два-три года особых различий не делали. Первый наряд, универсальный и для мальчика и для девочки, состоял из крестильной рубашечки и чепца для торжественного выхода «в люди», например в церковь для совершения церковного таинства приобщения к богу — крещения. В семьях с высоким достатком крестильный наряд был у каждого ребенка свой. Его бережно хранили в сундуке всю жизнь. В семьях попроще такая одежда переходила по наследству, а бедняки нередко брали ее напрокат, так как в любом случае такой наряд должен был быть. И католики и лютеране придавали первому в жизни человека церковному таинству огромное значение. Родители верили, что, окрестив как можно скорее, уберегут ребенка от бед и невзгод, сохранят его

в этом мире. Кроме того, считалось, что ребенок становится после крещения спокойнее и меньше плачет. А в случае непредвиденной смерти, они верили, он будет спасен от одиночества без божьего покровительства в мире ином [3, с. 136].

Длинная рубашечка, чулочки, носки и чепчики, без различия в покрое и цветовой гамме, с бантиками и бусинками, оборочками (фото 1) или совсем простые, были также одинаковыми для девочек и мальчиков практически до двух-трехлетнего возраста. Лишь у поздних переселенцев, меннонитов, в Самарский губернии встречались различия в младенческих чепцах: у мальчиков была вставка из ткани синего цвета, у девочек — красного.

Особое место в раннем воспитании детей занимали мелодичные колыбельные песни, призванные успокоить и убаюкать малыша, окружить его теплом, заботой и лаской, защитить от всякой нечисти. Их незамысловатые

Фото 1. Чепец для детей без различия пола.

Начало XX в. Саратовский областной

музей краеведения, основной фонд

Photo 1. A cap for children without distinction
of gender. The beginning of the XX century.

Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

тые тексты тесно связаны с крестьянской жизнью. Например, *Schlaflied* (колыбельная), передаваемая из поколения в поколение в разных вариантах, пришедшая из детства А. Я. Минора (Саратов), с родины его предков:

Mundar von Preis (на диалекте колонии Прайс)

Schlouf, mein Kindje schlouf.

Dein Paba hütt die Schouf,

Die Mame hüt't die Lämmerjer

Und bringt `ä Schürz voll Blumerjer.

Die roude macht mein Kindje marode,
Die gehle will mein Kindje stehle,
Die bloue will mein Kindje bedrohe,
Die schwarze will mein Kindje kratze.

(Мама или няня легонько царапает животик или ручку ребенка).

Спи, мой малыш, спи.
Твой папа пасет овец,
Твоя мама пасет ягнят
И принесет полный передник цветов,
Красные делают моего ребенка усталым,
Желтые хотят моего ребенка украсть,
Синие хотят моему ребенку угрожать,
Черные хотят моего ребенка поцарапать.

Помимо колыбельных малышей развлекали (пестовали) нехитрыми детскими игровыми песенками, вызывая смех и отвлекая от плача и капризов. Ребенка сажали на колени лицом к взрослому, держали за руки, чтобы не упал, и, имитируя скаканье лошадки, проговаривали в ритм:

Troß, troß, trildje
Der Bauer hod `ä Fildje,
`s Fildje kann net laawa,
der Bauer will `s verkaawa.
Troß, troß, trildje
Der Bauer hod `ä Fildje,
s` Fildje kann net laawa,
springt iwer den Grawe,
Springt iwer `s Kellersloch.
Pumm ta lum, pumm ta lum, pumm ta lum
ta liecht es trunne in dem Loch*.

Трос, трос, трильде (непереводимое сочетание слов).
У крестьянина есть жеребенок,
Жеребенок не может ходить,
Крестьянин хочет его продать.
Трос, трос, трильде,
У крестьянина есть жеребенок,
Жеребенок не может ходить,
Прыгнул через ров,
Прыгнул через ямку (погреб).
Пум та лум, пум та лум, пум та лум (непереводимое сочетание слов).
Да и лежит теперь в ямке.

На эти слова взрослый немного отпускает руки, и ребенок как бы падает в яму, из которой взрослый его затем вытаскивает. Ребенку и страшно и весело. Очень напоминает всем знакомую русскую игру «По кочкам, по кочкам, по ровненьким дорожкам, в ямку бух...»

Некоторые так называемые пестушки носили развлекательно-познавательный характер и предназначались больше для девочек (диалект села Кано Гмелинского кантона АССР НП). Мама сажала девочку на колени, брала в руки куклу, показывала на кукольном лице и приговаривала:

Ägeldje, Ägeldje.
Pägeldje, Pägeldje.

* Из семьи А. Я. Миннора.

Lecheldje, Lecheldje.
 Näsje. Mäuldje.
 Schtandja. Zop, zop Kindje!

Глазки, глазки.
 Щечки, щечки.
 Дырочки, дырочки (в носике).
 Носик, ротик, подбородок.
 Чубчик цоп!*

Поражает присущая почти поголовно всем немцам любовь к музыке, песням, сочинению частушек и баллад, которую они пронесли через всю жизнь и сохранили потом на спецпоселении далеко за пределами Поволжья. Как правило, в семье был какой-нибудь музыкальный инструмент, а порою и несколько. Откуда это? От колыбельных или пришло вместе с переселенцами с далекой исторической родины? В некоторых семьях складывался целый оркестр, причем, что немаловажно, мелодии обычно подбирались исключительно на слух, так как ни у кого не было музыкального образования (фото 2). Среди инструментов были гармошка, флейта, скрипка и весьма распространенный у поволжских немцев инструмент хакпред (*хакпред* — дословно доска для рубки мяса). Внешне он представляет собой деревянное основание в виде плоской трапеции с натянутыми вдоль нее струнами. Звук извлекается ударом двумя кленовыми палочками с закругленными концами.

Фото 2. Семья Дукарт во время домашнего концерта. В центре хакпред. 1950 г. Казахстан.

Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
 Photo 2. The Ducart family during a home concert. There is a hacker in the center. 1950. Kazakhstan.
 Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

* Ребенок потом показывал все это на себе и выучивал правильные названия (Т. Граф, село Николаевка Краснотуранского р-на, Красноярского края).

В период молодежных гуляний парни, снимающие помещения для вечеринок, порою не имеющие средств для оплаты музыкантов, устраивали импровизированное музыкальное сопровождение, играя на губах. Существовал целый репертуар таких мелодий, под которые можно было весело провести время и потанцевать с понравившейся девушкой [3, с. 108].

Маленькие дети, еще не умевшие ходить, спали в детских колыбелях, которые изготавливал дед или отец, они переходили по наследству и успевали послужить не одному поколению детей. Закругленные ножки кровати позволяли матери в такт колыбельной слегка укачивать младенца.

Во время работы научно-исследовательских экспедиций Саратовского областного музея краеведения и МАИИКРН в 1990-х гг. в бывших немецких колониях Поволжья удалось выяснить, что колыбели существовали двух видов: классическая напольная качалка — *Wik* (фото 3) и подвесная *Pambl* в виде небольших носилок примерно 90×70 см. *Pambl* коренным образом отличалась от русской люльки оригинальной системой подвешивания на вожжах или даже красивых цепях, соединенных вместе и прикрепленных к единому прочному жгуту (в начале XX в. жгут нередко заменяла пружина), который крепился к массивному кованому крюку в потолке. Принцип раскачивания был скорее вертикальный, чем горизонтальный. Из рассказов респондентов следует, что *Pambl* часто использовали наряду с *Wik* с целью экономии места, поскольку в доме, где проживало столько людей, было тесновато, да и в семье могло быть одновременно несколько младенцев у двух-трех снох [5]. За счет жесткого крепления *Pambl* выдерживала значительный вес восьми-девятилетних мальчишек, которые залазали туда и качались, положив младенца себе на колени, развлекаясь таким образом в зимнее время.

Фото 3. Колыбель напольная *Wik*. Конец XIX — начало XX в. С. Швед Николаевского уезда Самарской губернии. Марковский музей краеведения, основной фонд

Photo 3. Floor cradle *Wik*. Late XIX — early XX c. S. Shved, Nikolaevsky district, Samara province. Marx Museum of Local History, the main fund

На третьем или четвертом году жизни ребенка начинают проявляться различия в воспитании девочек и мальчиков. Сначала это происходит в одежде: девочкам надевают кофточки, юбочки, платьица. Было широко распространено платье без застежки *Stripprückelcha*, нечто производное от длинной рубашки для удобства надевания через голову (фото 4). На ноги — самодельные крошечные тапочки, в качестве домашней обуви — вязанные *чуньки*, похожие на короткие носочки. Кстати, такие чуньки носили и взрослые и дети, все без разбору, говорят, что в Новоузенском уезде Самарской губернии такую обувь у немцев позаимствовали и местные русские крестьяне [6, л. 8].

Фото 4. Платье для девочки *Stripprückelcha*. Начало XX в.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 4. A dress for a girl *Stripprückelcha*. Early 20th century.
Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Мальчикам полагались рубашки и порты с помочами (фото 5). Бывало, что из одной и той же ткани девочкам шили чепчик или капор, а мальчикам — колпачок, совсем как на исторической родине где-нибудь в Гессене или Баварии. Сохранившиеся предметы детской одежды конца XIX — начала XX в., а также исследования А. Лонзингера [7], воспоминания П. К. Галлера [8] позволяют сделать вывод, что детей одевали по образу и подобию взрослых. В этом заключался глубокий воспитательный момент, способствующий быстрому взрослению детей, их подготовке к будущей взрослой жизни.

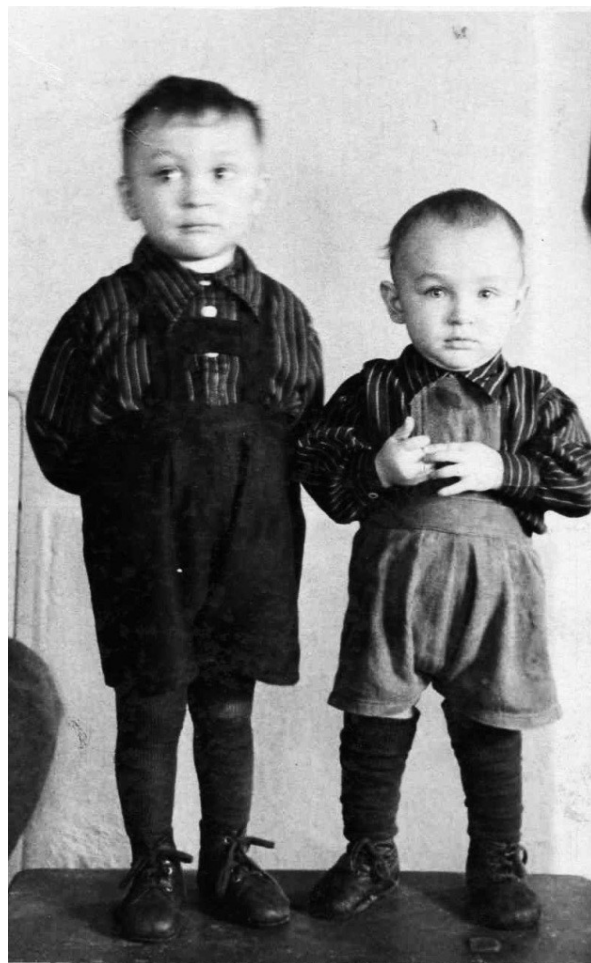

Фото 5. Одежда мальчиков из семьи Келлеров. 1954 г. Сибирь. Личный архив
Photo 5. Clothes of boys from the Keller family. 1954. Siberia. Personal archive

Не обходилось и без особенностей. Одежда несла в себе функционал формирования опрятности. В конце XIX в. встречается такой необычный наряд для крестьянского ребенка того времени, как комбинезон для мальчика трех-четырех лет с прорехой между ног для соблюдения гигиенических правил (фото 6). Вообще-то он явился полным аналогом нижнего женского белья зажиточной крестьянки *Unerhose* (нижние штаны). К горшку стремились приучить как можно раньше, месяцев с двух, сразу после кормления держали над ведром или тазом на вытянутых руках горизонтально, позже высаживали на специальный стульчик с отверстием над горшком. Это было связано еще и с трудоемкостью процесса стирки, высушивания и ухода за одеждой, ее сохранностью. Второй гигиенический навык прививался во время кормления ребенка, уже фактически отлученного от груди. *Priestlappe* (нагрудная тряпочка) — детский нагрудник, русский *слюнявчик*, надевали перед кормлением всем малышам без исключения. Несмотря на скромную роль защитника от грязи, он зачастую был не просто тряпочкой, а настоящим произведением искусства (фото 7). Особенностью воспитания аккуратности и опрятности было повсеместное использование детьми носовых платков и специальных сумочек-кармашков для них *Handtasch* (фото 8), так как из кармана на одежде или рукава у подвижных детей платочек часто выпадал. Сморкание в кулак, в рукав или на землю всячески осуждалось. Не приветствовалось и щелканье семечек на улице.

Фото 6. Комбинезон с прорехой Hosen для мальчика. Конец XIX в. С. Шиллинг Камышинского уезда Саратовской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 6. Hosen overalls with a gap for a boy. Late 19th century. S. Shilling, Kamyshinsky district, Saratov province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 7. Нагрудник детский Priestlappe. Начало XX в. С. Шиллинг Камышинского уезда Саратовской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 7. Priestlappe baby bib. The beginning of the XX century. S. Schilling Kamyshinsky district of Saratov province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 8. Кармашек (сумочка) для носового платка Handtasch. Начало XX в. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 8. Pocket (handbag) for a Handtasche handkerchief. The beginning of the XX century. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Девочки пяти-шести лет в подобном кармашке носили, помимо платочка, маленький вязальный крючок и клубочек ниток. В свободную минуту они вязали воротнички, салфетки, узкие полоски кружев [9]. Девочка не должна была бездельничать и лениться. *Langes Fädje, faules Mädje* («Длинная ниточка — ленивая девочка») (диалект села Кано). Так говорила бабушка Татьяна Граф, когда девочка вдевала в иголку слишком длинную ниточку, чтобы каждый раз не вдевать новую. А мальчикам при этом дедушка говорил: «*Morje, morje, no net heit — saa ale vaule ljaite*» («Завтра, завтра, но не сегодня, — говорят все ленивые люди») (диалект села Кано). Девочек уже начинают называть *Mädje* (от лит. *das Mädchen* — девочка), а мальчиков *Knowe* (лит. *der Knaub* — мальчик) [9].

Практически с самого раннего возраста начиналось и религиозное воспитание. По вечерам всей семьей читали Евангелие, заучивали псалмы и песни религиозного содержания, рассказывали детям о том, что можно и нельзя и за какие провинности безотлагательно последует наказание Божье. Для поволжских немцев во второй половине XIX в. раз в пять лет издавались специальные сборники песнопений, а церковь внимательно следила, чтобы законопослушные крестьяне не забывали прикупить постоянно обновляющийся сборник.

И все-таки изначально самым главным в воспитании ребенка была подготовка к труду и сам труд. Эта линия проводилась через все детские и юношеские годы как подготовка к самому главному предназначению в жизни, согласно убеждению немецких крестьян. Начиналось все с детских игрушек. Куклы для девочек были точной копией взрослого человека, изготовленные с мельчайшими деталями: с лицом, волосами, руками, кистями рук и пальчиками, с ногами, что резко отличало их от кукол русских детей. На изготовление кукол, их одежды, кукольной постели для миниатюрной кукольной кровати *Wik* использовали лоскутки ткани, старую изношенную одежду. В хозяйстве ничего не пропадало. Девочки с ними играли, воспроизводя сцены той жизни, участниками которой они были. Кукол «кормили», одевали, на них шили и вязали одежду, включая маленькие чулочки, укладывали спать, пели им колыбельные песни и т. п. Известный лингвист и этнограф Август Лонзингер писал:

А в сельской местности так много игрушек, которые ребенку не заменят самые дорогие вещи: это всякие камешки, веточки, листочки, цветочки, жучки, кости, деревянные гвозди, черепки битого стекла и фарфора, тряпки, щенки, котята, кролики, ящерицы, зерно, фасоль, горох и т. д., и т. д., и т. д. — все, что ребенок находит и открывает, он включает в свои игры. Все эти вещи связаны с повседневным крестьянским бытом, и ребенок использует их для придумывания игр, уходящих своими корнями в крестьянскую жизнь: пахота, сев, посадка деревьев, уход за лошадьми, продажа зерна, помол муки, выпечка пирогов, свадьбы, похороны, споры и потасовки, собрания, подъем красного флага и прочее. Для всех этих игр, которые имитируют реальную жизнь, деревенский ребенок использует бесконечное количество вещей, которые тоже можно назвать игрушками [7, с. 227].

Игрушки мальчиков состояли из маленьких лопаток, вил, молоточков, молильных камней, камешков, косточек животных. Однако самой желанной игрушкой всегда была лошадка во всех видах: от лошадиной головы на палочке, на которой можно было лихо скакать по деревне, до хороших размеров коня, сшитого из шинельного сукна, и украшенного конской сбруей, как у настоящего животного, на деревянной подставке с колесиками (фото 9). Лошадь — главное животное в крестьянском хозяйстве, символ трудолюбия и надежности. Не случайно такую игрушку мальчишки всегда ждали на Рождество в качестве подарка.

Фото 9. Игрушка-лошадка Gaul, Kail. Начало XX в. С. Блюменфельд Новоузенского уезда Самарской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 9. Toy horse Gaul, Kail. The beginning of the XX century. S. Blumenfeld of the Novouzensky district of the Samara province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Скромные подарки в крестьянских семьях на Рождество также вписывались в воспитательную систему. С одной стороны, невольно способствовали осуждению и наказанию бездельников и проказников, с другой — поощряли за трудолюбие, послушание, аккуратность, успехи в учебе. Поощрение выражалось в сладких подарках в виде выпечки, конфет — одним побольше, другим меньше. Наказание приходило в виде мифического существа *Pelznickel* (дословно — Николаус в меховой шубе), который пугал шалунов своим внешним видом. В вывернутой мехом наружу шубе, гремящий цепями и с розгами в руках, он перечислял провинности шалунов за год, проявляя при этом удивительную осведомленность. Конечно, наказание было более чем символичным. Добрая фея *Kriestkindchen* (Христово дитя), приходившая на смену лохматому чудищу, сглаживала ситуацию, выслушав извинения проказников и уверения, что подобное не повторится [1, с. 393].

Christkinche “Knoche”,
 Bet ich alle Woche,
 Bet ich alle verzenTag
 Dass es net meh
 Komme mag [10, s. 152]

Кристхен,
 Буду молиться всю неделю,
 Я буду молиться 14 дней,
 Больше этого никогда не случиться.

Начиная с пяти-шести лет дети поволжских немцев уже активно трудились дома. Девочки помогали матери убирать дом, мыть посуду, ухаживать за младшими братьями и сестрами. Мальчики также были няньками для ма-

лышей, кормили их, одевали, гуляли с ними (фото 10). Мальчишки девяти-десяти лет придумывали всякие хитрости, чтобы обязанности няньки не мешали погулять и поиграть. Сажали младших в глубокий ящик на колесах в виде тележки и таскали его за собой. Ребенок вылезти не мог. А чтобы он не плакал, его занимали пережеванным хлебом, завернутым в тряпочку, который служил соской. Вечером мать получала сонного, растрепанного, немного заревавшего, но «убаюканного» длительным катанием целого и невредимого малыша.

*Фото 10. Дети. 1920-е гг. Автономная область немцев Поволжья.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 10. Children. The 1920s. The Autonomous region of the Volga Germans.
Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund*

Во время коллективизации, колхозного строительства кормящие мамы вынуждены были работать в поле, смотреть за детьми оставались подростки. Респондент из села Медведицкое Жирновского района Волгоградской области рассказал о своем изобретении. Будучи 15-летним подростком, он придумал свою систему связи с молодыми матерями: когда просыпался малыш одной из невесток, он поднимался на крышу и размахивал флажком определенного цвета. Снох было три, и каждой соответствовал флаг с полотнищем определенного цвета — белый, голубой, черный [11]. В АССР НП почти в каждом селе создавались детские сады и ясли, позволявшие женщинам выходить на работу почти сразу после родов (фото 11). В период голода 1932—1933 гг. в детских садах немецкого Поволжья в летнее время спасали детей школьного возраста, их там кормили и поддерживали в то тяжелое время.

*Фото 11. Детский сад. 1930 г. С. Мюльберг. АССР НП.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 11. Kindergarten. 1930. S. Muhlberg. ASSR NP. Saratov Regional Museum
of Local Lore, the main fund*

По неписаному закону девушки-подростки занимались поддержанием чистоты на улицах, каждую пятницу подметали часть двора и половину улицы до середины дороги, а мальчики посыпали песком. В Николаевской волости, будущем Маркштадском кантоне АССР НП девушки в течение светового дня занимались изготовлением соломенной плетенки, из которой потом шили шляпы. Плетенка стоила недорого, всего несколько копеек за полноценную штуку, но на керосин и спички хватало. По вечерам обязанностями девушек было прядение и ткачество, перематывание нитей в уток. Начиная с восьми-десяти лет детей привлекали и непосредственно к работам в поле (фото 12).

В 1930-х гг., в колхозные времена, дети собирали различных вредителей урожая, занимались прополкой сорняков, помогали собирать овощи. Дети разного возраста также были основными помощниками женщин в трудоемком процессе приготовления табака, требовавшем круглогодичной работы, начиная с посадки рассады в феврале, прополки, обрывания листьев, до их сушки и переработки сухого сырья в готовый продукт (фото 13).

Фото 12. Немцы на полевых работах. 1880 г. Фото П. П. Пятницкого.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 12. Germans at field work. 1880. Photo by P. P. Pyatnitsky. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 13. Немцы на обработке табачного сырья. 1912 г. С. Нидермонжу Николаевского уезда Самарской губернии. Энгельсский краеведческий музей, основной фонд
Photo 13. Germans processing tobacco raw materials. In 1912. The village of Niedermonzhu of the Nikolaevsky district of the Samara province. Engels Museum of Local Lore, main fund

Воспитание и обучение в школе были неразрывно связаны. Процент грамотности среди взрослых и детей до революции и после у немцев Поволжья был намного выше, чем в целом по России [12, с. 194]. Родители пристально следили за добросовестным отношением к учебе. Ребенка старались обеспечить всеми необходимыми для учебы школьными принадлежностями: пеналом (фото 14), специальным мешком для учебников и тетрадей или небольшим деревянным сундучком *Holzkestje* (фото 15). Да и в самой школе существовал способ стимулирования прилежности в виде наказания розгами вплоть до Октябрьской революции.

Фото 14. Пенал школьный Э. Зиннер. Начало XX в. С. Шиллинг Камышинского уезда Саратовской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 14. E. Zinner school pencil case. The beginning of the XX century. S. Shilling of Kamyshinsky district of Saratov province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 15. Портфель первоклассника Holzkestje. 1934 г. Принадлежал И. Гребу. С. Кано Гмелинского кантона АССР НП. Коллекция Т. Граф
Photo 15. The portfolio of the first-grader Holzkestje. 1934. Belonged to I. Greb. S. Kano of the Gmelinsky canton of the ASSR NP. Collection of T. Graf

Процесс взросления опять же определялся религиозными нормами. В частности, это выражалось в обряде конфирмации у лютеран, проходившем в возрасте 14-15 лет. Суть обряда в том, что ребенок приходил к Богу, сдавал экзамен на знание Закона Божьего, получал первое причастие и становился ответственным перед Всевышним за свои поступки, снимая эту обязанность с родителей. У католиков этот обряд был, скорее, просто обрядом, поскольку проходил раньше — в 9-12 лет. У тех и у других все обставлялось красиво и торжественно. Девочку-католичку одевали как невесту (фото 16), лютеранку — просто в светлое платье, а юношу в строгий костюм (фото 17). Глубокий смысл заключался в начале вступления во взрослую жизнь. Молодежи больше позволялось. Парни считались с этого момента *ledig* (холостыми) [3, с. 106], могли участвовать в гуляниях, вечерних молодежных сборищах и посиделках. Позволялось подольше гулять, более открыто ухаживать за понравившимися девушками, втихоря покурить и уже начать задумываться о будущей женитьбе и самостоятельной жизни.

*Фото 16. Девочка-католичка после конфирмации. 1912 г. г. Екатериненштадт.
Энгельский краеведческий музей, основной фонд*
*Photo 16. A Catholic girl after confirmation. 1912. The city of Ekaterinenstadt.
Engels Museum of Local Lore, main fund*

*Фото 17. В. Шледевиц после конфирмации. 1930 г. Саратов.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд*
*Photo 17. V. Shledevits after confirmation. 1930. Saratov. Saratov Regional Museum
of Local Lore, the main fund*

Тем не менее родители окончательно не снимали с себя ответственность за молодое поколение. Особенно это касалось девушек. И мать и отец зорко следили за девушкой на выданье, которую нужно было отдать целомудренной в новую семью. Для участия в молодежных собраниях и гуляниях парни должны были отпросить девушку у матери, гарантировав ее безопасность и возвращение домой в оговоренное время. В период ухаживания старшие братья и отец смотрели за тем, чтобы девушку не оговорили, не нанесли урон ее репутации, не подкинули во время гуляний на Троицу мусор под ворота, не украли майское дерево, которое устанавливали ухажеры, а если такового не было, то могли и сами его установить, чтобы девушка не чувствовала себя обиженной и не выглядела плохо в глазах односельчан [3, с. 109].

Такие черты, как законопослушность, а также уважительное отношение к старшим, прививались поведением старшего поколения. Такое воспитание было, выражаясь современным языком, «по умолчанию», просто так вели себя прадеды, затем дедушка с бабушкой, родители, и такое отношение складывалось изначально. Закон и порядок нужно уважать, ему надо подчиняться. Издавна было принято к старшим, будь то дедушка с бабушкой, родители, другие родственники, старшие по возрасту, обращаться исключительно на *вы*. Подчинение взрослым было беспрекословным. Будь то обучение в школе, посещение церкви, участие в работах по дому, во дворе, в поле, выполнение каких-либо поручений и заданий. Наконец, мнение родителей было решающим при выборе жениха или невесты. Особенно тяжело было снохам и женатым сыновьям, ибо представители старшего поколения буквально довели над ними во всех вопросах хозяйственной жизни и внутрисемейных отношений. Не случайно женатые сыновья стремились отделиться и жить самостоятельно [3, с. 120]. Снохи вообще не имели права голоса, и такой эксплуатации женщины, как у поволжских немцев, не было ни у одного народа Поволжья.

После депортации поволжских немцев в 1941 г., разрушения этнической общности долгое время система воспитания детей и традиционных семейных ценностей в своих главных составляющих сохранялась и отчасти сохраняется до сих пор. Это и трудовое воспитание, и воспитание ответственности, аккуратности, любви к музыке и песне, уважения к старшим, патриотизма, несмотря на тяжелые последствия выселения, трудовой армии и режима спецпоселения.

Список источников

1. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 1998. 496 с.
2. Герман А. А. Немцы Поволжья // Российские немцы. М. : Наука, 2021. С. 179—197.
3. Минор А. Я. Этнолингвистические исследования А. А. Дульзона. Саратов, 2011. 204 с.
4. Lonsinger A. F. Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen. Saratow, 2022. 256 s.
5. Научный отчет об экспедиции в Красноармейский район Саратовской области. 1995 // Научный архив Саратовского областного музея краеведения (НА СОМК). Ф. 1332. Оп. 1.
6. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 558. Оп. 2. Д. 302.
7. Лонзингер А. Ф. Материальная этнография немцев Поволжья. Саратов, 2022. 256 с.
8. Воспоминания П. К. Галлера (быт немцев-колонистов в 60-х гг. XIX в.). Саратов, 1927. 71 с.
9. Научный отчет об экспедиции в Ровенский район Саратовской области. 1992 г. // НА СОМК. Ф. 1219. Оп. 1.
10. Meyer E. H. Deutsche Volkskunde. Straßburg, 1898. 386 s.
11. Научный отчет об экспедиции в Жирновский район Волгоградской области. 1997 // НА СОМК. Ф. 1417. Оп. 1.
12. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 416 с.

References

1. Dits Ja.E. Istorija povolzhskih nemcev-kolonistov [History of Volga Germans-colonists]. Moscow, Gotika, 1998, 496 p.
2. German A.A. Nemcy Povolzh'ja [Germans of the Volga region], *Rossijskie nemcy [Russian Germans]*. Moscow, Nauka, 2021, pp. 179–197.
3. Minor A.Ja. Jetnolingvističeskie issledovanija A.A. Dul'zona [Ethnolinguistic research by A.A. Dulzon]. Saratov, 2011, 204 p.
4. Lonsinger A.F. Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen [Factual folklore of the Volga Germans]. Saratov, 2022, 256 p.
5. Nauchnyj otčet ob jekspedicii v Krasnoarmejskij rajon Saratovskoj oblasti. 1995 [Scientific report on the expedition to the Krasnoarmeysky district of the Saratov region. 1995], *Nauchnyj arhiv Saratovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija (NA SOMK) [Scientific Archive of the Saratov regional museum of local lore (NA SOMK)]*, coll. 1332, aids 1.
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti [Central State Archive of the Samara region], coll. 558, aids 2, fol. 302.
7. Lonzinger A.F. Material'naja jetnografija nemcev Povolzh'ja [Material ethnography of the Volga Region Germans]. Saratov, 2022, 256 p.
8. Vospominanija P.K. Gallera (byt nemcev-kolonistov v 60-h gg. XIX v.) [Memories of P.K. Galler (life of German colonists in the 60s of the XIX century)]. Saratov, 1927, 71 p.
9. Nauchnyj otčet ob jekspedicii v Rovenskij rajon Saratovskoj oblasti. 1992 g. [Scientific report on the expedition to the Rivne region of the Saratov region. 1992], *NA SOMK [NA SOMK]*, coll. 1219, aids 1.
10. Meyer E.H. Deutsche Volkskunde [German folklore], Straßburg, 1898, 386 p.
11. Nauchnyj otčet ob jekspedicii v Zhirnovskij rajon Volgogradskoj oblasti. 1997 [Scientific report on the expedition to Zhirnovsky district of Volgograd region. 1997], *NA SOMK [NA SOMK]*, coll. 1417, aids 1.
12. German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge [German autonomy on the Volga]. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta, 416 p.

Информация об авторе

Арндт Елена Анатольевна — научный сотрудник, автономная некоммерческая организация Институт научных исследований и разработок, Саратов, Российская Федерация. E-mail: earndt@yandex.ru

Information about the author

Elena A. Arndt — Researcher, autonomous non-profit organization Institute for Scientific Research and Development, Saratov, Russian Federation. E-mail: earndt@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 376.6(470.4)«1918/23»
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-60-69

Проблемы народного образования и социального воспитания Маркштадского уезда в 1918—1923 гг.

Ирина Николаевна Серенькая

Средняя общеобразовательная школа с. Баскатовка Марковского района Саратовской области,
Российская Федерация, irina-serenkaya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам народного образования и социального воспитания Маркштадского уезда Трудовой коммуны (Области) немцев Поволжья — первого автономного образования в Поволжье в составе РСФСР, существовавшего с 19 октября 1918 г. по 19 декабря 1923 г. Этот период слабо освещен в работах по истории народного образования немецкого Поволжья. В статье использованы не охваченные вниманием исследователей материалы двух фондов Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе. Катастрофическое увеличение количества беспризорных детей поставило перед новой властью задачу организации учреждений социального воспитания. Созданный в августе 1918 г. отдел народного образования столкнулся с целым комплексом проблем: сложное положение учащихся (учителей), нехватка и несоответствие требованиям школьных зданий, враждебное отношение населения к советским изменениям. Несмотря на нехватку денег, непонимание и нежелание населения принимать революционные изменения в школе, трудности, связанные с тяжелым положением в уезде в годы Гражданской войны и голода 1921 г., новые органы власти по мере сил решали эти сложные задачи.

Ключевые слова: Маркштадский уезд, народное образование, социальное воспитание, Екатериненштадский уезд, Екатериноградская волость, трудовая школа, детские дома, борьба с беспризорностью

Для цитирования: Серенькая И. Н. Проблемы народного образования и социального воспитания Маркштадского уезда в 1918—1923 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 60—69. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-60-69.

Features of national education in the USSR

Original article

Problems of public education and social education The Marxstadt district in 1918—1923

Irina N. Serenkaya

Secondary school in the village of Baskatovka, Marksovsky district, Saratov region, Russian Federation,
irina-serenkaya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of public education and social education of the Marxstad district of the Labor Commune (Oblast) of the Volga Germans — the first autonomous formation in the Volga region within the RSFSR, which existed from October 19, 1918 to December 19, 1923. This period is poorly covered in works on the history of public education of the German Volga region. The article uses the materials of two

fonds of the State Historical Archive of the Volga Region Germans in Engels, which have not been covered by researchers. The catastrophic increase of homeless children set a task for the new authorities to organize social education institutions. The Department of Public Education, established in August 1918, faced a whole range of problems: the difficult situation of teachers, the shortage and inconsistency of school buildings, and the hostile attitude of the population towards Soviet changes. Despite the lack of money, misunderstanding and unwillingness of the population to accept revolutionary changes in schools, difficulties associated with the difficult situation in the county during the Civil War and famine of 1921, the new authorities solved these difficult tasks as much as possible.

Keywords: Marxstadt district, public education, social education, Ekaterinenstadsky district, Yekaterinogradskaya volost, labor school, orphanages, the fight against homelessness

For citation: Serenkaya I.N. Problems of public education and social education The Marxstadt district in 1918—1923. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):60—69. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-60-69.

Забота о детях — главное направление политики каждого государства на любом историческом этапе. В данной статье освещены некоторые проблемы народного образования и социального воспитания Маркштадского уезда в сложнейший период для всей нашей страны — годы Гражданской войны.

В работах по истории немецкого Поволжья это время характеризуется как «сокрушительный удар по сложившейся в дореволюционной России системе образования российских немцев» [1, с. 7]. Б. В. Гартвиг пишет: «Исключение составляет промежуток 1918—1923 гг. В эти годы прежние учебные заведения ликвидировались, а советские учреждения образования Республики закрывались из-за голода. В этой связи интересны даже самые небольшие фрагменты о школах этого времени» [2].

В данной работе используются в основном материалы двух фондов¹ Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе. Фонд Р-871 исполнительного комитета Маркштадского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его отделов г. Маркса и Маркштадского уезда Трудовой коммуны Области немцев Поволжья (1915—1922 гг.) содержит сметы расходов и отчеты о деятельности Екатеринбургского УОНО, его учреждений и организаций, документы о состоянии сельских школ, статистические отчеты об объеме о количестве и состоянии школ, ведомости на выдачу заработной платы, циркуляры Екатеринбургского волостного отдела народного образования. В фонде Р-916 Маркштадского кантонного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Маркштад) хранятся паспорта школ и детских домов, личные карточки сотрудников, протоколы заседания заведующих детскими домами и т. д. Если судить по листам использования документа, то данные фонды еще не были охвачены вниманием исследователей.

В 1918 г. в ходе объединения территорий бывших Николаевского и Новоузенского уездов (территории расположения немецких колоний) образовался Екатеринбургский уезд. Первый съезд советов уезда, на котором был организован уездный исполком со всеми его отделами, состоялся

¹ В названиях фондов и документов заметна путаница в административно-территориальных названиях. Это связано с тем, что современный город Маркс Саратовской области до 1915 г. назывался Екатеринбург (нем. Katharinenstadt). Параллельно использовалось также название Баронск. В 1915 г. он был переименован в Екатеринбург, это название просуществовало до 1920 г. С 1920 по 1941 г. город официально назывался Маркштадт (нем. Marxstadt). Несколько реорганизаций, проведенных в 1918—1923 гг., привели к тому, что даже в официальных документах в одно и то же время используются разные названия. 19 октября 1918 г. был образован Баронский уезд Трудовой коммуны (Области) немцев Поволжья. Согласно декрету ВЦИК РСФСР от 17 февраля 1921 г. вместо трех уездов создавалось 13 районов, хотя фактически уезды были ликвидированы лишь в феврале 1922 г. В этот же период районы были переименованы в кантоны. С этого времени официальное название — Маркштадтский район (затем кантон) Трудовой коммуны Автономной области немцев Поволжья.

15 августа 1918 г. На этом съезде руководителем отдела народного образования был избран Давид Карлович Шульд. Его «Отчет о деятельности Екатеринбургского Уездного отдела народного образования за время с 15 авг. 1918 г. — 1 апр. 1919 г.» дает довольно полную картину проблем, вставших перед советской властью уезда в 1918 г. [3, л. 26]

На момент принятия отделом школьных дел в уезде насчитывалось 410 учителей и 24 000 учащихся, а состояние дел в народном образовании оценивалось руководителем отдела как «очень печальное». Проблемы в этой сфере были связаны с положением учащихся (учителей), проблемами школьных зданий, враждебным отношением населения к изменениям.

Тревога учителей была в первую очередь вызвана тем, что они «уже несколько месяцев подряд не получали жалование и этим были доведены до такого состояния, что перед каждым из них встал вопрос: им уйти от школьной деятельности или голодать дальше» [3, л. 26]. Перекликается с отчетом «Циркуляр исполнительного комитета Новоузенского уездного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», направленный 19 февраля 1918 г. «всем учащим земских и министерских школ Новоузенского уезда» еще до слияния двух уездов в Екатеринбургский. В циркуляре говорится, что в исполком из разных мест уезда поступают сведения о «начавшемся среди учительского персонала беспокойстве якобы из-за неопределенности положения их в отношении получения ими в будущем окладов содержания» [4, л. 4]. И если циркуляр лишь призывает учителей к продолжению «спокойной и продуктивной деятельности на поприще народного образования» и заверяет, что «жалование своевременно будет выплачиваться», то в отчете указывается, что «отдел... добился того, что учащим по крайней мере текущее жалование было выплачено из уездных средств» [3, л. 27].

Еще одной проблемой являлась нехватка учителей и переподготовка в духе «новых принципов всеобщего обязательного обучения». Дефицит кадров частично решили назначением 130 новых учителей, а для переподготовки в г. Ровное организовали в начале сентября курсы для подготовки учителей к деятельности в новой школе. Начало учебного года было перенесено на 1 октября 1918 г.

Следующая группа проблем связана со школьными зданиями. Д. К. Шульд указывает в отчете: «...все школьные помещения уезда не соответствуют требованиям новой школы и нуждаются в коренном ремонте или совершенной перестройке» [3, л. 27]. Так как школы перешли в ведение отдела народного образования к началу учебного года (с 1 сентября 1918 г.), то ни о каком ремонте школьных помещений не приходилось и думать. Согласно списку Советских школ Екатериноградской волости 15 школ действовало в городе Екатеринограде и еще 12 в селах [3]. Список очень интересен, так как в нем указан статус школ от мужской и женской гимназии до православной советской школы (табл. 1).

Ситуация со школьными зданиями не изменилась и в последующие годы. В сметах расходов и переписке Марксштадского уездного финотдела с сельсоветами о ремонте школ приводятся данные о количестве и состоянии школьных зданий уезда на 15 августа 1921 г.: из 116 зданий всего 2 (1,7 %) не требуют ремонта, 50 (43,1 %) требуют капитального, 42 (37,5 %) среднего ремонта. 22 здания «требуют ремонта, но, в крайнем случае, могут быть использованы без ремонта» [5].

С наступлением холодов появились и трудности с отоплением школьных помещений. В отчете говорится о «невозможности запасаения топлива». Тем не менее школы «удалось снабдить топливом, так что занятия из-за этого ни разу не прекратились» [3, л. 27].

Школы и детские учреждения Маркштадского кантона
Schools and child care institutions in the Marxstadt canton

Местоположение	1918 г.	1923 г.
Школы		
Маркштадт	Мужская гимназия Женская гимназия Высшее начальное училище Советские школы № 1, 2, 3, 4 Двухклассное министерское училище Двухклассное лютеранское училище Католическое училище Частное начальное училище Либиха Частное училище Штоля Православная советская школа Всего 13 заведений	Школы I ступени № 1—6 Школа II ступени Школа-семилетка Всего 8 заведений
Села кантона	12 советских школ (от 1 до 3 в одном селе) Всего 12 заведений	Школы I ступени в селах Всего 25 заведений
Детские учреждения		
Маркштадт	Детский приют Всего 1 заведение	Интернаты № 1, 2 Школы-коммуны № 1, 2, 3 С/х детдом подростковый Ремесленный детдом подростковый Колония для морально-дефективных детей Колония для умственно и физически отсталых Детизолятор Приемник-распределитель Дом ребенка № 1, 2 Детсад Всего 14 заведений
Села кантона	Школа для глухонемых с. Орловское Всего 1 заведение	С/х детдом подростковый в Боаро, Паульском, Орловском Колония для глухонемых (с. Орловское) Всего 4 заведения
Профессиональные учебные заведения		
Маркштадт	Центральное училище Всего 1 заведение	Профтехническая школа Педтехникум Политпросвет Всего 3 заведения

Примечание. Составлено по: [3 ; 9].

Интересный документ связан со школьным зданием с. Баскаковка. В «Постановлениях и приговорах общих собраний граждан с. Баскаковка» за период 7 марта 1918 г. по 16 декабря 1918 г. есть приговор о том, что 22 марта 1918 г. собравшиеся на общее собрание граждане с. Баскаковка Рязановской волости Николаевского уезда Самарской губернии в числе 104 человек из 128 явившихся под председательством гражданина Ф. И. Шумана, заслушав распоряжение Николаевского уездного совета народных комиссаров от 22 февраля 1918 г. за № 1853 о передаче церковно-приходских школ в ведение Совета и обсудив всесторонне настоящий вопрос, постановили: от передачи церковно-приходской школы в ведение с/совета, т. е. шульгауза, отказаться, так как дом этот нужен обществу для собственных надобностей [6, л. 9].

А в «Приговорах общих собраний граждан, смете расходов, списках недоимщиков по Баскаковскому с/с за 1918 г. (09.01.18—13.11.1918)» содержатся условия, подписанные 13 ноября 1918 г. гражданином с. Баскаковка Фридрихом Андреасовичем Лангольфом и председателем Баскаковского с/с крестьянских и рабочих депутатов о том, что «Лангольф принял на себя исполнение работ по разделению баскаковского шульгауза в классные комнаты, а именно: зал должен быть разделен в 4 классные комнаты посредством устройства подвижных стен, одна вдоль, а другие поперек зала... в одну сажень с тремя дверями. Все работы должны быть произведены хорошо и аккуратно и в самом непродолжительном времени должны... соответствовать своему назначению, что они удобно и легко разбирались. За работу я получаю от отдела по народному образованию 1050 руб.» [7, л. 119]. К слову, здание, построенное в 1907 г., служит баскаковским ребятам и сегодня — в нем расположена начальная школа.

Наглядной иллюстрацией санитарно-гигиенического состояния школ является отчет школьного врача г. Баронска, посетившего 23 ноября 1918 г. Боарскую трудовую школу. В ходе посещения выяснилось, что помещение не удовлетворяет самым элементарным требованиям гигиены, отсутствует мыло, из 62 учащихся 36 человек больны чесоткой, да и то врач не уверен в точности данных, так как «многие чесоточные не пришли в школу». Кроме того, по свидетельству врача, два человека больны трахомой в заразной форме и у большинства детей — хроническая трахома [8, л. 15].

Отдельная группа проблем была связана с изменениями, коснувшимися содержания образования. Так, враждебное отношение части населения было вызвано исключением Закона Божьего из числа изучаемых предметов. Следствием контрреволюционной агитации, считает Шульд, стал отказ учащихся II ступени от совместного обучения.

Не вызывало восторга и трудовое обучение, хотя в крупных центрах уезда были открыты «центральные мастерские по столярному, слесарному, портняжному, сапожному, переплетному и другим мастерствам, где дети приобретают новые навыки», в селах при школах открыты по одной-три мастерских. «При проведении трудовых процессов тоже встречались всякие эксцессы, недоразумения и даже скандалы, граничащие с саботажем со стороны учительства и населения, которые явились значительным тормозом делу обучения и воспитания в духе трудовой школы» [3, л. 27].

Данные документы показывают, что самыми большими препятствиями для нормальной работы новой школы являлись безденежье, недоверие населения и недостаток в подготовленных педагогических кадрах. Отдел предложил план мероприятий для улучшения сложившегося положения: «...курсы, на которых учащие могли бы ознакомиться с идеями и приемами новой школы, выставки результатов первого года трудовой школы, к организации которой отдел уже приступил в настоящее время».

Несмотря на все перечисленные препятствия, новая школа все увереннее завоевывала образовательное пространство. Сравнив количество школ в 1918 (25) и 1923 (33), мы видим, что оно значительно выросло (см. табл. 1).

В фондах 871 и 916 Маркштадского кантонного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и его отделов содержатся материалы, отражающие мероприятия по борьбе с детской беспризорностью. Первые документы на эту тематику датируются 1920 г. Почему именно в 1920 г., а не раньше проблемы организации специализированных учреждений встают перед властью уезда так остро? На этот вопрос помогли ответить работы по истории беспризорности в России. Несмотря на то что Советское государство с первых дней своего существования провозглашает принцип социального воспитания детей, в первые годы из-за тяжелой обстановки властям было практически не до этого. К 1920 г. проблема достигает катастрофических размеров. Но продрозверстка, по-

следовавшие за ней засуха и неурожай привели к неумолимому росту беспризорных детей. Как пишет А. Рудов, «бестолковое управление продовольственным снабжением создает крайне тяжелую ситуацию на селе. Уже к январю (1921 г.) отмечаются первые случаи голодной смерти в Вятке, Нижнем Новгороде. Ситуация становится катастрофической. Дети массово теряют родителей и сами гибнут от голода» [10].

Так же как и в деле школьного образования, в решении этой проблемы одним из первых встает вопрос о помещениях для детских учреждений. В феврале 1920 г. исполком обращается в уездный отдел управления Областного отдела народного образования с просьбой о предоставлении «одного из трех помещений (Ф. И. Беккер, И. Н. Ротермель, Ф. И. Ротермель) со всеми надворными постройками и некоторой частью мебели и домашней утвари (последнее за устанавливаемую плату) для организации детской коммуны для малолетних преступников и дефективных детей» [11, л. 11].

Интересное заявление поступило 7 апреля 1920 г. в ревком г. Маркштадта от заведующего отделом единой трудовой школы: «...ввиду непрерывно поступающих просьб со стороны советских служащих и членов профсоюзов о приеме их детей в приюты, так как дети их остаются совершенно без призора в то время, когда родители находятся на службе в учреждениях, выясняется настоятельная необходимость в открытии приюта в Маркштадте. Ибо существующий приют есть лишь коллектор и население его — элемент передвижной, кроме того он все время переполнен и воспитательная сторона его для постоянного члена не будет соответствовать предъявляемым требованиям. Губотнароб просит сделать распоряжение жилищному отделу об очистке и предоставлении Губотнаробу жилого дома большого размера с надворными постройками для открытия в нем детского приюта для детей, родители которых не в состоянии дать им надлежащий надзор» (орфография и пунктуация оригинала. — *Прим. ред.*) [11, л. 65].

Сведения о существующих и проектируемых учреждениях по социальному воспитанию в Баронском уезде, а также о детях в них [12, л. 68] показывают, что потребность в подобных заведениях в разы больше имеющихся в наличии (табл. 2).

Таблица 2

**Существующие и проектируемые учреждения по социальному воспитанию
в Баронском уезде и численность детей в них**
*Existing and projected institutions for social education in the Baronsky district
and the number of children in them*

Тип учреждения	Существует		В проекте	
	Количество учреждений	Численность детей	Количество учреждений	Численность детей
Коммуна I ступени	1	30	4	120
Коммуна II ступени	1	30	4	120
Приют	5	80	3	240
Колония	1	40	Н/д	Н/д
Для дефективных	2	73	Н/д	Н/д

Примечание. Составлено по: [11, л. 28].

Одной из важнейших проблем являлась проблема обеспечения воспитанников продовольствием. Т. М. Смирнова пишет, что, несмотря на попытки решить эту проблему на государственном уровне, к 1921 г. «питание детей» не было налажено «положительно нигде» и дети продолжали вести полуголодное существование, «местами питаюсь только хлебом и капустой или мерзлым картофелем». Она также приводит суточные нормы в среднем по стране: каждому воспитаннику закрытого детского учреждения в сутки по-

лагалось 200—300 г хлеба, около 100 г мяса или рыбы и столько же крупы, 300—400 г картофеля, по 12 г соли и сахара. Нормы эти «поначалу не были едиными для всей Республики, а устанавливались в зависимости от местных условий» [12]. Из сравнительного анализа норм, установленных в детских учреждениях Маркштадского уезда и Москвы, видим, что по весу они были приблизительно одинаковы. В то же время наблюдаются некоторые различия в продуктах, связанные, возможно, с особенностями питания в разных регионах (табл. 3, 4).

Таблица 3

Суточная норма детского питания в интернатах Баронского уезда, в золотниках
Daily ration of children's food in orphanages in Baronsky district, in zolotniks

Продукт	Для детей до 8 лет	Для детей до 16 лет
Хлеб	72	1 фунт ^{1*}
Крупы	18	24
Бобы, горох, чечевица	6	6
Мука	9,6	9,6
Мука картофельная	3,2	3,2
Мясо	24	32
Картофель	48	1 фунт
Масло	6	6
Сахар	6	6
Яйца	0	0
Молоко	0,5 фунта	0,5 фунта

Примечание. Составлено по: [11].

Таблица 4

Суточные нормы питания, утвержденные в 1921 г. для детских учреждений Москвы и Московской губернии, в золотниках
Daily nutrition norms approved in 1921 for children's institutions in Moscow and Moscow province, in zolotniks

Продукт	Для детей от 3 до 8 лет	Для детей от 8 до 16 лет	Для «дефективных» детей и в санаториях
Хлеб	72	96	72
Мясо или рыба	25,6	35,2	38,4
Жиры	6,4	6,4	7
Крупа	15	27,2	32
Овощи	9,6	1,5	4,8
Картофельная мука	0,8	3,2	3,2
Клюква или компот	3,2	3,2	12
Соль	3,2	3,2	3,2
Подправка	4	2	2
Приправа	3	3	3
Сахар	6,7	6,7	6,7
Кофе	1,2	1,2	1,6
Яйца	20 шт. в месяц	-	1 шт. в день
Молоко	-	-	1 стакан

Примечание. Приводится по: [12, с. 226—246].

Чтобы улучшить ситуацию с питанием воспитанников детских домов, при них заводятся подсобные хозяйства. В «Отчете о состоянии дела социального воспитания в Области немцев Поволжья в период с 01.01—1.06. 1920 в.» говорится, что «при каждом доме ребенка имеется распаханый

¹ Равен 96 золотникам.

и засеянный овощами участок земли, так что с осени текущего года дети будут пользоваться улучшенным столом. Кроме того, Губземотделом и Губпродкомом обещаны коровы из числа конфискованных у населения, по расчёту 1 корова на 5 человек, постепенно приобретаются утки, куры, овцы, козы и свиньи» [11, л. 151].

По поводу «обещанных коров» имеется заявление от 3 мая 1920 г. в губземотдел о просьбе выдать «для нужд детских домов (приютов) области несколько коров из числа конфискованных райпродкомами и земотделами. Если таковых не имеется в распоряжении земотдела, то просит разрешения на покупку в Малышинской волости голландских коров». К заявлению приложен список детских домов Маркштадского уезда, нуждающихся в коровах, и общее количество — 12 коров [11, л. 101].

Детские дома, организованные в селах кантона, были небольшими. Подробнее рассмотреть состояние дел в 1922 г. в одном из таких учреждений можно на примере рязановского детского дома № 1-10. Современное с. Рязановка — это скорее деревня, где нет ни одного учреждения социальной сферы, превратившееся в спутник с. Баскатовка. Когда-то село было центром волости.

Согласно учетной карточке учреждения, составленной 23 декабря 1922 г., учреждение д/д № 1-10 было основано 18 марта 1920 г., под него был выделен бывший пасторат. Ни учебно-воспитательных учреждений (библиотеки, лаборатории, клубы, площадки для игр), ни структур обслуживания (столовая, амбулатория, приемный покой) при детском доме не имелось. Из хозяйственных предприятий — только огород в две десятины. Служащие были представлены двумя преподавателями (они же и воспитатели), четырьмя техническими работниками. На 23 декабря 1922 г. в нем находилось 40 учащихся. Все воспитанники являлись немцами по национальности, круглыми сиротами, поступившими в 1920—1922 гг. [13] Подробные данные о преподавателях, взятые из учетных карточек работников просвещения:

Эммерих Давид Карлович, 1889 г. р. В 1902—1908 гг. учился и окончил Маркштадское центральное училище. В 1913 г. приобрел звание домашнего учителя по немецкому языку. В 1908—1914 гг. был учителем по всем предметам в начальной школе. С 1914—1919 гг. преподавал немецкий язык во всех классах средней школы. В 1920—1921 гг. состоял слушателем Московских высших научно-педагогических курсов. В эти же годы являлся областным школьным инструктором, а в 1922 г. — школьным работником I ступени. С 1 сентября 1922 г. работал в д/д № 1-10.

Цанг Юлия Александровна, 1899 г. р. Училась в Маркштадской женской гимназии в 1908—1918 гг., окончила 7 классов. В 1918—1921 гг. состояла школьным работником в единой трудовой школе, с 1922 г. — воспитателем в д/д, с 15 сентября 1922 г. в Рязановке [13].

Старейшим специализированным заведением уезда являлся Орловский детский дом № 1 (школа глухонемых). Село Орловское Марковского района, бывшая колония Орловская, имеет давние традиции организации детских социальных учреждений, продолжающиеся и сейчас. В современном Орловском расположен детский дом для умственно отсталых детей. А впервые подобное заведение появилось здесь в 1897 г. именно как интернат (школа) для глухонемых.

В учетной карточке Орловского д/д № 1 (глухонемых), составленной заведующим, дается полная картина состояния дел в детском доме на 24 декабря 1922 г. Учреждение располагалось в специально построенном и приспособленном здании, не имело подсобных органов учебно-воспитательного характера и органов обслуживания. Из хозяйственных предприятий был огород в 4 500 квадратных сажень, поле в 65 десятин, живой и мертвый с/х инвентарь. На 1 декабря 1922 г. педагогический и обслуживающий

персонал состоял из трех педагогов и четырех работников технического персонала [13].

На 1 декабря 1922 г. в интернате находилось 28 учащихся, разделенных на три группы. Географические рамки мест, откуда прибыли дети, от Саратова и Покровска до сел Маркштадского уезда. Все, кроме двух детей, — немцы по национальности, в основном из крестьянских семей [13].

Регистрационные карточки работников просвещения свидетельствуют о уровне образования и большом педагогическом стаже преподавателей.

Вольбедаht Иван Тартович, 1874 г. р., окончил полный курс учительской семинарии, трехлетний курс по преподаванию для глухонемых, в данном учреждении работал с 15 августа 1901 г. учителем глухонемых.

Шабловская Мета Германовна, 1870 г. р., окончила курс высшего женского училища, двухлетний курс по преподаванию для глухонемых. В данном учреждении работала с 28 марта 1919 г. Ее стаж составлял 24 года — работала в г. Вольмаре Лифляндской губернии (1915—1916) и в Саратовской школе глухонемых [13].

Таким образом, несмотря на нехватку педагогических кадров, в рязановском и орловском детских домах работали не случайные люди, а учителя со специальным образованием.

Изученные материалы позволяют сделать вывод: основными проблемами в социальном воспитании были недостаточное количество учреждений, нехватка помещений и продовольствия. В то же время следует отметить, что власть прилагала серьезные усилия для обеспечения беспризорных детей опекой и приютом: всего за пять лет (1918—1923) количество детских домов увеличилось с двух до 28. Народное образование Маркштадского уезда в 1918—1923 гг. прошло сложный путь от разрушения сложившейся старой системы образования до становления новой советской.

Перед созданными в 1918 г. новыми органами власти во вновь образованном уезде стояли очень сложные задачи преодоления непонимания и нежелания населения принимать революционные изменения в школе, трудностей, связанных с тяжелым положением в уезде в годы Гражданской войны и голодом 1921 г. И власть выполняла их по мере сил.

Всю ответственность за детей, которая легла на плечи молодого Советского государства, иллюстрирует «Объяснительная записка к смете Школьного Подотдела Екатериненштадского Уездного Отнараба на второе полугодие», где заведующий отделом Д. Шульд пишет 19 марта 1919 г.: «...школа, являясь главным фактором строительства всей жизни на новых коммунистических началах, требует самой лучшей организации, на что необходимы большие расходы. Но этих последних жалеть не приходится, ибо школа — это наше настоящее и будущее» [14, л. 26]. Эти слова, сказанные 104 года назад, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Список источников

1. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. Ч. II: Автономная республика. 1924—1941. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. 416 с.
2. Гартвиг Б. В. Народное образование в автономии немцев Поволжья (1918—1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 2004. 181 с. // disserCat : электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/narodnoe-obrazovanie-v-avtonomii-nemtsevpovolzhya-1918-1941-gg> (дата обращения: 15.11.2010).
3. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. Р-871. Оп. 2. Д. 10.
4. ГИАНП. Ф. Р-871. Оп. 2. Д. 3.
5. ГИАНП. Ф. Р-871. Оп. 2. Д. 274.
6. ГИАНП. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 438.
7. ГИАНП. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 441.
8. ГИАНП. Ф. Р-871. Оп. 2. Д. 30.

9. ГИАИП. Ф. 916. Оп. 1. Д. 52.
10. Рудов А. Беспризорная Россия. История повседневности. URL: <http://www.el-history.ru/node/346> (дата обращения: 01.02.2011).
11. ГИАИП. Ф. Р-871. Оп. 2. Д. 131.
12. Смирнова Т. М. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований. М. : Экон-Информ, 2003. С. 226—245.
13. ГИАИП. Ф. 916. Оп. 1. Д. 29
14. ГИАИП. Ф. Р-871. Оп. 2. Д. 23.

References

1. German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge. 1918–1941 [German Autonomy on the Volga. 1918–1941]. Ch. II: Avtonomnaja respublika. 1924–1941 [Part II. Autonomous Republic. 1924–1941]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1994, 416 p.
2. Gartvig B. V. Narodnoe obrazovanie v avtonomii nemcev Povolzh'ja (1918–1941 gg.) [Public Education in the Autonomy of Volga Region Germans (1918–1941)]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Samara, 2004, 181 p., *disserCat: jelektronnaja biblioteka dissertacij* [*disserCat: electronic library of dissertations*]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/narodnoe-obrazovanie-v-avtonomii-nemtsev-povolzhya-1918-1941-gg> (accessed: 15.11.2010).
3. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv nemcev Povolzh'ja v g. Jengel'se (GIANP) [State Historical Archive of the Volga Region Germans in the city of Engels (GIANP)], coll. R-871, aids 2, fol. 10.
4. GIANP [GIANP], coll. R-871, aids 2, fol. 3.
5. GIANP [GIANP], coll. R-871, aids 2, fol. 274.
6. GIANP [GIANP], coll. R-1, aids 2, fol. 438.
7. GIANP [GIANP], coll. R-1, aids 2, fol. 441.
8. GIANP [GIANP], coll. R-871, aids 2, fol. 30.
9. GIANP [GIANP], coll. R-916, aids 1, fol. 52.
10. Rudov A. Besprizornaja Rossija. Istorija povsednevnosti [Homeless Russia. History of everyday life]. Available at: <http://www.el-history.ru/node/346> (accessed: 01.02.2011).
11. GIANP [GIANP], coll. R-871, aids 2, fol. 131.
12. Smirnova T.M. «Luchshe vyvesti i rasstrel'jat»: Sovetskaja vlast' i golodnye deti (1917–1923 gg.) ["It is better to take out and shoot": Soviet power and starving children (1917–1923)], *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovanij* [Yearbook of Historical and Anthropological Research]. Moscow, Jekon-Inform, 2003, pp. 226–245.
13. GIANP [GIANP], coll. R-916, aids 1, fol. 29
14. GIANP [GIANP], coll. R-871, aids 2, fol. 23.

Информация об авторе

Серенькая Ирина Николаевна — учитель истории, средняя общеобразовательная школа с. Баскатовка, Марксовский район, Саратовская область, Российская Федерация. E-mail: irina-serenkaya@yandex.ru

Information about the author

Irina N. Serenkaya — history teacher, secondary general education school in the Baskatovka village, Markovsky district, Saratov region, Russian Federation. E-mail: irina-serenkaya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 23.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 376.64(47+57)«1937/40»(=134.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-70-78

Школы-интернаты для испанских детей в системе Наркомпроса (1937—1940)

Анна Павловна Фернандес

Российский государственный архив фонодокументов, Москва, Российская Федерация,
annafernandes@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании документальных материалов рассматривается проблема функционирования детских домов для испанских детей в системе Наркомпроса, советская политика в отношении испанских детей, особенности их образования и воспитания. Особое внимание уделяется таким вопросам, как численность испанских детских домов, особенности учебного процесса, педагогический состав испанских школ. Отдельное внимание уделяется работе педагогов-испанцев. Сделан вывод, что создание закрытой системы специализированных детских домов тормозило процесс интеграции испанских детей в советское общество.

Ключевые слова: детские дома для испанских детей, Наркомпрос, образование, воспитание в коммунистическом духе, испанские учителя, социальная адаптация

Для цитирования: Фернандес А. П. Школы-интернаты для испанских детей в системе Наркомпроса (1937—1940) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 70—78. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-70-78.

Features of national education in the USSR

Original article

Boarding schools for Spanish children in the Narkompros system (1937—1940)

Anna P. Fernandez

Russian State Archive of Audio Documents, Moscow, Russian Federation, annafernandes@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of functioning of orphanages for Spanish children in the system of the People's Commissariat of Education. On the basis of documentary materials the Soviet policy towards Spanish children, the peculiarities of their education and upbringing are considered. Special attention is paid to such issues as the number of Spanish orphanages, the peculiarities of the educational process, the pedagogical staff of Spanish schools. Special attention is paid to the work of Spanish teachers. It is concluded that the creation of a closed system of specialized orphanages was slowing down the process of integration of Spanish children into Soviet society.

Keywords: orphanages for Spanish children, Narkompros, education, upbringing in the communist spirit, Spanish teachers, social adaptation

For citation: Fernandez A.P. Boarding schools for Spanish children in the Narkompros system (1937—1940). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):70—78. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-70-78.

Появление в Советском Союзе испанских детей напрямую связано с гражданской войной в Испании (1936—1939). Для детей испанских республиканцев при Наркомпросе были созданы специальные детские дома, где они жили и учились, летом отдыхали на юге. Обучение испанских детей в СССР, как отмечает Н. Ю. Харитонова, стало уникальным образовательным идеологическим проектом: для большинства коллективов несовершеннолетних учащихся, которые не являлись советскими гражданами, было организовано особое пространство, где школьный учебный и воспитательный процессы шли на их родном языке, а у детей формировалось представление об их специфической общественной миссии [1, с. 74].

Обратимся к хронологии событий. В начале гражданской войны после усиления бомбежек и военных успехов Франко стало очевидно, что безопасных зон внутри самой Испании становится все меньше. Под лозунгом «Спасем детей Испании!» республиканское правительство стало отправлять детей за границу. Эвакуация, организованная республиканскими властями, как пишет в своем исследовании Р. Ф. Искуэрдо, была ориентирована на любую страну, которая в качестве гуманитарной помощи смогла принять детей [2, р. 23—29].

В январе 1937 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов писал в Политбюро на имя Сталина: «Думаю, что надо бы выделить для ограниченного числа испанских ребят (преимущественно сирот погибших бойцов) один из хороших детских домов в Москве или под Москвой» [3, л. 95]. В этом же документе содержатся указания обязать Моссовет передать один детский дом на 80—100 детей Наркомату обороны, поручить последнему через советников в Испании отбор и отправку детей в СССР, подбор для детдома квалифицированного персонала. Контроль за организацией и содержанием дома для испанских детей-сирот был возложено на разведуправление РККА [3, л. 95].

Однако в связи с ремонтом выбранного для этих целей детского дома, который располагался в здании бывшего сиротского приюта им. Н. Мазурина на Большой Пироговской улице, а также сложившейся военно-политической обстановкой первую экспедицию решено было направить не в Москву, а в Крым. Уже 30 марта пионерский лагерь «Артек» встретил 72 ребенка из Малаги, Валенсии, Мадрида (53 мальчика и 19 девочек). Вскоре по прибытии в «Артек» начались школьные занятия [4]. Из Испании были доставлены в «Артек» необходимые учебники и детская литература. 31 марта 1937 г. начальник разведывательного управления РККА С. П. Урицкий писал К. Е. Ворошилову: «Ремонт и оборудование дома для испанских детей подходит к концу. Дети прибыли и временно размещены в лагере „Артек“» [3, л. 4].

Прошло еще полгода, прежде чем решение о создании специализированного детского дома для испанских сирот перешло в практическую плоскость. Только в октябре после окончания летних смен в «Артеке» дети переехали в Москву и разместились в здании на Большой Пироговской улице. В октябре 1937 г. в детдоме находилось 84 ребенка — 23 девочки и 61 мальчик. Большинству детей было от 7 до 15 лет.

Уже 17 ноября 1937 г. Наркомпрос принял на свой баланс от Наркомата обороны детский дом для испанских детей. Детский дом стал числиться под номером 7.

При детдоме была организована испанская школа, все обучение велось на испанском языке. Занятия проходили в школе № 39 Фрунзенского района, где были организованы специальные испанские классы для воспитанников детдома. Программа занятий была максимально приближена к программе советских школ.

Заведующим детским учреждением был назначен И. П. Семенов, ранее возглавлявший детдом № 6. В школе работали четыре испанских педагога,

прибывшие в СССР из Испании вместе с детьми, три переводчика, а также 24 сотрудника из числа обслуживающего персонала (кастелянши, повара, дворники, прачки и т. д.) Советские учителя вели занятия по русскому языку, рисованию и физкультуре.

Историю и испанский язык в старших классах вел Хосе Сердан. По отзывам советских проверяющих, он был «преувеличенно ласков с детьми», всегда их защищал, в том числе нарушителей внутреннего распорядка. В разговоре с одним из воспитанников он уверил последнего, что мальчик не сможет ужиться с железной дисциплиной, которая существует в Советском Союзе. Вскоре выяснилось, что у себя на родине Хосе Сердан принадлежал к партии анархистов. Это сразу вызвало подозрение в том, что педагог сможет внушить детям антисоветскую идеологию, и учителю стали искать «скорейшую замену» [3, л. 18].

Испанка Кармен Лопес Хименес преподавала математику. Она хорошо умела делать то, что как раз требовалось от учителя в советской школе, — давать прочные знания. Кармен пользовалась заслуженным авторитетом в школе, так как была тактична, хорошо знала и объясняла свой предмет. Кроме того, она пользовалась доверием, так как была коммунисткой.

Пока решался вопрос с детским домом № 7, в июне 1937 г. был открыт детский дом № 5 (станция Обнинская). Встречали детей, прибывших специальным поездом из Москвы, со всей торжественностью. На станции их ожидали автомобили. Первая встреча была организована в парке, играл духовой оркестр. На зеленой поляне на белых столиках приготовили легкий завтрак — какао, пирожки, печенье, бутерброды с маслом, сыром, апельсины. Сотрудники провели санитарный осмотр детей и разделили на три отделения: дошкольное (3,5—6,5 лет), второе (7—12 лет), первое (13—16 лет) [5, с. 184]. При детском доме была организована общеобразовательная школа и детский сад.

Испанцев разместили в главном четырехэтажном корпусе. В центральной части здания находились большой класс и столовая, в корпусах на первом этаже — учебные классы, медкабинеты, душевые, на втором — спальни. Таким образом, все необходимые помещения располагались внутри дома и можно было жить и учиться, не выходя на улицу. Некоторые дети болели различными легочными заболеваниями. Наиболее ослабленных из них отправляли в детские дома, находящиеся в благоприятных климатических зонах, — в Крыму, Одессе и т. д.

В РСФСР, согласно списку начальника отдела детских домов спецназначения Дубровского, в начале 1939 г. были открыты 11 школ для испанских детей [6, л. 2]. Преимущественно они располагались в Москве и Ленинграде. Еще пять детских домов для испанцев были открыты на Украине — в Одессе (два детских дома), Харькове, Херсоне, Киеве. В октябре 1939 г., позже остальных, в Куйбышеве открылся детский дом № 14, который вскоре из-за плохих условий был закрыт.

Советское правительство постаралось обеспечить благоприятные условия для сирот погибших бойцов республиканской армии Испании. В довоенный период испанским детям пытались создать максимально комфортные условия. Некоторые детские дома для испанских сирот были обставлены по советским меркам роскошно, что не могло не контрастировать с более чем скромной обстановкой обычных коммунальных квартир, в которых в ту пору ютилось большинство советских граждан. Так, в пушкинском детдоме № 10 на полу лежал огромный персидский ковер, буквально заваленный игрушками, стояли фарфоровые вазы, деревянная мебель была украшена хохломской росписью. Казалось, дети жили в условиях, не уступавших богатым домам Хихона и Барселоны [7].

В советской терминологии того времени не было такого понятия, как «социальная адаптация» учащихся. Однако это не означает, что испанских

детей не стремились привести в соответствие (одновременно удовлетворив их базовые потребности в пище, одежде, безопасности) требованиям социальной среды. Культура и идеология советского общества, несомненно, влияли на адаптацию испанских детей к декларируемым политическим установкам. Надо отметить, что проводить такую адаптацию планировалось достаточно быстрыми темпами. Предполагалось, что дети испанских шахтеров должны хорошо ориентироваться в политической обстановке. Попав в СССР, дети старшего возраста уже вовсю изучали газетные сводки о положении на фронтах Испании, а также историю СССР.

В деле воспитания испанских сирот в СССР основная ставка была сделана на государственные детские дома. Именно государство взяло на себя ответственность за материальное обеспечение, обучение, воспитание, социальную адаптацию детей, эвакуированных из Испании путем совершения нескольких морских экспедиций и лишенных в результате разлуки с семьей родительской опеки. В духе времени формулировались задачи детского дома для испанских детей — воспитать энергичных строителей коммунистического общества, борцов против фашизма и борцов за свободную и независимую Испанию [8, л. 1].

Процесс приобщения испанских детей к официальной идеологии СССР проводился посредством целенаправленного воспитания их в «коммунистическом духе» [9, р. 26]. Так, в Положении о детском доме для испанских детей говорилось, что «детский дом для испанских детей является государственным учреждением, осуществляющим коммунистическое воспитание детей» [8, л. 1]. Считалось, что для успешной интеграции детей в общество необходимо привить им дух коллективизма и веру в победу коммунизма, уважение к социалистической собственности, любовь к партии большевиков и ее вождям. Таким образом, создание системы испанских детдомов в недрах Наркомпроса, а также негласный отказ властей от передачи детей в семьи продолжили политику большевиков в области охраны детства, в основе которой лежал принцип так называемого социального воспитания, предполагавший приоритет общественного воспитания над частным, а также единство стандартов воспитания и образования в общегосударственном масштабе [10, с. 86].

Находясь в СССР, испанские дети, помимо лидеров испанской компартии Хосе Диаса и Долорес Ибаррури, узнавали и о советских вождях и героях. Корреспондент газеты «Большевистское слово», посетивший детдом № 10 в Пушкине в 1938 г. писал, что испанские мальчики по очереди целовали портрет Ворошилова на коне [7].

Процесс образования и воспитания испанских детей носил контролируемый характер. От испанских детей, так же как и от всех советских школьников, требовалось относиться к учебе как к своей главной задаче, вступать в ряды пионерской организации, соблюдать дисциплину. Еще в начале 1930-х гг. А. С. Бубнов, возглавлявший в те годы Наркомат просвещения, заявил, что посредством дисциплины и пионерской организации советская школа должна реализовывать принципы коммунистического воспитания: «...роль пионерской организации в деле коммунистического воспитания детей и подростков гигантски возрастает... в связи с таким вопросом, как дисциплина в школе»¹. В стенах школы испанские дети должны были быть вежливыми с преподавателями, товарищами и старшими, школа «решительно боролась» с хулиганством и «антиобщественными поступками» учащихся, требовала уважения к социалистической собственности, боролась с так называемой поруккой.

Пионерская работа в испанских школах была подчинена задаче помочь подрастающему поколению детей испанских республиканцев-антифа-

¹ Более подробно об этом см.: [11].

шистов стать коммунистами и продолжить дело их отцов. В рамках проводимой в детдомах воспитательной работы центральное место занимали общешкольные мероприятия, политинформации, митинги и другие ритуалы. Очень скоро испанские дети хорошо узнали два главных советских праздника — 1 мая и 7 ноября, принимали участие в парадах на Красной площади.

Детские дома курировали представители испанской компартии. Испанской республиканской эмиграцией среди детей пропагандировалась идея о том, что, став взрослым, испанский воспитанник советской школы сможет и должен принести пользу своей родине. В испанском контексте это так называемые полезный человек (*hombre útil*) и дельный человек (*hombre de provecho*), речь в данном случае идет о понятиях, глубоко укорененных в испанской традиции [1, с. 74—95]. Таким образом, в ответ на заботу сталинской России испанские дети должны были в будущем трудиться на благо освобожденной от оков фашизма Испании.

Помимо воспитания детей в идеологическом духе на повестке дня стояла такая цель, как получение испанскими детьми образования в объеме средней школы. Попав в СССР, испанские дети учились по программам советских школ. К этому времени в СССР была сформирована структура начальной и средней школы. Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» в стране были установлены три типа общеобразовательных школ: начальная (с первого по четвертый класс), неполная средняя (с первого по седьмой класс), средняя (с первого по десятый класс) [12, с. 167].

Учебный процесс в советской школе был жестко регламентирован. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г. «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной и средней школе» утвердило количество ежедневных классных уроков: в первых четырех классах — четыре урока в день (в четвертых классах допускалось два дня в неделю по пять уроков); в 5—10-х классах — пять уроков (и два дня в неделю по шесть уроков). Были утверждены и единые для всех школ СССР учебные планы и отметки: «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо», «отлично» [12, с. 171].

Распоряжением СНК СССР от 1 февраля 1937 г. «Об изучении Конституции Союза ССР в школах» с 1937/38 учебного года было введено преподавание советской Конституции в качестве самостоятельного предмета в седьмых классах средней школы [12, с. 175]. Этот предмет был и в учебном плане испанских школ.

Сразу после приезда испанских детей педагогам пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Общеобразовательный уровень детей, среди которых большую часть составляли дети бедных шахтеров, зачастую не соответствовал их возрасту. В первую очередь необходимо было организовать учебный процесс так, чтобы дети в полном объеме могли освоить учебную программу. Проблема заключалась в том, что многие из прибывших — мальчики и девочки от 9 до 14 лет — вообще никогда у себя на родине не посещали школу. Поэтому при комплектации классов приходилось учитывать не только возраст учащихся, но и уровень их знаний. На первых порах в классах находились дети самых разных возрастов. Так, по воспоминаниям Виртудес Мартинес, ее, в ту пору девятилетнюю девочку, включили в класс вместе с двенадцатилетней сестрой: «В нашем классе находилось от 18 до 20 учеников, около трети из них не умели ни читать, ни писать. Что же до нас с сестрой, то мы успели закончить первый класс школы» [13, р. 22].

Таким образом, характерной чертой испанских детских домов до войны было существование в их структуре разновозрастных классов, укомплектованных как хорошо успевающими учениками, так и «переростками», уровень подготовки которых был очень слабым.

Ответственная за учебно-воспитательную работу детского дома № 5 (ст. Обнинская), З. В. Соколова распределила детей по классам соответственно возрасту и знаниям. Испанских педагогов не хватало. Поначалу преподаватели, не знавшие испанского языка, объяснялись с учениками через переводчиков. Это были люди с высшим образованием, ранее жившие за границей: С. И. Ясельман 23 года жил в Аргентине, Е. Н. Мейер — в Германии и Южной Америке, В. С. Цейтлина — в Париже. Интересно преподавали русский язык супруги М. Д. и Т. В. Музалевские. Профессию педагога освоило и тринадцать испанских девушек-воспитательниц. Самой старшей из них, Эсперансе Родригес, было 24 года, а некоторым, как, например, Кончите Бруфау, 16 лет. По вечерам с молодыми испанскими учительницами занималась З. В. Соколова, которая постоянно посещала их уроки, а потом производила их разбор. Благодаря методической помощи опытных советских педагогов прекрасным учителем математики стала Хулиа Апарасио [5, с. 190].

Особое внимание обращалось на знание языков. С самого начала работы испанских школ образовательный процесс был организован с учетом этнической и культурной принадлежностью учащихся, в каждом детском доме работали испанские педагоги и воспитатели, предметы проводились на родном для ребят языке. Согласно приказу народного комиссара просвещения РСФСР П. Тюркина, детские дома должны были обеспечить каждому испанскому ребенку знание литературного испанского языка и полное овладение русской устной и письменной речью [14, л. 2].

В 1939 г. количество испанских учителей и воспитателей в СССР резко выросло. Новые педагоги были участниками гражданской войны в Испании, большинство из которых, пройдя через лагеря для беженцев во Франции и Северной Африке, оказались в Советском Союзе в качестве политэмигрантов. Привлечение испанских коммунистов-республиканцев к работе в детских домах отвечало двум задачам. Они помогали сохранять культурные связи мальчиков и девочек с Испанией, и одновременно советские власти были заинтересованы в том, чтобы обеспечить кадры для социалистической революции на Пиренейском полуострове¹.

Учитель Аугусто Видаль прибыл в СССР в мае 1939 г. Выходец из крестьянской семьи, в детстве он посещал сельскую школу. Затем в Жероне получил специальность учителя начальных классов. Молодому человеку было нелегко — ему самому пришлось обеспечивать себе жизнь вдали от родных. Желая продолжить образование, Аугусто переехал в Мадрид, где поступил на факультет педагогики Мадридского университета. В Мадриде Аугусто всерьез увлекся политикой, вступил во Всеобщий союз трудящихся (УГТ). Также он был членом секретариата профсоюза работников просвещения. Политика все более увлекала молодого человека, за свою деятельность он был арестован на 15 суток. Начиная с 1 ноября 1936 г. Видаль был комиссаром батальона Народной армии, участвовал в Брунетской операции. После поражения в войне был вынужден эмигрировать во Францию, где получил разрешение на приезд в Советский Союз. В СССР его опыт работы педагогом оказался востребован, так как в тот момент в испанских школах не хватало учителей со знанием языка. Попав на работу в детский дом № 1, расположенный в Подмоскowie в районе ст. Правда, он получил возможность продолжить свою педагогическую карьеру.

Для испанских детских домов были разработаны типовые правила внутреннего распорядка, нормы обмундирования и питания. Кроме того, планировалось составить программы по русскому как иностранному и испанскому языкам, организовать систематический инструктаж школ по вопросам методики преподавания русского языка, обмен опытом между персона-

¹ Более подробно об этом см.: [15, р. 28].

лом испанских школ, широко развернуть трудовое воспитание детей, организовать при детских домах учебные мастерские. Как покажет время, далеко не все удалось воплотить в жизнь, некоторые указания остались только на бумаге или потом были негласно отменены.

Несмотря на то что власти в лице Наркомпроса прикладывали определенные усилия, чтобы детские дома для испанских детей были образцово-показательными учреждениями, на деле все зачастую выходило далеко не так, как хотелось и как представляла пропаганда. Оказалось, что на просторах огромной страны система не в состоянии обеспечить относительно равные материально-технические условия, условия воспитания и образования. В одних регионах положение было хорошим, даже благополучным, где-то совсем плачевным.

Общим распространенным недочетом было то, что территории бывших домов отдыха и санаториев, где преимущественно разместились детские дома, оказались не вполне приспособлены для этих специализированных учреждений. Так, детский дом № 1 (ст. Правда) оказался «разбросан по ряду корпусов, барачных, подсобных помещений», в детском доме № 2 (Красновидово) «в спальнях тесно, нет игровых комнат, в первом корпусе осыпается штукатурка», в детдоме № 9 (Ленинград) «не остается помещения для внешкольной кружковой работы и игр», в одесском детском доме № 3 школа разместилась в непригодных, плохо освещаемых холодных дачах, а в детском доме для ослабленных детей в Евпатории «часто не бывает электроосвещения при отсутствии керосиновых ламп, прачечная в антисанитарном состоянии» [16, л. 1].

Штаты испанских детских домов оказались раздуты по сравнению с русскими детдомами. Так, в детском доме № 1 (ст. Правда) на 550 детей приходилось 300 человек обслуживающего персонала, при этом не хватало учителей. В то же самое время во многих детских домах не хватало переводчиков, что осложняло работу русскоязычного персонала, в большинстве своем не изучавшего испанский язык.

Положение испанских учителей тоже было неоднозначным. С одной стороны, получение статуса политэмигранта давало социальные льготы. Такие лица могли легально проживать на территории СССР, их устраивали на работу, обучали новым профессиям, оказывали денежную и продуктовую помощь. Однако, с другой стороны, многие из учителей были выходцами из крестьян, но даже им было нелегко адаптироваться к условиям жизни в СССР. Присутствовало здесь и разочарование из-за несоответствия пропагандируемого образа страны «дворцов, заводов и фабрик» реальному положению дел, неразрешимых бытовых трудностей, в том числе связанных с жильем. Сначала прибывшим из-за границы испанским учителям оплачивали номера в гостиницах. Позже им стали предоставлять жилье поблизости от детских домов, если в самих домах-интернатах не было свободной площади. Одиноким работников могли поселить в комнаты общежития, в которых одновременно проживало несколько человек (отдельно для мужчин и женщин), с кроватями и тумбочками. Чтобы прекратить недовольство иностранцев, регулярно предлагалось проводить лекции и беседы с испанскими педагогами, рассказывать о социалистическом строительстве и объяснять, что временные трудности необходимы для построения нового общества.

Постепенно советские власти пришли к выводу, что изолированность испанских детей могла пагубно влиять на их последующую социализацию. Инспекторы Наркомпроса выражали тревогу, что испанские дети росли совершенно не приспособленными к жизни, оторванными от реальности. Отмечалось, что во многих детдомах, особенно Москвы и Ленинграда, воспитанники жили в обстановке «близкой к роскоши», и это вызывало опасения, что со временем дети окажутся совершенно не готовы к трудовой скромной жизни [16, л. 4]. Кроме того, отметим, что еще в конце 1938 г.

в СССР был взят курс на реорганизацию национальных школ. В соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. «О реорганизации национальных школ», национальные школы закрывались, а ученики размещались в соседних близлежащих советских школах. В этом постановлении отмечалось, что практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях [17, л. 100—101]. Ликвидировались финские, польские, латышские, немецкие школы. Некоторые из подобных школ вызывали подозрения как «центры шпионажа», как это случилось с немецкой школой им. Карла Либнехта¹.

И хотя испанские школы не тронули, их количество планировалось сокращать за счет вывода старших детей в общежития и дома молодежи. Сокращение контингента воспитанников испанских детских домов, начавшееся еще до войны и имевшее продолжение в военный период, обусловлено как естественной убылью (воспитанники выросли, поступали в учебные заведения), так и целенаправленной политикой Наркомпроса.

Таким образом, на довоенном этапе пребывания испанских детей в СССР советская образовательная система не ставила задачу ассимиляции и инклюзии детей в советское общество. Детей готовили к жизни в Испании, надеясь на скорое падение диктаторского режима Франсиско Франко. Однако идея о скором возвращении испанских детей на родину оказалась утопией. Уже до начала Великой Отечественной войны стало ясно, что испанским детям придется жить и получать дальнейшее образование в Советском Союзе, что потребовало реорганизации системы их обучения и воспитания.

Список источников

1. Харитонов Н. Ю. Система воспитания в детских домах для испанских детей в Советском Союзе: к истории педагогических идеологем // ШАГИ/STEPS. 2015. Т. 1. № 1. С. 74—93.
2. Izcuendo R. F. The Children of Russia. The true story of a return operation. Barcelona, 2017. 505 p.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 949.
4. Испанские дети в Артеке // Правда. 1937. 3 апр.
5. Ефимова И. Л. Школа-колония «Бодрая жизнь». Испанский детский дом. Калининград : Аксиос, 2012. 222 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-307 Оп. 2. Д. 406.
7. Мы из Астурии // Большевицкое слово. 1938. 4 апр.
8. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5987.
9. Limonero I. C. Dos patrias, tres mil destinos. Madrid, 2010. 279 p.
10. Смирнова Т. М. Дети Страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. М. ; СПб. : Ин-т Рос. истории РАН, 2015. 384 с.
11. Коммунистическое воспитание детей и задачи ОДД: речь т. А. С. Бубнова на Съезде о-ва «Друг детей» 24-го мая 1931 г. М. : Наркомпрос РСФСР ; Ленинград : Огиз, 1931. 24 с.
12. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917—1973 гг. / под ред. А. А. Абакумова, Н. П. Кузина, Ф. И. Пузырева ; сост. Л. Ф. Литвинов. М., 1974. 562 с.
13. Martinez V. C. La Espanola rusa. M., 2011. 127 p.
14. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5986.
15. Gornals Vidal A. Gabriel Arrom. Cultura i treball en la construcció de la identitat revolucionària a l'exili // Laberintos. № 23. P. 28.
16. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 2959.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 114. Д. 837.
18. Мусиенко Н. С., Ватлин А. Ю. Репрессированная школа: история немецкой школы им. Карла Либнехта в Москве, 1924—1938. М. : РОССПЭН, 2014. 239 с.

¹ О закрытии в 1938 г. немецкой школы им. Карла Либнехта в Москве см.: [18].

References

1. Haritonova N.Ju. Sistema vospitaniya v detskih domah dlja ispanskih detej v Sovet-skomb Sojuze: k istorii pedagogicheskikh ideologem [The system of education in orphanages for Spanish children in the Soviet Union: Toward a History of Pedagogical Ideologies], *ShAGI/STEPS* [STEPS], 2015, vol. 1, no. 1, pp. 74–93.
2. Izcuendo R.F. The Shildren of Russia. The true story of a return operation. Barcelona, 2017, 505 p.
3. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RGVA)], coll. 33 987, aids 3, fol. 949.
4. Ispanskije deti v Arteke [Spanish children in Artek], *Pravda* [Pravda], 1937, 3 apr.
5. Efimova I.L. Shkola-kolonija «Bodraja zhizn'». Ispanskij detskij dom [The school colony "Bodraja zhizn". Spanish orphanage]. Kaliningrad, Aksios, 2012, 222 p.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)]. coll. A-307, aids 2, fol. 406.
7. My iz Asturii [We're from Asturias], *Bol'shevistskoe slovo* [Bolshevik word], 1938, 4 apr.
8. GA RF [SA RF]. coll. 2306, aids 70, fol. 5987.
9. Limonero I.C. Dos patrias, tres mil destinos [Two homelands, three thousand destinies]. Madrid, 2010, 279 p.
10. Smirnova T.M. Deti Strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940 gg. [Children of the Country of the Soviets: from state policy to the realities of everyday life. 1917–1940]. Moscow, Saint-Petersburg, In-t Ros. istorii RAN, 2015, 384 p.
11. Kommunisticheskoe vospitanie detej i zadachi ODD: rech' t. A.S. Bubnova na Syezde o-va «Drug detej» 24-go maja 1931 g. [Communist education of children and the tasks of the ODD: a speech by T. A. S. Bubnov at the Congress of the Children's Friend on May 24, 1931]. Moscow, Narkompros RSFSR, Leningrad, Ogiz, 1931, 24 p.
12. Abakumova A.A., Kuzina N.P., Puzyreva F.I., Litvinov L.F. (eds.). Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobrazovatel'naja shkola [Public education in the USSR. Secondary school]: sb. dok. 1917–1973 gg. Moscow, 197, 562 p.
13. Martnez V.C. La Espanola rusa [Russian Spanish]. Moscow, 2011, 127 p.
14. GA RF [SA RF]. coll. 2306, aids 70, fol. 5986.
15. Gornals Vidal A. Gabriel Arrom. Cultura i treball en la construcció de la identitat revolucionària a l'exili [Gabriel Arrom. Culture and work in the construction of the revolutionary identity in exile], *Laberintos* [Laberintos], no. 23, p. 28.
16. GA RF [SA RF], coll. 2306, aids 75, fol. 2959.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskij istorii [Russian State Archive of Social and Political History], coll. 17, aids 114, fol. 837.
18. Musienko N.S., Vatlina A.Ju. Repressirovannaja shkola: istorija nemeckoj shkoly im. Karla Libnehta v Moskve, 1924–1938 [Repressed School: History of the Karl Liebknecht German School in Moscow. Karl Liebknecht German School in Moscow, 1924–1938]. Moscow, ROSSPJeN, 2014, 239 p.

Информация об авторе

Фернандес Анна Павловна — ведущий специалист, Российский государственный архив фонодокументов, Москва, Российская Федерация. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Information about the author

Anna P. Fernandez — leading specialist, Russian State Archive of Audio Documents, Moscow, Russian Federation. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 376.74(571.1)(=112.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-79-87

Из истории немецкой национальной школы в Западной Сибири (конец XIX — середина XX в.)

Евгения Александровна Скоп

Независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация, skop.e.82@mail.ru

Аннотация. В статье представлен исторический опыт становления немецкой национальной школы на территории Западной Сибири в конце XIX — середине XX в. Рассматриваются судьбы некоторых видных педагогов, оказавших значительное влияние на формирование профессиональных кадров таких школ в послевоенный период и разработавших учебные пособия на немецком языке.

Ключевые слова: немецкая национальная школа, И. А. Варкентин, В. Г. Клейн, А. А. Фот, Славгородский педагогический техникум

Для цитирования: Скоп Е. А. Из истории немецкой национальной школы в Западной Сибири (конец XIX — середина XX в.) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 79—87. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-79-87.

Features of national education in the USSR

Original article

From the history of the German national School in Western Siberia (late XIX — mid XX centuries)

Evgenia A. Skop

Independent Researcher, Novosibirsk, Russian Federation, skop.e.82@mail.ru

Abstract. The article presents the historical experience of the formation of the German national school in Western Siberia in the late XIX — mid XX centuries. The article examines the fate of some prominent teachers who had a significant impact on the formation of professional staff of such schools in the post-war period and developed textbooks in German.

Keywords: German National School, I.A. Varkentin, V.G. Klein, A.A. Fet, Slavgorod Pedagogical College

For citation: Skop E.A. From the history of the German national School in Western Siberia (late XIX — mid XX centuries). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):79—87. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-79-87.

В настоящее время не теряет своей актуальности вывод известного исследователя истории российских немцев доктора исторических наук Л. П. Белковец о том, что возрождение национального образования — одна из многочисленных современных проблем российских немцев, уходящая своими корнями в прошлое [1, с. 155].

События начала XX в. не самым благоприятным образом сказались на немецкой национальной школе, вследствие чего образование на национальном языке то разрешалось властями на определенный период времени, то вновь запрещалось. Вырастало поколение немецких детей, обучившихся родному языку дома, по имеющимся церковным книгам или художественной литературе.

Немецкое население в Сибири в XVIII—XIX вв. было немногочисленным и проживало в основном в городах, формируя свои национальные общины, открывались лютеранские и католические приходы. В большинстве своем семьи колонистов были религиозными, и возникла потребность в организации воспитательного процесса для подрастающего поколения в духе традиционных конфессиональных традиций.

Как указывает доктор исторических наук И. В. Черказянова, в течение XVIII—XIX вв. немецкие начальные и средние учебные заведения были открыты при лютеранских и католических церквях во многих городах: Барнауле, Екатеринбурге, Омске, Таганроге, Томске [2, с. 27]. Появление немецких школ в регионах Сибири была связано с наличием приходов и ролью пасторов, которые способствовали созданию таких школ для своих прихожан [3, с. 384].

Если в городах по-прежнему ведущую роль в создании школы играл пастор, то в сельской местности Сибири, где традиция народной немецкой школы была особенно сильна, инициатива организации школ принадлежала самому населению. Пасторы находились в городах и были значительно отдалены от поселков. Территории их приходов не ограничивались рамками города и оставались значительными, поэтому на разъезды для отправления треб уходило очень много времени. Так, во вновь организованном в Омском уезде сельском приходе Св. Иоаннеса несколько лет оставалась вакантной должность проповедника, пастор же из Омска не в состоянии был чаще одного раза в год бывать в поселках — приезжал лишь для конфирмации [3, с. 388].

В немецких поселениях, как правило, даты основания поселка и школы совпадают. Об этом свидетельствуют официальные документы и воспоминания колонистов. Например, часто при опросах жители сибирских колоний не помнили точной даты основания поселка или школы, но всегда соотносили появление школы с образованием своего поселения, так как на новом месте уже в первую-вторую зимы начиналось обучение детей [2, с. 27].

Сельское немецкое население стало формироваться в связи с массовым переселением крестьян за Урал. Это обстоятельство способствовало и росту численности немцев в городах Сибири. Вслед за этим изменилась ситуация в деле организации немецких школ — появились постоянно действующие школы в городах и поселках. К 1911 г. число немцев в Барнауле возросло до 480 человек. Немецкое население Омска в 1911 г. составляло 2 707 человек (2 % от общего числа жителей города), в то же время в Омском уезде немцев было 17 997 человек (7,5 %). В городах Томской губернии к началу 1912 г. проживало 2 142 протестанта и лютеранина, в селах — 19 872. Немецкое население дореволюционного Новониколаевска стало формироваться лишь в начале XX в. и оставалось немногочисленным вплоть до революции: максимальное число немцев проживало в 1909 г. (660 человек), наименьшее — в 1915 г. (121). В Новониколаевске к 1912 г. все еще не было своей церкви, существовало лишь лютеранское общество [3, с. 387].

Этапы переселения колонистов отразились на динамике роста численности школ и географии их размещения: первые из них возникли в 1890-х гг. — густая сеть школ появилась в Омском и Барнаульском уездах. В 1886 г. в Томске была официально зарегистрирована старейшая городская немецкая школа, организованная пастором А. Келлером при церкви Св. Марии.

В начале 1900-х гг. начинают действовать школы при церквях в Омске и Иркутске. Старейшие меннонитские школы находились в Омском, Барнаульском уездах. За короткий срок немцы смогли не только прочно обосноваться на новых землях, но и организовать на достаточно высоком уровне школьное образование. По итогам школьной переписи 1911 г. в пределах Западно-Сибирского учебного округа немцы составляли 0,18 % численности всего населения, а удельный вес немецких детей среди всех этнических групп учащихся был 0,45 %. По количеству учащихся на 100 жителей немцы Сибири занимали первое место среди других народов края. Эти данные свидетельствуют о важной роли школы в жизни немцев, об их внимательном отношении к образованию детей [4, с. 9].

С конца XIX в. усиливается контроль Министерства народного просвещения за деятельностью всех колониистских лютеранских и католических школ, их существование становится возможным лишь с разрешения попечителя учебного округа. Поэтому занятия пасторов с детьми при церквях оформляются в школы, подведомственные учебному начальству. Создаваемые сельские школы сразу попадали под контроль учебного ведомства, многие из них вскоре после учреждения были преобразованы в министерские училища с преподаванием на русском языке. Несмотря на тяжелые условия переселения и обустройства на новом месте, вопреки русификаторской политике государства, традиции немецкой народной школы были сохранены [3, с. 390].

В годы Первой мировой войны немецкая школа пережила серьезный удар из-за гонений на немцев. Были приняты законы о запрещении употребления немецкого языка в общественных местах, школах. Первыми испытали на себе запрет училища при лютеранских и реформатских церквях Петрограда, затем Москвы. 24 декабря 1914 г. запрет на немецкий язык был распространен на школы колониистов по всей империи. 18 августа 1916 г. император утвердил закон о воспрещении преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержащихся лютеранскими приходами школ.

Начиная с 1916/17 учебного года немецкий язык преподавания сохранялся лишь на уроках Закона Божьего и собственно немецкого языка. В годы войны немецкие школы прошли тотальный учет и тщательное обследование. Незнание или плохое знание учителями русского языка было основанием для их увольнения. В школах увеличилось число русских учителей, которых направляли взамен уволенных немецких преподавателей [2, с. 30].

К 1917 г. в Западно-Сибирском учебном округе существовало 54 зарегистрированных немецких школы, из них 4 — лютеранские, 1 — католическая, 35 — меннонитских и 14 — министерских [4, с. 10].

Летом 1917 г. Временное правительство сняло ограничения на использование родного языка в преподавании, правда закон касался лишь частных учебных заведений. Равенство языков в школьной практике было провозглашено советской властью. Отправным моментом в развитии национальной школы при советской власти является 1918 г., когда было принято постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств».

Новый подъем в развитии немецких школ наметился в 1920-х гг. Преподавание велось на родном языке. Для учителей выходили специальные издания, такие как *Zur neuen Schule*, *Wolgadeutsches Schulblatt*, «Просвещение национальностей» и др. Основную нагрузку по изданию немецких учебников для нужд всей страны несло Немецкое государственное издательство — Немгосиздат в Покровске (Энгельс) [2, с. 30].

После 1925 г. национальные меньшинства в районах компактного проживания смогли иметь не только свои национальные школы, но и свои органы местного самоуправления, вести делопроизводство на родном языке в национальных сельских советах и исполнительных комитетах районных

советов. В соответствии с этим решением в Сибирском крае, где проживало свыше 75 тыс. немецких колонистов, было организовано несколько десятков национальных немецких сельских советов (в Омском, Славгородском, Барабинском округах) и Немецкий национальный район (с 17 сельсоветами) на территории Славгородского округа [1, с. 156].

В немецких селах Сибири, как правило, действовала небольшая сельская школа с одним учителем (реже с двумя), рассчитанная в лучшем случае на 50 учащихся. Школа объединялась с церковью не только из-за размещения в одном помещении, но и в сознании колонистов, рассматривавших школу и церковь как нечто единое и неразделимое [1, с. 158].

Имея довольно скромное содержание (400—500 руб. в год), которое могла обеспечить община, учителя обычно вели свое хозяйство, а, кроме того, сами обслуживали школьные здания, топили печи, убирали помещения. Дети обучались в такой школе от двух до четырех лет, и главную свою задачу учитель видел в том, чтобы научить детей читать и писать по-немецки, считать, прочесть катехизис. Русский язык также входил в число обязательных предметов, изучавшихся в немецкой школе.

Отдаленность сибирских колоний от материнских и сложность учительского труда способствовали возникновению острого дефицита учительских кадров. Большинству сельских общин приходилось привлекать к школьному делу грамотных односельчан, имевших склонность к занятиям с детьми, зимой, в свободное от сельскохозяйственных работ время, они учили грамоте. Однако в целом ряде средних и крупных сел в немецких школах Сибири учителями трудились выпускники так называемых центральных школ в материнских колониях, сдавшие специальные экзамены и получившие право на преподавание и службу кистерами [1, с. 156].

Провозгласив право народов на обучение детей на родном языке, государство долгое время не предпринимало никаких действий для его обеспечения. Так, немецкие школы в Сибири все 1920-е гг. работали по старым дореволюционным учебникам, по их переизданиям и по тем букварям и книгам, которые в виде гуманитарной помощи при посредничестве германского консула в СССР графа Брокдорфа-Рантцау и германского консула в Новосибирске Вильгельма Гросскопфа поступали в немецкие села [1, с. 164].

Несмотря на серьезные проблемы в сфере национального образования, в Сибири начала формироваться сеть немецких школ, культурно-просветительских учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), национальная пресса, рос культурный уровень населения [5, с. 55].

С середины 1920-х гг. набирала обороты антирелигиозная борьба, коснувшаяся в том числе и немецкой школы. Многие семьи колонистов были верующие, а начавшиеся гонения на церковь, дальнейшая ее замена на партийную идеологию привели к неблагоприятным последствиям. Сократилось количество педагогических кадров, родители не хотели отдавать детей в «обычную» школу, увеличилось число малограмотных детей, традиционные школы закрывались.

Уничтожение учительства, начавшись в конце 1920-х гг., продолжалось и в 1930-х, завершилось полным запретом преподавания на родном языке в национальных немецких школах в 1938 г. [1, с. 168].

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации национальных школ». В нем отмечалось, что национальные школы превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», они наносят «огромный вред» делу правильного обучения и воспитания. Размах репрессий достиг своего апогея в 1937—1938 гг. Неоднократным чисткам подвергался Немецкий пединститут в АССР немцев Поволжья. В 1937—1938 гг. НКВД сфабриковало дело о «контрреволюционной» группировке из числа немецких учителей Омского района. В годы войны немецкое население практически было лишено возможности

получать образование, что было обусловлено депортацией и спецпоселением [2, с. 31].

В указанный период времени, как отмечает один из новосибирских исследователей Л. И. Обердирфер, плохо обстояло дело со школьным обучением немецких детей. У тех из них, чьи родители были в трудармии, возможности посещать школу практически не было. Но и среди тех, кто жил со взрослыми родственниками, в школу ходили единицы. Причины заключались в нежелании некоторых родителей обучать своих детей в русских школах, в незнании русского языка, но в основном — в тяжелых материально-бытовых условиях, отсутствии одежды и обуви. Свою роль сыграло и то, что работники районных отделов Наробраза (Управление народного образования) основное внимание уделяли эвакуированным и детям фронтовиков. Некоторые немцы вынуждены были бросать школу, так как «учителя не стали их спрашивать». Информация о плохом школьном обучении немецких детей была доведена до сведения Наркомпроса. Но практических указаний не поступало. Руководство страны было глухо к проблемам немецкого населения. В результате на 1949 г. доля лиц немецкой национальности со средним и высшим образованием в Новосибирской области составляла 5,2 %, остальные имели низшее (начальное) образование или были неграмотны [6].

В Кировском районе Новосибирска, где размещались депортированные немцы, находилось два «немецких поселка». Один — в районе поселка Западный, другой — в районе Затона. Уже к 1944 г. в школе № 69 в Затоне стали формироваться смешанные классы. Так, согласно имеющимся в Музее боевой и трудовой славы Затона документам, в списке из 39 детей 1 «В» класса преобладали немецкие фамилии.

По воспоминаниям очевидцев (из интервью автора с бывшими трудармейцами), образование в новосибирских школах в данный период велось на русском языке, учителя тщательно следили за тем, чтобы на переменках дети не общались на немецком языке, поскольку это был язык врага. Многие родители дома старались разговаривать на немецком между собой шепотом и под страхом наказания запрещали детям рассказывать об этом в школе.

В 1950-х гг. были предприняты попытки возрождения немецких школ в каждой республике, разместившей на своей территории депортированных. В России в соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР преподавание немецкого языка как родного вводилось с 1 сентября 1957 г. В том же году в ряде районов Алтайя: Славгородском, Хабарском, Табунском, Благовещенском, Кулундинском, Рубцовском, Локтевском, Бурлинском — началась организация обучения языку [2, с. 33].

После приказа министра просвещения РСФСР о создании классов с преподаванием родного языка в 1957 г. на территории Алтайского края, получив новый импульс, начали свое развитие немецкие национальные школы. Предполагалось возродить национальную школу в прежнем виде, с преподаванием всех предметов на родном языке. Для этих целей издавались специальные учебники, учебные пособия.

Однако ожидаемого эффекта не наступило. Ни родители, ни ученики не были готовы к такому резкому переходу к преподаванию на забытом уже родном языке. Другой причиной, по которой родители и дети без особого энтузиазма восприняли возвращение к родному языку, была неуверенность в том, что с политикой преследования людей в стране по национальному признаку покончено навсегда. В результате массовых отказов от обучения в национальной школе был найден компромиссный, или запасной, вариант, предполагавший изучение немецкого языка как родного со второго класса при сохранении преподавания всех остальных предметов на русском языке. Обучение родному языку в этих школах предусматривало изучение таких дисциплин, как немецкий язык и немецкая литература. При недо-

статке кадров, нехватке учебно-методических пособий и учебников в крае к 1959 г. функционировало 60 школ, в которых 2 500 учащихся изучали немецкий как родной язык. Некоторые из этих школ были средними, но большинство — неполными средними и начальными. С середины 1960-х гг. в официальных документах и литературе появился термин «немецкие школы», а обучение стало именоваться *Deutsch als Muttersprache*, т. е. «немецкий как родной». К началу 1960-х гг. в крае насчитывалось 72 такие школы. Предпринимались попытки совершенствования подготовки учителей. Так, с 1958 г. при Славгородском педучилище вновь было открыто отделение учителей немецкого языка для национальных школ [5, с. 56—57].

Одними из авторов, которые совместно работали над составлением учебной литературы для немецких школ, были известные преподаватели И. А. Варкентин и В. Г. Клейн. В соавторстве ими были созданы такие учебные пособия, как хрестоматия с произведениями на немецком языке для учеников 8—9 классов *Deutsche Literatur* [7]; «Литературное чтение = Deutsches Lesebuch: 7—8 кл.» [8], «Литературное чтение = Deutsches Lesebuch: 5—6 кл.» [9] и многие другие учебники и произведения [10].

Иван Абрамович Варкентин (1920—2012) — знаковый российско-немецкий писатель, литературный критик, публицист, переводчик, редактор. Родился в пос. Спат Симферопольского уезда Таврической губернии. После окончания средней школы в 1937 г. поступил на отделение иностранных языков филологического факультета Ленинградского госуниверситета. В июне 1941 г. добровольцем поступил на службу в военноморской флот. До мая 1942 г. находился в осажденном Ленинграде, был военным переводчиком. В 1942 г. был мобилизован в трудовую армию и направлен в Восточную Сибирь. После демобилизации окончил Ленинградский университет. Работал преподавателем средних и высших учебных заведений в Горно-Алтайске и Барнауле, литературным сотрудником первой послевоенной газеты на немецком языке «Арбайт». С 1961 по 1968 г. преподавал в институтах Алма-Аты и Уфы. С 1969 по 1980 г. был литературным редактором газеты «Нойес Лебен» (Москва). Член Союза писателей СССР с 1963 г. Первые публикации были в немецкоязычных газетах СССР [11, с. 114].

Виктор Георгиевич Клейн (1909—1975) родился в селе Зельман (ныне Ровное) на Волге, детство его прошло в большом селе Варенбург (ныне Привольное). Окончив в Зельмане семилетнюю школу, поступил в 1926 г. в Маркштадтский техникум, затем три года преподавал немецкий язык и литературу в школе колхозной молодежи. С 1933 по 1937 г. — студент Энгельсского пединститута (факультет германистики). С 1937 по 1941 г. — старший преподаватель и заведующий кафедрой истории зарубежной литературы в этом же институте. С 1942 по 1949 гг. находился в трудармии, затем преподавал математику и другие предметы в Канском горно-геологическом техникуме (Красноярский край). С 1959 г. — доцент истории немецкой литературы в Новосибирском педагогическом институте. Член Союза писателей СССР с 1963 г. [12, с. 74]. В день семидесятилетия со дня его рождения Новосибирская писательская организация, комиссия по литературному наследию В. Г. Клейна и факультет иностранных языков НГПИ писали: «В В. Г. Клейне органически сочетались педагог, ученый, писатель, фольклорист. До войны он часто печатался в газетах и журналах г. Энгельса, в послевоенные годы — в еженедельниках „Новая жизнь“, „Дружба“ (Казахстан), „Красное знамя“ (Славгород), а также в различных сборниках, альманахах. <...> Литературное и педагогическое наследие В. Г. Клейна велико: три романа, более двадцати рассказов, повестей, несколько поэм и более ста стихотворений. <...> Внимания заслуживает и работа В. Г. Клейна как теоретика советской немецкой литературы и культуры, собирателя и исследователя фольклора. Его книги, статьи и доклады на

Всесоюзных семинарах советских немецких литераторов не потеряли актуальности и сегодня» [13, с. 149]. В. Г. Клейн вспоминал:

Мои детство и юность прошли в большом и красивом селе Варенбурге (ныне Привольное), в 80 км ниже Саратова. Самые ранние мои воспоминания — о моих односельчанах, о крестьянских работах, близких мне и сегодня. Ребенком я бегал в поля, пас коров и овец, ездил с друзьями в ночное, где без удержу проказничали, где у костра рассказывались жуткие истории — сплав поэзии и правды. Незабываемое время! Учитель немецкого языка Адольф Иванович Лейхтлинг, отличный знаток языка и литературы и замечательный педагог, познакомил меня с немецкой классической и современной пролетарской литературой, направил и оценил мои первые литературные опыты. Я буквально вопил от восторга, когда читал «Разбойников» и баллады Шиллера. В стенной газете, редактором которой я постоянно был, и в рукописном литературном журнале «Югендгеданке» («Молодежная мысль») мы, ученики, публиковали свои маленькие произведения. После того как я закончил педагогический техникум в Маркштадте (ныне Маркс), мои прозаические произведения появились в машинописном студенческом журнале «Шульфрейнд» («Друг школы») и в республиканских газетах. После окончания государственного немецкого педагогического института в Энгельсе (факультет германистики) я посвятил много лет почти исключительно научной работе, преимущественно литературоведению и фольклору. В 1939 г. я принимал участие как научный консультант в экспедиции по сбору немецкого фольклора в поволжских селах. Много времени и энергии я отдал составлению учебников по литературному чтению для средней школы [12, с. 76—77].

В Сибири, в том числе в Новосибирске, в 1960-х гг. были открыты Высшие преподавательские курсы для подготовки учителей для школ с преподаванием немецкого языка как родного. На этих курсах также преподавали И. А. Варкентин и В. Г. Клейн. Одним из слушателей этих курсов был замечательный и всеми уважаемый человек, педагог Андрей Абрамович Фот. Он родился в 1921 г. в с. Розенхоф Немецкого национального района Алтайского края. Более 40 лет своей жизни он посвятил школе. Несмотря на тяжелое положение в стране, он окончил семилетку в с. Орлово, в 1937 г. стал студентом немецкого педтехникума Славгорода. В 1939 г. началась советско-финская война. А. А. Фот вынужден был досрочно прекратить учебу и начать свою преподавательскую деятельность в качестве учителя начальных классов, а затем продолжить в качестве учителя немецкого языка¹.

А. А. Фот был непосредственным свидетелем «чистки» рядов преподавательского состава педтехникума, под которую попали его учителя Эй, Гросс, Бальцер, Браун, а также исключения из учебного заведения детей «врагов народа» [14, с. 99]. Вот что об этом пишет Л. П. Белковец в своей книге «Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири»:

...Но самым главным стал процесс по делу о руководстве Немецкого района, подготовленный органами НКВД и проведенный в закрытом судебном заседании спецколлекцией Западно-Сибирского краевого суда 18—29 апреля и 3—4 мая 1935 г. в Новосибирске. На нем было рассмотрено дело по обвинению 33 человек, ответственных работников районных партийных, советских, хозяйственных организаций, представителей национальной интеллигенции. Все они составляли контрреволюционную организацию, якобы созданную в апреле 1933 г. по заданию из Москвы, которое выполнил приезжавший в район работник «Дейтче Централ-Цайтунг» («Немецкой Центральной газеты») Д. Д. Гердер... [15].

А. А. Фот мужественно прошел дорогами многих советских немцев: мобилизацию в трудовую армию, работы в нечеловеческих условиях на строительстве железной дороги Ульяновск — Казань, шахты Воркуты и режим спецпоселения с обязательными ежемесячными явками в комендатуру. Несмотря на все испытания, Андрей Абрамович вернулся в профессию, написал много

¹ Материалы из личного архива, предоставленные Н. А. Лебедевой (Фот).

воспоминаний, воспитал не одно поколение учеников, которые проживают сегодня в разных странах, а также свою дочь Нину Андреевну Лебедеву (Фот), которая бережно хранит память о своем папе, публикует его воспоминания и совместно с Музеем истории ГУЛАГа вносит значительный вклад в сохранение исторической памяти о немцах-трудармейцах.

Судьба немецкой национальной школы, как и судьба всего немецкого народа в России, в разное время определялась политикой государства: от дарования привилегий Екатериной Великой до репрессий в XX в.

В настоящее время усилиями национально-культурных автономий восстанавливаются национальные школы в местах компактного проживания российских немцев. В некоторых регионах Сибири для детей российских немцев открываются досуговые клубные формирования, где в неурочное время немецкий язык изучается наряду с немецкой историей, культурой и традициями.

Список источников

1. Белковец Л. П. Немецкая национальная школа в Сибири в 1920—1930 годы // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.). Новосибирск, 1997. С. 155—178.
2. Черказьянова И. В. Немецкая школа в Российской империи и СССР // BiZ-Vote : информ.-метод. журнал. 2012. № 3—4. С. 26—33.
3. Черказьянова И. В. Состояние школьного дела в лютеранских приходах Сибири в XVIII — начале XX в. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 17—20 сентября 1998 г.). М. : Готика, 1999. С. 379—391.
4. Черказьянова И. В. Немецкая школа Сибири и Северного Казахстана конца XIX — начала XX вв. // Культура немцев Казахстана: история и современность : материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 9—11 ноября 1998 г.). Алматы : Возрождение, 1999. С. 7—16.
5. Матис В. И., Кряклина Т. Ф. Немецкая школа в регионах России : моногр. Барнаул : Изд-во Барнауль. гос. пед. ун-та, 1999. 215 с.
6. Обердирфер Л. И. Депортированные немцы в Западной Сибири (1941—1944 гг.): действительность и правовой статус // Сибирь в XVII—XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999—2000 гг. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 187—200.
7. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Deutsche Literatur : учебная хрестоматия для 8—9 классов школ с преподаванием немецкого (родного) языка. М. : Просвещение, 1984. 400 с.
8. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Литературное чтение = Deutsches Lesebuch : 7—8 кл. : для школ с преподаванием немецкого (родного) языка. М. : Просвещение, 1969. 352 с.
9. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Литературное чтение = Deutsches Lesebuch : 5—6 кл. : для школ с преподаванием немецкого (родного) языка. 5-е изд., испр. М. : Просвещение, 1972. 295 с.
10. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Литературное чтение = Deutsches Lesebuch : 5—6 кл. : для нем. шк. 2-е изд., просмотр. М. : Просвещение, 1966. 296 с.
11. Твои немцы, Алтай! : очерки, интервью, статьи : сб. / ред.-сост. П. Э. Фиц. Вып. 5. Барнаул, 2020. 396 с.
12. Писатели о себе : Новосибирск, Омск, Томск / сост. Ю. М. Мостков. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 262 с.
13. Это великое слово Победа! Ч. 2 : Ветераны труда / сост. А. С. Юмашев, В. А. Лозовик ; редкол.: П. В. Лепин [и др.] ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск : НГПУ, 2005. 495 с.
14. Шишов А. Горечь бессмысленных потерь: из истории Славгородского педагогического колледжа // Минувшие дни : историко-краеведческий журнал. 2006. № 4. С. 98—99.
15. Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х—1930-е гг.) / Междунар. союз нем. культуры. М. : IVDK : Варяг, 1995. 317 с.

References

1. Belkovec L.P. Nemeckaja nacional'naja shkola v Sibiri v 1920—1930 gody [German National School in Siberia in the 1920s—1930s], *Kul'turnyj, obrazovatel'nyj i duhovnyj potencial Sibiri (seredina XIX—XX vv.)* [Cultural, Educational and Spiritual Potential of Siberia (mid-19th—20th centuries)]. Novosibirsk, 1997, S. 155—178.

2. Cherkaz'janova I.V. Nemeckaja shkola v Rossijskoj imperii i SSSR [The German school in the Russian Empire and the USSR], *BiZ-Bote: informac.-metod. Zhurnal* [BiZ-Bote: a journal of information and methodology], 2012, no. 3–4, pp. 26–33.
3. Cherkaz'janova I.V. Sostojanie shkol'nogo dela v l'juteranskih prihodah Sibiri v XVIII – nachale XX v. [The state of school affairs in the Lutheran parishes of Siberia in the 18th – early 20th centuries], *Nemcy Rossii v kontekste otechestvennoj istorii: obshhie problemy i regional'nye osobennosti* [Germans of Russia in the context of national history: general problems and regional peculiarities]: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 17–20 sentjabrja 1998 g.). Moscow, Gotika, 1999, pp. 379–391.
4. Cherkaz'janova I.V. Nemeckaja shkola Sibiri i Severnogo Kazahstana konca XIX – nachala XX vv. [German School of Siberia and Northern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries], *Kul'tura nemcev Kazahstana: istorija i sovremennost'* [Culture of the Germans of Kazakhstan: history and modernity]: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Almaty, 9–11 nojabrja 1998 g.). Almaty, Vozrozhdenie, 1999, pp. 7–16.
5. Matis V.I., Krjaklina T.F. Nemeckaja shkola v regionah Rossii [German school in the regions of Russia]: monogr. Barnaul, Izd-vo Barnaul. gos. ped. un-ta, 1999, 215 p.
6. Oberderfer L.I., Shishkina V. I. (ed.). Deportirovannye nemcy v Zapadnoj Sibiri (1941–1944 gg.): dejstvitel'nost' i pravovoj status [Deported Germans in Western Siberia (1941–1944): reality and legal status], *Sibir' v XVII–XX vekah: problemy politicheskoi i social'noj istorii: Bahrushinskie chtenija 1999–2000 gg.* [Siberia in the XVII–XX centuries: problems of political and social history: Bakhrushin Readings 1999–2000]: mezhvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2002, pp. 187–200.
7. Klejn V.G., Varkentin I.A. Deutsche Literatur [Deutsche Literatur]: uchebnaja hrestomatija dlja 8–9 klassov shkol s prepodavanijem nemeckogo (rodnogo) jazyka. Moscow, Prosveshhenie, 1984, 400 p.
8. Klejn V.G., Varkentin I.A. Literaturnoe chtenie = Deutsches Lesebuch: 7–8 kl. [Literary reading = Deutsches Lesebuch: 7–8 grades]: dlja shkol s prepodavanijem nemeckogo (rodnogo) jazyka. Moscow, Prosveshhenie, 1969, 352 p.
9. Klejn V.G., Varkentin I.A. Literaturnoe chtenie = Deutsches Lesebuch: 5–6 kl. [Literary Reading = Deutsches Lesebuch: 5–6 grades]: dlja shkol s prepodavanijem nemeckogo (rodnogo) jazyka. 5-e izd., ispr. Moscow, Prosveshhenie, 1972, 295 p.
10. Klejn V.G., Varkentin I.A. Literaturnoe chtenie = Deutsches Lesebuch: 5–6 kl. [Literary Reading = Deutsches Lesebuch: 5–6 grades]: dlja nem. shk. 2-e izd., prosmotr. Moscow, Prosveshhenie, 1966, 296 p.
11. Fic P. Je. (ed.). Tvoi nemcy, Altaj! : ocherki, interv'ju, stat'i [Your Germans, Altai! : essays, interviews, articles]: sb. Issue 5. Barnaul, 2020, 396 p.
12. Mostkov Ju. M. (ed.). Pisateli o sebe : Novosibirsk, Omsk, Tomsk [Writers about themselves : Novosibirsk, Omsk, Tomsk]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1973, 262 p.
13. Jumashev A.S., Lozovik V.A., Lepin P.V. (eds.). Jeto velikoe slovo Pobeda! [This great word is Victory!]. Ch. 2 : Veterany truda [Part 2: Veterans of Labor]. Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t. (NGPU), 2005, 495 p.
14. Shishov A. Gorech' bessmyslennyh poter': iz istorii Slavgorodskogo pedagogicheskogo kolledzha [Bitterness of senseless losses: from the history of Slavgorod Pedagogical College], *Minuvshie dni : istoriko-kraevedcheskij zhurnal* [Bygone days : local history magazine], 2006, no. 4, pp. 98–99.
15. Belkovec L.P. «Bol'shoj terror» i sud'by nemeckoj derevni v Sibiri (konec 1920-h–1930-e gg.) [“The Great Terror” and the Fate of the German Village in Siberia (late 1920s–1930s)]. Moscow, IVDK, Varjag, 1995, 317 p.

Информация об авторе

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Information about the author

Evgenia A. Skop — independent researcher, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 069
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-88-93

Этнопедагогика в музее (на примере музеев российских немцев)

Анна Николаевна Блинова

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Российская Федерация, anblinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8284-7042>

Аннотация. В статье рассматриваются музеи российских немцев, раскрывается их роль в сохранении культурной памяти народа и формировании его этнической идентичности через экспозиционно-выставочную деятельность. Интенсивный процесс музеефикации культурного наследия немцев в России начался в 1990-х гг. как ответ на эмиграцию в Германию значительного числа представителей этой этнической группы. Большую роль в этом процессе играла самоорганизация и общественная инициатива, поэтому процесс организации большинства музеев начался снизу. Основным экспозиционным приемом является реконструкция интерьера жилого дома второй трети XX в., но существуют музеи, которые специализируются на определенной теме. Музей «Старая немецкая школа Вальдвинкель» в Ильичево Полесского района Калининградской области рассказывает о сложившейся системе народного образования немецкого населения на этой территории до 1945 г. В статье описана история создания музея, охарактеризована его коллекция. Основными посетителями этого музея являются школьники, а методы работы с посетителями носят интерактивный характер.

Ключевые слова: этнопедагогика, музей, российские немцы, идентичность, Калининградская область

Для цитирования: Блинова А. Н. Этнопедагогика в музее (на примере музеев российских немцев) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 88—93. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-88-93.

Features of national education in the USSR

Original article

Ethnopedagogy in the museum (using the example of Russian Germans museums)

Anna N. Blinova

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation, anblinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8284-7042>

Abstract. The article considers the museums of Russian Germans, reveals their role in preserving the cultural memory of the people and forming their ethnic identity through exposition and exhibition activities. The intensive process of museumization of the cultural heritage of Germans in Russia began in the 1990s as a response to the emigration to Germany of a significant number of representatives of this ethnic group. Self-organization and public initiative played a major role in this process, because the process of organizing most museums started from the bottom. The main exposition technique is the reconstruc-

tion of the interior of a dwelling house of the second third of the 20th century, but there are museums that specialize in a particular theme. The museum “Old German School Waldwinkel” in Ilyichevo, Polesky district, Kaliningrad region, tells about the established system of public education of the German population in this territory until 1945. The article describes the history of the museum and characterizes its collection. The main visitors of this museum are schoolchildren, and the methods of work with visitors are interactive.

Keywords: ethnopedagogy, museum, Russian Germans, identity, Kaliningrad region

For citation: Blinova A.N. Ethnopedagogy in the museum (using the example of Russian Germans museums). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):88—93. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-88-93.

Термин «этнопедагогика» имеет широкое и узкое значения. В широком смысле это понятие означает совокупность семейного, школьного, общественного воспитания и образования, основанных на национальных традициях. В узком смысле под этнопедагогикой понимается только школьное образование и воспитание, также основанные на национальных и народных традициях. В этой статье рассмотрим потенциал музейных средств в освещении школьных традиций российских немцев.

В России существуют более 160 музеев разного уровня (федеральные, муниципальные и общественные, частные), коллекции которых полностью или частично посвящены истории и культуре немцев. Географически они расположены в регионах, исторически связанных с этнической историей российских немцев. Больше всего музеев находится в Алтайском крае и Омской области (именно в этих регионах сегодня проживает наибольшее количество российских немцев). Кроме того, немецкая тематика представлена в музеях Кемеровской, Новосибирской, Оренбургской, Томской, Челябинской областей. В европейской части России музеи, имеющие немецкие коллекции, сосредоточены в основном в Поволжье (Саратовская и Волгоградская области), в Санкт-Петербурге и Москве. В странах — бывших республиках Советского Союза немецкая тема присутствует в музеях Казахстана, Украины, Узбекистана. В Германии существуют музей российских немцев в Детмольде, музей волынских немцев в Листове и музей бессарабских немцев в Штутгарте. Кроме того, созданы два музея меннонитского наследия в Канаде и два музея культуры и истории немцев из России в США.

В России интенсивный процесс музеефикации культурного наследия немцев начался в 1990-х гг. как ответ на эмиграцию в Германию значительного числа представителей этой этнической группы. Большую роль в этом процессе играла самоорганизация и общественная инициатива, поэтому процесс организации большинства музеев шел снизу, через организацию общественных школьных или сельских музеев.

Музеи хранят коллективную память российских немцев, которая оказывает непосредственное влияние на формирование этнической идентичности человека. Музеи, в чьих коллекциях представлены экспонаты народной немецкой культуры, зачастую являются единственным источником знаний об истории народа и населенного пункта, в котором некогда немецкое население составляло большинство. История формирования немецких коллекций сельских и школьных музеев имеет немало схожих моментов. Так, основная часть предметов была отдана в дар теми семьями, которые меняли место жительства, переезжая в город или другую страну, прежде всего Германию. Полученные материалы, дополненные рассказами старожилов, обязательно отражаются в подготовленных выставках, с помощью которых музеи выполняют просветительскую функцию не только для членов этнической группы, но и для всего общества в целом, часто не обладающего достаточными знаниями о немцах, проживающих в России [1]. Многие экспозиции и выставки ориентированы на детскую аудиторию, потому что

именно дети являются основными посетителями. В основном музейные коллекции имеют комплексный характер, включая в себя этнографическую часть и рассказ об истории населенного пункта или школы. Основным экспозиционным приемом является реконструкция интерьера жилого дома второй трети XX в. Но существуют музеи, выбравшие другую экспозиционную стратегию, которая в полной мере реализует этнопедагогический потенциал музейной экспозиции.

Речь пойдет о музее «Старая немецкая школа Вальдвинкель» в Ильичево Полесского района Калининградской области. Он рассказывает о сложившейся системе народного образования немецкого населения на этой территории до 1945 г. Нужно отметить, что система немецкого школьного образования в России как в материнских, так и дочерних колониях имела схожую структуру и соответствовала стандартам германских учебных заведений. Школа в Германии получила полное развитие с эпохи Реформации, когда стала демократичной, а не элитарной [2, с. 342]. Принцип обязательной грамотности был сформулирован в 1619 г. в Веймарском школьном уставе, указание на него присутствовало в законе герцогства Готского 1642 г. Наиболее детально он разработан в школьном регламенте Пруссии за 1763 г. По этому регламенту дети от 5 до 14 лет обязаны были посещать школу. Занятия зимой проводились ежедневно, летом — три раза в неделю. Обучение было платным. За несостоятельных родителей деньги вносила религиозная община. На тех родителей, которые без уважительных причин не посылали детей в школу, налагали штраф [3, с. 103]. Уроки сводились к чтению Библии, книги гимнов, катехизиса. Организация обучения была одним из важнейших дел немецкого населения, так как существовала традиция обязательного школьного обучения, которая исходила из необходимости подготовить ребенка к конфирмации. Реформация со своим сознательным отношением к догмам веры требовала знания этих норм для вступления в религиозную общину. Верующие должны читать Библию, так как она является главным компонентом протестантских вероучений. Переведенная Меланхтоном и Лютером с латинского на немецкий язык, Библия стала настольной книгой каждой протестантской семьи. Это делало грамотность для немцев почти необходимой. Грамотность являлась обязательной для прохождения обряда конфирмации. Вследствие этого вера связана с грамотностью, а церковь — со школой.

После переселения в Россию немцы, откликнувшиеся на манифест от 22 июля 1763 г., в том же году на зимних квартирах организовали обучение детей. Это было возможно, так как среди колонистов было несколько учителей и бывших студентов, что подтверждают сохранившиеся списки переселенцев [4, с. 302—391]. Первые несколько лет занятия проводились в молитвенных домах или на дому у учителя. Школьное дело в колониях оставалось без всякого попечения со стороны колониального начальства. Инициатива и забота об образовании исходила исключительно от поселенцев, которые устраивали школы с общеобразовательной программой, вводя курс русского языка. Учителя (Schulhalter, Schulmeister) занимались общением и помимо своих прямых обязанностей занимались писарской работой, а также были помощниками пасторов (кистеры). Например, в обязанности учителя могло входить ведение метрических книг. Дети обучались в течение восьми лет начиная с семилетнего возраста [2, с. 354—356].

Во многом именно о такой системе народного образования рассказывает музей «Старая немецкая школа Вальдвинкель», открытый 4 июля 2012 г. в здании бывшей школы. Здание народной двухклассной школы было построено в 1890 г. После присоединения части Восточной Пруссии к СССР местная школа приняла уже советских детей. В 1977 г. учебное заведение закрыли из-за малого количества учеников. Здание пришло в упадок. Новую жизнь школе подарили супруги Наталичи, которые сначала на соб-

ственные средства, а затем за счет грантовых программ восстановили здание и на первом его этаже организовали музей. В музее отражена история сельского немецкого и советского образования, воссоздана довоенная школьная мебель (парты и доска), представлены учебные материалы, оборудованы информационные стенды.

Экспозиция создана на основе воспоминаний учащихся этой школы. Часть экспонатов присылали ученики, переехавшие в 1940-х гг. в Германию, другую часть передали местные переселенцы, появившиеся здесь после 1946 г. В 2000-х гг. здесь наблюдался туристический бум, приезжали немецкие семьи, которые выехали из Калининградской области после присоединения ее к СССР. Они искали свои дома и школы, во многом им помогала Инесса Савельевна Наталич, именно тогда она поняла, что музей необходим и будет востребован. Инесса Савельевна так вспоминает о сотрудничестве с немецкими туристами, положившем начало музею: «А мы в это время делали ремонт и знакомились с ними, долгое время переписывались, они рассказывали историю поселка, Полесского района, привозили экспонаты. Так у меня скопилось много информации, и я даже открыла в своем доме небольшой музей. А потом узнала о проекте Евросоюза „Вода, природа и люди в исчезающем ландшафте: развитие устойчивого сельского туризма в России и Белоруссии“, в рамках которого получила софинансирование и построила музей таким, как вы его сейчас видите» [5].

Сегодня в витринах музея можно увидеть оригинальные тетрадки, портфели учеников, аттестаты и многое другое. На стендах подробная информация о системе образования в Восточной Пруссии в районе Лабиау (современный Полесск), воспоминания и фотографии бывших учеников, живые рассказы о прошлом поселка, о суровом быте первых советских переселенцев. В музее собрана богатая подборка копий документов по истории образования на этой территории, хранящихся в архивах Калининградской области.

Фактически школа Вальдвинкель — это музей-усадьба, так как помимо самого здания школы он включает пришкольную территорию с садом и хозяйственными постройками. На территории современного Полесского района располагались 92 школы, сохранились только два здания бывших школ. Школа в Вальдвинкеле (с нем. «лесной уголок») имела типичную планировку, в одной части этого здания проводились занятия, в другой жили учителя. Отсюда и необходимость хозяйственных построек. Даже сегодня функционирует наружный погреб, в котором семья Наталичей хранит овощи и фрукты.

Экскурсия начинается с пришкольной территории, затем Инесса Савельевна (единственный экскурсовод музея) у входа в музей рассказывает о повседневной организации занятий: о дисциплине и наказании за опоздание, об очередности размещения классов в учебной комнате, о сменной обуви — деревянных калошах (которые можно примерить) и т. д.

Вся мебель (скамейки, парты, доска, кафедра) учебного класса воссоздана по воспоминаниям учеников, большой вклад в этот процесс внес О. Хайберманн — ученик школы, живший в соседнем доме. Экскурсия по музею во многом носит интерактивный характер, например посетители могут писать на классной доске или грифельных индивидуальных досках. В ходе экскурсии посетителям предлагают решить реальные задачи из учебников, например: «В моей семье — пять человек. Моя мама дома заботится о хозяйстве. У нее много дел и мало времени, поэтому я должен ей помогать. То, что маме необходимо, я приношу из магазина. Я должен быть внимательным, ничего не забывать. Однажды я принес только один литр молока. Пришлось возвращаться назад. А я должен был принести два литра. Для денег мама дает мне кошелек. Я должен знать, сколько получить

сдачи». Или другая — «Королева Луиза родилась десятого марта 1776 года. Она прожила 34 года, 4 месяца и 9 дней. Когда она умерла?»¹

Большинство экспонатов музея довоенные. Это методические указания, классическая немецкая литература, учебники, атласы, фарфоровая тарелка, с изображением букв по кругу, с ее помощью дети учили алфавит. Таблица умножения в народных школах состояла из двух частей: маленькой и большой (в большой умножались числа от 10 до 20). В тетрадке ученика, которую показывает Инесса Савельевна, стоят двойки и тройки, но она поясняет систему оценок, при которой самой хорошей оценкой считалась единица. Дневники тоже отличались, отметки в них не ставили, туда записывали домашнее задание. Учебный год начинался не 1 сентября, а 1 апреля и длился 42 рабочие недели. На каникулы (пасхальные, летние и рождественские) отводилось всего 70 дней. Школьников аттестовывали раз в полгода и отметки заносили в специальный журнал, который тоже представлен в музее.

Во втором зале музея представлена послевоенная история Полесского района. На стендах размещены архивные справки, пофамильные списки первых переселенцев 1946 г. из Мордовии и Чувашии. Со многими переселенцами Инесса Савельевна проводила беседы, на основе которых издали книгу очерков [6]. Кроме того, в зале представлены предметы быта: ступы, прялки, толкушки для масла, жернов для муки и др. Все эти предметы можно потрогать или попробовать в работе. Музей пользуется популярностью, многие школы Калининграда и области начинают свой учебный год с посещения этого музея.

Во многом музеи российских немцев взяли на себя роль трансляторов этнически значимой информации, поддержания культурной памяти народа и формирования этнической идентичности. Возможность регулярного обращения к предметам материальной и духовной культуры своего народа, знание о существовании музеев с немецкими коллекциями непосредственным образом оказывают влияние на сохранение этнической идентичности российских немцев. Музейные средства используются как для погружения детей в вещный мир культуры, так и для знакомства их с нематериальным наследием народа, в том числе с его этнопедагогическими традициями.

Список источников

1. Блинова А. Н., Шлегель Е. А. Идентичность через музей: трансляция культурного наследия немцев Омского региона // Кунсткамера. 2020. № 2 (8). С. 7—18.
2. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 1997. 496 с.
3. Черказьянова И. В. Немецкая дореволюционная школа Сибири: возникновение и проблемы развития // Немцы. Россия. Сибирь : сб. ст. Омск, 1998. С. 99—129.
4. Плеве И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М. : Готика, 1998. 448 с.
5. «Старая немецкая школа Вальдвинкель»: как учились дети в Восточной Пруссии // Новый Калининград : [сайт]. 2015. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/afisha/launch/publications/5510561-staraya-nemetskaya-shkola-valdvinkel-kak-uchilis-deti-v-vostochnoy-prussii.html> (дата обращения: 12.09.2023).
6. Наталич И. С. Очерки о новой родине: сборник воспоминаний первых переселенцев Полесского района. 1946 год. Калининград : Центр Печати, 2015. 224 с.

References

1. Blinova A.N., Shlegel' E.A. Identichnost' cherez muzej: transljacija kul'turnogo nasledija nemcev Omskogo regiona [Identity through the Museum: transmission of the cultural heritage of the Germans of the Omsk region], *Kunstkamera* [*Kunstammer*], 2020, no. 2 (8), pp. 7–18.
2. Ditz Ja. Istorija povolzhskih nemcev-kolonistov [History of Volga Germans-colonists]. Moscow, Gotika, 1997, 496 p.

¹ Из полевых материалов автора, 2021 г., п. Ильичево Калининградской области.

3. Cherkaz'janova I.V. Nemeckaja dorevoljucionnaja shkola Sibiri: vzniknoenie i problemy razvitija [German pre-revolutionary school of Siberia: emergence and problems of development], *Nemcy. Rossija. Sibir'* [Germans. Russia. Siberia]: sb. st. Omsk, 1998, pp. 99–129.
4. Pleve I.R. Nemeckie kolonii na Volge vo vtoroj polovine XVIII veka [German colonies on the Volga in the second half of the 18th century]. Moscow, Gotika, 1998, 448 p.
5. «Staraja nemeckaja shkola Val'dvinkel'»: kak uchilis' deti v Vostochnoj Prussii ["Old German Waldwinkel School": how children learned in East Prussia], *Novyj Kaliningrad* [New Kaliningrad]: [sajt]. 2015. Available at: <https://www.newkaliningrad.ru/afisha/launch/publications/5510561-staraya-nemetskaya-shkola-valdvinkel-kak-uchilis-deti-v-vostochnoy-prussii.html> (accessed: 12.09.2023).
6. Natalich I.S. Oчерки o novoj rodine: sbornik vospominanij pervyh pereselencev Poles'skogo rajona. 1946 god [Essays about the new homeland: a collection of memoirs of the first settlers of the Poles'sky district. 1946]. Kaliningrad, Centr Pechati, 2015, 224 p.

Информация об авторе

Блинова Анна Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Российская Федерация. E-mail: anblinova@mail.ru

Information about the author

Anna N. Blinova — candidate of historical sciences, research associate, Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology; Institute of archeology and ethnography, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation. E-mail: anblinova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ В 1930—1950-Х ГГ. THE REPRESSIVE POLICY TOWARDS CHILDREN IN THE 1930S—1950S

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 94—105.
Siberia Humanitarian. 2023;(4):94—105.

Репрессивная политика в отношении детей в 1930—1950-х гг.

Научная статья
УДК 94:325.111(574) «1930»
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-94-105

Дети спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг.

Светлана Викторовна Елеуханова

Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан,
eleuxanova62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5164-5544>

Аннотация. Начальный период организации системы спецпоселений в Казахстане характеризуется наличием значительного количества детей бывших кулаков. Их пребывание в ссылке выпадает на период голода 1931—1933 гг. в регионе. В статье сделан краткий анализ историографии по теме, обращено внимание на ее фрагментарный характер. Автор приходит к выводу, что проблема детей спецпереселенцев в Казахстане в это время не нашла должного отражения в отечественной исторической науке. Исследуются региональные особенности депортаций в Казахстан, положение детей спецпереселенцев в период голода 1930-х гг., делается акцент на причинах высокой детской смертности. Выясняется, как сохранились эти события в памяти детей спецпереселенцев. При анализе событий 1931—1933 гг. используется многофакторный подход (учет природно-климатических, социально-экономических и политических причин).

Ключевые слова: Советский Казахстан, дети спецпереселенцев, дети бывших кулаков, продовольственное обеспечение, голод 1931—1933 гг., инфекционные заболевания, детская смертность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта № 1138-И-23 «Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей (ГФ МОН РК)» на 2022—2024 гг.

Для цитирования: Елеуханова С. В. Дети спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 94—105. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-94-105.

The repressive policy towards children in the 1930s—1950s

Original article

Special settler's children in Kazakhstan in the period of the famine of the 1930

Svetlana V. Yeleukhanova

Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan, eleuxanova62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5164-5544>

Abstract. The initial period of the organization of the special settlement system in Kazakhstan is characterized by the presence of a significant number of children of former kulaks. Their stay in exile falls during the famine of 1931—1933 in the region. The article provides a brief analysis of historiography on the topic, paying attention to its fragmentary nature. The author comes to the conclusion that the problem of children of special settlers in Kazakhstan at that time was not adequately reflected in the national historical science. The article examines the regional features of deportations to Kazakhstan, the situation of children of special settlers during the famine of the 1930s, focuses on the causes of high child mortality. It turns out how these events were preserved in the memory of children of special settlers. When analyzing the events of 1931—1933, a multifactorial approach is used (taking into account natural, climatic, socio-economic and political reasons).

Keywords: Soviet Kazakhstan, special settler's children, former kulak's children, food supply, famine of the 1930s—1933s, infectious diseases, infant mortality

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of project № 1138-I-23 “Gulag children: from the history of Kazakhstani camps (GF MES RK)” for 2022-2024.

For citation: Yeleukhanova S.V. Special settler's children in Kazakhstan in the period of the famine of the 1930s. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):94—105. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-94-105.

Введение

Советская история конца 1920-х и 1930-х гг. характеризуется социальными катаклизмами: коллективизацией, раскулачиванием, ссылкой и др. В начале 1930-х гг. Казахстан стал в Советском Союзе одним из регионов расселения раскулаченных крестьян. Принудительному выселению подвергалась вся семья, включая детей. Положение о спецпереселенцах от 31 марта 1931 г. разделило всех спецпереселенцев на пять групп, к группе «д» относились дети до 16 лет. Советская власть воспринимала их как представителей социально чуждых слоев общества, политических противников государства. Трагическая страница кулацкой ссылки связана с голодом 1931—1933 гг. Массовый голод охватил обширные территории Советского Союза. Одним из эпицентров голода был Казахстан, потери казахского народа были катастрофическими.

Вопросы, связанные с положением детей спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг., остаются практически не исследованными. Изучение данной проблемы расширит представление об истории депортаций в Казахстан по социальному признаку, покажет региональную специфику этого процесса, поможет адекватно оценить причины высокой смертности детей бывших кулаков и влияние голода на детскую судьбу, выяснит отражение этих событий в памяти детей спецпереселенцев.

Изучение проблемы детей спецпереселенцев в голодные годы в Казахстане имеет не только научное, но и государственное значение. Казахстан — яркий пример формирования многонациональности как последствия насильственных депортаций в регион. Актуальность этой темы мы связываем с восстановлением исторической справедливости по отношению

к детям спецпереселенцев, которые были незаконно высланы в Казахстан. Подтверждением драматических последствий для них является заявление на реабилитацию Е. М. Зубковой на имя прокурора Карагандинской области в 1989 г., хранящееся в Государственном архиве Карагандинской области. Е. М. Зубкова, высланная с родителями в 1931 г. в регион, в своем заявлении написала: «У меня две взрослые внучки, я до сих пор скрываю, кто были мои родители. Как мне смыть это грязное пятно, что я дочь кулака, чем мне искупить вину моих родителей? Виноваты ли они?» [1, л. 17].

Исследование положения детей спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг. проводится впервые в казахстанской историографии.

Методология, методы и материалы исследования

Статья написана на основе теоретических наработок современных ученых, которые при анализе событий 1931—1933 гг. используют многофакторный подход, т. е. анализ проводится с учетом природно-климатических, социально-экономических и политических факторов [2].

В советское время представленная тема не изучалась. Российские исследователи В. В. Кондрашин [3], Г. Е. Корнилов [4] в полном объеме осветили тему голода начала 1930-х гг. в российской, казахстанской историографии, в историографии дальнего зарубежья, выявили дискуссионные проблемы, расхождение подходов к изучению темы в целом. Для нашего исследования большую ценность представляют работы В. Н. Земскова [5] и Н. А. Ивницкого [6], в них имеется информация о кулацких детях, высланных в Казахстан.

Методологической основой исследования стали общенаучные (анализ, синтез, описание, сравнение, системный, количественный подходы) и специальные исторические методы (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-системный и др.), которые позволили выявить, систематизировать, провести комплексный анализ источников по истории детей спецпереселенцев в Казахстане в период голода 1930-х гг.

Источниковой базой статьи стали законодательные и нормативные правовые документы, делопроизводственная документация ГУЛАГа, сводки, справки ОГПУ, постановления республиканских и региональных партийных и советских органов власти. При написании статьи использованы опубликованные материалы [7—10], а также документы из фондов Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственного архива Карагандинской области (ГАКО), Северо-Казахстанского государственного архива (СКГА). К официальным материалам ОГПУ надо относиться с большой осторожностью. Обычным явлением было ретуширование темных сторон этого ведомства. Если мы тем не менее встречаем сообщения о тяжелом положении детей спецпереселенцев, то следует понимать, что в большинстве случаев в действительности оно было еще более тяжелым. Воспоминания детей спецпереселенцев были выявлены в ГАКО (фонд 205 «Надзорные производства по реабилитации граждан» и фонд 1500 «Коллекция документов по депортации и репрессии народов Советского Союза»).

Результаты исследования

В 1930—1931 гг. Казахстан был одним из центров вселения раскулаченных семей из центральных районов России, Украины, Закавказья и Средней Азии. В 1930 г. сюда выслали на спецпоселение 1 265 семей (7 393 человека) [11, л. 106]. Всего по состоянию на 15 августа 1931 г. в Казахскую АССР оказались выселенными 47 452 семьи (234 013 человек) [8, с. 725], на конец сентября этого же года — 50 879 семей (261 227 человек) [9, с. 298—306]. Основная масса спецпереселенцев — 39 000 семей, прибывших в регион в начале июня 1931 г., были расселены в Осакаровка и Караганда.

Политика государства по ликвидации кулачества как класса затронула и детей. Во многих документах ОГПУ отсутствуют сведения о численном и возрастном составе детского контингента спецпереселенцев. Однако, по имеющейся информации, детей раскулаченных делили на три группы по возрасту: дети до 8 лет; дети школьного возраста 8—12 лет; подростки 12—16 лет.

Выборочные данные свидетельствуют о многодетности семей раскулаченных. Так, численность всех спецпоселенцев Бурненского Каучукпромхоза в июле 1931 г. составляла 3 074 человека, из них взрослых в возрасте 17—60 лет и выше было 1 666 человек (54,2 %), детей в возрасте до 16 лет — 1 408 человек (45,8 %). Имелись семьи с количеством членов от шести человек и выше. Средний состав семьи достигал 5,2 человека. В документе указывалось, что показатели численности спецпоселенцев неточны в связи с ненадлежащей системой учета [10, с. 358—360]. Многодетность высланных семей подтверждают сведения о контингенте спецпереселенцев Карагандинского района на 20 декабря 1931 г. Так, всего прибыло 49 578 человек, из них 20 439 (41,22 %) — дети до 14 лет [12, л. 38]. Из воспоминаний Н. А. Логова: «В 1931 г. маму с девятью детьми выслали в Осакаровский район под Карагандой в поселок № 24» [13, л. 174].

Официально планировалось отправлять на места поселения в первую очередь трудоспособных членов раскулаченных семей [10, с. 217]. На практике это правило подвергалось серьезной деформации. В телеграмме полномочного представительства ОГПУ по КАССР, отправленной в 1930 г. Актюбинскому, Петропавловскому, Уральскому, Чимкентскому окружным отделам ОГПУ, приведены примеры неправомерного выселения спецпереселенцев. Выслали немало вдов с тремя и пятью малолетними детьми. Много семей прибыло без денег, продуктов и вещей. При выселении у них изымали все имущество, включая предметы домашнего обихода и одежды. Разрешали взять с собой продуктов только на два-три дня [14, л. 23].

Были случаи выселения детей в Казахстан без родителей, о чем наглядно свидетельствует переписка органов прокуратуры о незаконной высылке в регион летом 1931 г. детей гражданки Никулиной [7, с. 108]. Переписка длилась в течение десяти месяцев, только в конце августа 1932 г. дети вернулись к родителям.

Сам процесс выселения, трудности в пути следования остались в памяти детей спецпереселенцев — раскулаченных крестьян, отправленных в Казахстан. Дорога в восточный регион страны для многих детей была сложной и мучительной, а первые годы жизни на спецпоселении — трагичными. Районы вселения в Казахстане находились в необжитых, отдаленных местах с суровым климатом [15, л. 4], социально-экономическая база для приема семей спецпереселенцев не была подготовлена. Детское восприятие тех событий можно воспроизвести благодаря воспоминаниям свидетелей кулацкой ссылки. Из воспоминаний Н. А. Яровой, отправленной в малолетнем возрасте вместе с родителями на спецпоселение: «Ранней весной 1931 года, когда наступил новый этап раскулачивания, не забыли о нашей семье. Нас с мамой в „скотском” вагоне поезда отправили вслед за остальными. Ехали в тесноте, духоте, испытывали страшную жажду и голод. Многие не выдерживали и умирали. На станциях, где останавливался состав, солдаты вытаскивали из переполненных вагонов трупы или еле живых людей. О тех, кого снимали с поезда, мы уже больше ничего не знали. И кто знает, может, для этих людей смерть была лучше, чем жизнь, в которой нас ждала неизвестность, страшная зима и полная обреченность. Как моя мама Аграфена Алексеевна смогла довести нас, четверых детей (старшему было пять, а младший только родился), до места назначения, одному только Богу известно. Но все мы живые вышли на станции Осакаровка, точнее сказать, высадили нас посередине голой степи, где вдоль железнодо-

рожной линии жили под открытым небом уже несколько месяцев семьи спецпереселенцев» [16, с. 4]. Другие жертвы принудительных миграций в детском возрасте в Казахстан воспроизводят схожие воспоминания.

Документы ОГПУ подтверждают, что условия расселения на новых местах были неприемлемыми для проживания спецпереселенцев, особенно детей. «Абсолютно не терпимое положение спецпереселенцев, — отмечается в докладных записках руководства ОГПУ в 1931 г., — создано вследствие отсутствия минимальных забот о них со стороны местных советских органов власти и хозяйственных организаций» [9, с. 249—250].

Важным вопросом жизнедеятельности детей было продовольственное обеспечение, за которое отвечали местные исполнительные комитеты. В 1930 г. народным комиссариатом снабжения были установлены единые нормы питания работающих и иждивенцев. Им полагалось в месяц 6 кг муки, 0,6 кг крупы, 2,25 кг рыбы, 0,09 кг чая. Для детей предусматривался тот же паек с добавлением сахара — 0,18 кг, растительного масла — 0,21 кг в месяц. Надо сказать, что и этот скудный паек выдавался не полностью и с частыми перебоями [8, с. 725—729]. В дальнейшем планировалось спецпереселенцев перевести на снабжение теми организациями, в ведение которых они передавались.

С июля 1931 г. все вопросы административного и хозяйственного устройства семей раскулаченных перешли в полное ведение органов ОГПУ. 27 июля 1931 г. Казахским краевым союзом были утверждены специальные нормы питания для детей спецпереселенцев. Согласно новым нормам дети получали 300 г хлеба в день, 6 кг муки на человека отпускалось на месяц. Остальные продукты были рассчитаны на квартал. В нормы рациона питания включили 1,5 кг крупы, 12,5 кг картофеля, 15 кг овощей, 750 г рыбы, 1,08 кг сахара, 270 г чая. Нормы питания, установленные Центросоюзом, считались обязательными для выполнения [17, л. 27—28 об.].

Постановлением правительства довольствие спецпереселенцев должно было обеспечиваться по нормам довольствия рабочих предприятий, на которых они работали, а членов их семей и детей — по нормам членов семей и детей рабочих [9, с. 306—307]. В ситуации острейшего продовольственного кризиса в стране местные хозяйственные органы оказались не в состоянии выдержать установленный ассортимент и нормы снабжения детей спецпереселенцев. Нельзя забывать о снижении уровня жизни населения всей страны. Положение осложнялось тем, что уже весной 1930 г. в Казахстане начался голод. По данным ОГПУ от 2 апреля 1930 г., первые жертвы голода появились в Петропавловском округе. В результате проведения коллективизации в Володарском, Кыласкерском, Красноармейском, Ворошиловском районах округа у населения отсутствовал хлеб. Зафиксировано много случаев употребления в пищу трупов животных [18, л. 38]. В сводке Казахского краевого комитета ВКП(б) «О продовольственном положении в округах Казахстана» от 16 апреля 1930 г. в ряде районов Актюбинского, Уральского, Семипалатинского округов зарегистрированы многочисленные факты опухания от голода, настоящего голодания бедняков и маломощных середняков [19, л. 21—25]. Голод и лишения местного населения с каждым месяцем только усиливались. В 1932—1933 гг. Казахстан охватил массовый голод.

В условиях растущего продовольственного дефицита выделенных фондов для питания спецпереселенцев было недостаточно. Показательно в этом смысле донесение директора Каучукпромхоза Дронова. В информации «О спецпоселенцах Бурненского Каучукпромхоза» от 6 июля 1931 г. он признался: «В действительности нормы выдачи продуктов не соблюдались. В поселке Бурном приходится видеть детей нищих. Питание неработающих, в том числе матерей, кормящих грудью, а также детей, хуже питания взрослых рабочих» [10, с. 358—360].

В ситуации дефицита основных продуктов питания хозяйственные организации пытались стимулировать развитие общественного питания для детей спецпереселенцев. Однако в ряде спецпоселков Казахстана происходили хищения и воровство со стороны обслуживающего персонала столовых и ларьков. Например, в Карагандинском районе наблюдались случаи расхищения детского пайка работниками детской столовой, высокие наценки на обеды при одновременном низком их качестве. Стоимость продуктов на обед на одного ребенка составляла 7 коп., а плата взималась 25 коп. Ненадежность детского питания в свою очередь отразилась на питании спецпереселенцев-работников, которые вынуждены были своими производственными пайками делиться с членами семьи [20, л. 5—6]. Архивные материалы показывают, что зачастую выделенные продовольственные фонды не доходили до детей спецпереселенцев или использовались не по назначению из-за халатности, бесхозяйственности ответственных лиц. Выполнение планов отгрузок по нарядам центра в краевом союзе проходило без особого контроля со стороны местных органов власти. Так, наряды на продукты питания для спецпереселенцев северных районов Казахстана на 14 августа 1931 г. были выполнены по муке — на 13 %, картофелю — 14,7 %, рыбе — 1,1 %, мясу — 41,7 %. Выполнение планового распределения продовольственных товаров по всем спецпоселкам Казахстана в названный период составило всего 37 % [9, с. 298—304]. Все это привело к тому, что дети спецпереселенцев повсеместно получали только один хлеб [9, с. 298—306]. Многочисленные примеры подтверждают острую нехватку продовольствия, истощение и гибель детей. Так, за вторую половину июня 1931 г. в спецпоселениях Кускудукского и Семипалатинского лесных промышленных хозяйств умерло 100 человек, главным образом дети. В течение трех с половиной месяцев семьи спецпоселенцев снабжались только хлебом [20, л. 19—27].

Вместе с родителями голодали дети на Убинской лесной даче, употребляли в пищу падаль — вырытых из земли павших чесоточных лошадей, хлеб, испеченный из ботвы свеклы [10, с. 470—473].

В докладной записке члена ЦКК Чубина секретарю ЦК ВКП(б) П. П. Постышеву «Об освоении и устройстве спецпереселенцев в Казахстане» от 14 сентября 1931 г. обращено внимание на распространение болезней, связанных с недостаточным питанием и сырой водой [9, с. 298—306].

Сведения о заболеваемости и смертности детей спецпереселенцев в Казахстане имеются в «Сводке о медобслуживании спецпереселенцев», подготовленной ГУЛАГ ОГПУ 22 сентября 1931 г. В фокус внимания лагерного ведомства попали два региона — Северный и Южный Казахстан. В спецпоселениях Северного Казахстана была зафиксирована высокая детская смертность. Так, за месяц — с 15 июля по 15 августа 1931 г. — умерло 987 детей. Возраст детей не указан. Смертность по всем возрастам составила за месяц 3,4 %. Указана главная причина смертности — последствия эпидемических заболеваний [9, с. 298—306].

Возраст детей, на который выпадает особенно высокий показатель смертности, прослеживается в докладной записке Г. Г. Ягоды от 26 октября 1931 г. на имя председателя ЦКК ВКП(б) и наркомата РКИ Я. Э. Рудзутака. Это были дети младших групп. Так, в возрасте до трех лет умирает в месяц 8—12 % детей этой группы [5, с. 30].

Сводка от 22 сентября 1931 г. зафиксировала наибольшие показатели смертности спецпоселенцев в Южном Казахстане: «На отдельных пунктах спецпоселений рыбных промыслов Цветметзолото¹ ее можно квалифицировать как вымирание. За полтора месяца — с 1 июня по 15 июля 1931 г.

¹ Цветметзолото — Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины.

умерло 1 740 человек из 48 000, что составило 3,6 процента. В спецпоселках Рисового треста за этот же период умерло 7 проц. к общему числу населения в 15 000 чел. На рост смертности повлияли массовые инфекционные заболевания (сыпной и брюшной тиф) и остро-желудочно-кишечные заболевания» [9, с. 974—977]. В Южном Казахстане смертность затронула все категории спецпереселенцев, в том числе и детей. Так, в южно-казахстанском тресте «Скотовод» спецпереселенцы — женщины и дети, в том числе малолетние, не были обеспечены жильем и питанием. Они вынуждены были заниматься попрошайничеством. Документы умалчивают о судьбе этих несчастных детей. Руководство предприятия не позаботилось об их здоровье и жизнеобеспечении. Единственное, о чем переживал директор треста в связи со сложившейся ситуацией, так это о «подрыве авторитета предприятия» [10, с. 452—453].

Высокая детская смертность, зафиксированная в спецпоселках Карагандинской районной комендатуры, была связана с истощением детей от голода и вспышкой острозаразных заболеваний. С июля по октябрь 1931 г. здесь умерло 6 092 человека, из них — 4 589 детей. Только с 1 по 25 октября этого же года умерло в поселках: Майукдук — 465 человек, Тихоновке — 619, Кампанейске — 561 человек. Итого по трем карагандинским поселкам — 1 636 человек [20, л. 5—10]. Т. Г. Ефанова вспоминала: «Привезли нас в голую степь Казахстана. На три тысячи человек был один колодец, где стояли часами в очереди, чтобы достать одну кружку воды на семью. Была повальная дизентерия, во время которой, из-за отсутствия медицинской помощи, умерло много людей. Умер мой брат Ефанов Михаил в возрасте пяти лет» [21, л. 229]. На детский организм пагубно влияли недоедание, холод, нехватка воздуха в переполненных бараках, их антисанитарное состояние, некачественная вода, суровые климатические условия. Дети первыми становились жертвами оспы, скарлатины, кори, брюшного тифа, дизентерии и других острых инфекционных заболеваний.

Низкий уровень медицинского обслуживания способствовал распространению инфекций. Оперативный сектор Карагандинского районного отдела ОГПУ в ноябре 1931 г. докладывал Казахскому краевому комитету ВКП(б) о многочисленных проблемах с медицинским обслуживанием спецпереселенцев: неукомплектованности медицинскими кадрами и низкой квалификации врачей, отсутствии медикаментов в необходимом количестве, недостаточном количестве коек в больницах.

В условиях большой детской смертности разрешалось передавать детей спецпереселенцев до 14 лет с согласия родителей на иждивение и воспитание не только родственникам, но и всем желающим [7, с. 107]. В конце декабря 1931 г. передача детей спецпереселенцев родственникам допускалась в исключительных случаях, только с разрешения полномочного представительства ОГПУ [8, с. 799—800]. Такое решение объяснялось излишним оптимизмом и лукавством со стороны карательных органов в вопросе улучшения положения всех групп спецпереселенцев. По данным на 4 января 1932 г., только в Северном Казахстане передали родственникам и их знакомым на воспитание и иждивение 3 133 ребенка до 14 лет [9, с. 469—471].

В информации Ф. И. Голощёкину, подготовленной полномочным представителем ОГПУ по Казахской АССР В. А. Каруцким в январе 1932 г., положение с устройством спецпереселенцев оценивается как катастрофическое. Из-за хронического недоедания, отсутствия теплой одежды, чрезвычайно плохих жилищно-бытовых условий, как следствие, эпидемий сыпного тифа, оспы, скарлатины, дизентерии чрезмерно возросла смертность среди спецпереселенцев [10, с. 470]. Принимавшиеся противоэпидемические меры были недостаточны и должных результатов не дали. Сохранились крупные очаги острозаразных болезней в спецпоселках Караганды и «Кара-талстроя». Истощение организма отражалось на физическом состоянии де-

тей и подростков сильнее, чем на взрослых. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О спецпереселенцах» от 26 января 1932 г. отмечается особенно высокий уровень смертности среди детей до восьми лет, доходящей до 10 % в месяц. «На смертность детей повлияли не только общие отрицательные санитарные, бытовые, климатические факторы, — пришла к выводу комиссия Политбюро, — но и недостаточное по количеству и неудовлетворительное по качеству их питание» [9, с. 502—505].

Комиссия выработала комплекс мер оздоровления в районах спецрасселения, уменьшения детской смертности. Первостепенное значение имели мероприятия медико-санитарного характера. Планировалось организовать на ближайшие шесть месяцев дополнительное питание для наиболее слабых детей младших возрастов через сеть общественного питания в детских яслях, дошкольных учреждениях, специальных детских столовых и путем выдачи на руки. Дети до восьми лет могли получить дополнительный паек за счет отчислений от зарплаты родителей, наиболее нуждающимся детям спецпереселенцев полагалась его бесплатная выдача. Предусматривалось увеличение продовольственного пайка в следующих размерах: муки — 12 кг в месяц вместо 8,6 кг, крупы — 1,5 кг вместо 0,8 кг, мяса или рыбы — до 2 кг вместо 1 кг. Указывалось на необходимость включения в месячный рацион до 3 кг овощей [9, с. 502—505]. На практике принятые решения не были реализованы в необходимом объеме, как, впрочем, и многие другие принятые постановления, резолюции, циркуляры. Проблема заключалась не только в слабости исполнительной дисциплины, расхищении выделенных средств, халатности, неготовности на местах урегулировать вопросы с питанием, бытом, медико-санитарным обеспечением детей спецпереселенцев, но и в масштабе голода в стране в 1932—1933 гг. Голод и связанные с ним эпидемии затронули почти все население Казахстана.

Положение детей спецпереселенцев не только не улучшилось, но и все больше ухудшалось. Так, в акте обследования поселка Тонрекейского района Карагандинской области от 25 марта 1932 г. по вопросу питания отмечено отсутствие каких-либо запасов продуктов. Спецпереселенцы питались разными суррогатами: кураем, лебедой, костями, которые размалывались и перемешивались, причем и их было недостаточно. Имели место случаи употребления в пищу животных — собак, кошек. Несмотря на случаи заболевания и смерти детей, не было ни одного посещения поселка медицинскими работниками [22, л. 181—182]. В докладной записке «Состояние спецпереселенческих участков по Тельманскому району» от 5 марта 1932 г. делается акцент на резком увеличении заболеваемости и смертности среди детей и стариков. Отмечаются единичные случаи рождаемости и высокая смертность на всех участках. Так, на участке № 11 умерло 1 314 человек, на участке № 3 — 1 232 человека, на участке № 4 умирает 60—70 человек за неделю [23, л. 11—13]. Тяжелые жилищно-бытовые условия, скудное питание, антисанитария вызывали новые и новые потери детей.

В письме начальника Карагандинского областного отдела ОГПУ Бака и начальника отдела спецпоселений по Северному Казахстану Шкеле, направленному секретарю Северо-Казахстанского обкома ВКП(б) от 16 мая, сообщалось о катастрофическом положении с ростом смертности спецпереселенцев, работающих в системе Управления угольной промышленности Караганды. В письме отмечалось, что если не будут приняты решительные меры, то через 10—11 месяцев весь контингент спецпереселенцев, работающих на шахтах Караганды, вымрет [24, л. 147]. Местные органы в докладных записках отмечали такую ситуацию как совершенно недопустимую, граничащую с преступлением.

В середине октября 1933 г. в записке начальника ГУЛАГа ОГПУ СССР М. Д. Бергмана в Деткомиссию ВЦИК сообщалось о резком ухудшении питания детей в Северном Казахстане, в связи с чем значительно повысилась

заболеваемость детей, а смертность достигла 15 % [7, с. 149]. Превышение смертности над рождаемостью прослеживаются по выборочным статистическим данным. Так, в Северном Казахстане в 1932 г. родилось 1 476 человек, в 1933 г. — 1 535, умерло — соответственно 21 344 и 25 293. В Южном Казахстане в 1932 г. родилось 425 человек, в 1933 г. — 547, умерло — соответственно 1 867 и 6 937 [6, с. 278]. Согласно данным В. Н. Земскова, в 1933 г. в кулацкой ссылке в Северном Казахстане умерло больше человек, чем родилось, в 19 раз, а в Южном Казахстане — в 13 раз [25, с. 8]. Начиная с 1935 г. рождаемость стала превышать смертность.

Остались воспоминания детей кулацкой ссылки в Казахстане, которые пережили голод. Так Е. М. Зубкова вспоминала трагедию своей семьи: «Моя сестра 1929 года рождения умерла в 1931 г. Жена брата и ее двое детей умерли в 1933 г.» [1, л. 17]. Из воспоминаний И. Хиловой, которая вместе с семьей была выслана в Казахстан в детские годы: «Трупы не успевали закапывать. Они не сохранялись, как зимой, стояло зловоние, першило в горле, вызывая тошноту. Мертвых не оплакивали, им завидовали. Умер и наш Вася (7 лет ему было). А мы трое детей выжили. Это чудо, что мы и горстка подобных нам остались живы и живем сейчас» [26, л. 11].

Спецпереселенцы всеми способами пытались спасти детей от голода. Не имея возможности содержать их, родители оставляли маленьких детей в общественных местах, давали им шанс на выживание. В документах упоминается, что большинство детей были в возрасте до трех лет. Областные и районные отделы здравоохранения принимали меры по их содержанию: создавали детские ясли, изолированные комнаты-распределители, детские столовые, распределяли детей в семьи для патроната. Такие семьи получали 30 руб. в месяц, при этом дети получали питание из детской или молочной кухни [27, л. 266].

В голодные годы росло число сирот среди детей спецпереселенцев. Детей, потерявших родителей, помещали в детские учреждения, отдавали на патронат в семьи местного населения, в семьи спецпереселенцев, находящихся в удовлетворительных жилищных и материальных условиях, направляли в школы фабрично-заводского обучения. Так, в начале января 1932 г. в Северном Казахстане было выявлено 136 сирот, из них 36 детей младшего возраста направили в ясли закрытого типа, 100 детей временно поместили в специально отведенных домах и содержали их за счет отдела по спецпереселенцам. В Южном Казахстане было выявлено большое число детей спецпереселенцев, лишившихся родительского попечения. Источники свидетельствуют, что Наркомат здравоохранения в этом регионе не проявил заботу о сиротах [9, с. 469—498].

Циркулярное письмо ГУЛАГа ОГПУ «О порядке использования нетрудоспособных категорий спецпереселенцев» от 10 июля 1932 г. продемонстрировало бездушное отношение к детям-сиротам. С этого времени в детдома направляли сирот из числа спецпереселенцев только до 12 лет. Детские учреждения социального воспитания были обременительны для местного бюджета. Исходя из этого, разрешали передачу детей родственникам или другим лицам, которые в письменной форме давали согласие на принятие их на свое иждивение. Круглые сироты старше 12 лет подлежали трудоустройству. В Карагандинской области на 1 октября 1932 г. на учете областной детской комиссии состояло 1 200 беспризорных из числа спецпереселенцев. Детские дома были переполнены, в связи с этим многие сироты оставались в спецпереселенческих поселках. 500 сирот из числа спецпереселенцев направили в колонии для инвалидов второй и третьей категорий, находящиеся в спецпереселенческих поселках [28, л. 106—112].

В 1933 г. численность беспризорных детей спецпереселенцев возросла. Об этом свидетельствует директива ГУЛАГа ОГПУ «Об устройстве детей-сирот» от 2 ноября 1933 г. В ней говорится: «Из имеющихся в ГУЛАГе

ОГПУ сведений видно, что в ряде спецпоселков находится значительное число детей различного возраста — сирот, беспризорных, больных и т. п. Эти дети, не имея родителей, следовательно, и постоянных жилищ, влачат полуголодное существование, подвержены всякого рода заболеваниям, которые в большинстве случаев приводят их к гибели». Репрессивная составляющая документа проявилась в том, что детей стали размещать как в гражданских организациях, так и в специально организуемых учреждениях при спецколониях [29, с. 45—46].

Заключение

Практика пребывания детей на спецпоселениях не соответствовала нормам гуманности. Значительным фактором в жизни детей раскулаченных крестьян стало то, что система спецпоселений была важным структурным элементом ГУЛАГа. От голода, болезней, эпидемий в 1930—1933 гг. погибло много спецпереселенцев в Казахстане, особенно велика была детская смертность. До середины 1930-х гг. смертность превышала рождаемость. Если прибавить сюда резкое сокращение рождаемости, то очевиден серьезный ущерб, нанесенный будущим поколениям. На смертность детей повлияли как климатические факторы необжитых районов Казахстана, так и неудовлетворительные санитарные, бытовые условия, а также недостаточное и некачественное питание и инфекционные заболевания. Сложно определить общий результат этих демографических потерь, так как возрастной состав умерших стал учитываться с 1932 г., статистика ОГПУ фиксировала смерти далеко не всех детей спецпереселенцев. Определение окончательной цифры смертности детей кулаков требует анализа и сопоставления данных самых разных источников.

Список источников

1. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 205. Оп. 9. Д. 125.
2. Минц М. М. Голод в СССР 1930—1933 гг.: обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М.: ИНИОН. РАН, 2022. № 1. С. 53—68.
3. Кондрашин В. В. Современная историография голода начала 1930-х гг. в России и Казахстане: обзор литературы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 43—61.
4. Корнилов Г. Е. Голод в Казахской АССР в 1930-е годы: историографический дрейф // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 99—12.
5. Земсков В. Н. Сталинская эпоха: экономика, репрессии, индустриализация. 1924—1954. М.: Вече, 2018. 304 с.
6. Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. 294 с.
7. Дети ГУЛАГа. 1918—1956 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. С. С. Виленский. М.: МФД, 2002. 631 с.
8. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939 : в 4 т. Т. 3 : 1930—1934 гг. Кн. 1 : 1930—1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2003. 864 с.
9. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930—1940 гг. : в 2 кн. Кн. II. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2006. 1120 с.
10. Из истории депортаций. Казахстан 1930—1935 гг. : сб. док. Алматы, 2012. 772 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1943.
12. ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.
13. ГАКО. Ф. 205. Оп. 9. Д. 134.
14. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 2988.
15. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969.
16. Яровая Н. А. Навечно в памяти // Сельский труженик — Осакаровка. 1997. 27 янв. С. 4
17. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Р-1455с. Оп. 5 Д. 2.
18. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3321.
19. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2948.
20. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5032.

21. ГАКО. Ф. 205. Оп. 9. Д. 121.
22. Северо-Казакстанский государственный архив (СКГА). Ф. 22. Оп. 1. Д. 22.
23. ГАКО. Ф. 18п. Оп. 1. Д. 13.
24. СКГА. Ф. 22-П. Оп. 1. Д. 172.
25. Земсков В. Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД — МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3—17.
26. ГАКО. Ф. 1500. Оп. 1. Д. 121.
27. ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3.
28. СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 7.
29. Спецпоселенцы в Западной Сибири. 1933—1938 гг. : сб. док. / отв. ред. и авт. предисл.: В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 309 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti (GAKO) [State Archive of Karaganda Region (GAKO)], coll. 205, aids 9, fol. 125.
2. Minc M.M. Golod v SSSR 1930–1933 gg.: obzor [Famine in the USSR 1930–1933: a review], *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 5: Istorija* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature]. Moscow, INION, RAN, 2022, no. 1, p. 53–68.
3. Kondrashin V.V. Sovremennaja istoriografija goloda nachala 1930-h gg. v Rossii i Kazahstane: obzor literatury [Modern historiography of the famine of the early 1930s in Russia and Kazakhstan: literature review], *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya vysshee obrazovaniya vysshee obrazovaniya. Volga region. Humanities], 2022, no. 4, pp. 43–61.
4. Kornilov G.E. Golod v Kazahskoj ASSR v 1930-e gody: istoriograficheskij drejff [Famine in the Kazakh ASSR in the 1930s: historiographical drift], *Novejshaja istorija Rossii* [Modern History of Russia], 2023, vol. 13, no. 1, pp. 99–12.
5. Zemskov V.N. Stalinskaja jepoha: jekonomika, repressii, industrializacija. 1924–1954 [The Stalin era: economy, repression, industrialization. 1924–1954]. Moscow, Veche, 2018, 304 p.
6. Ivnickij N.A. Sud'ba raskulachennyh v SSSR [The fate of the raskulans in the USSR]. Moscow, Soobranie, 2004, 294 p.
7. Jakovleva A. N. (ed.), Vilenskij S. S. (ed.). Deti GULAGa. 1918–1956 [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow, MFD, 2002, 631 p.
8. Berelovicha A. (ed.), Danilova V. (ed.). Sovetskaja derevnja glazami VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939 : v 4 t. T. 3 : 1930–1934 gg. Kn. 1 : 1930–1931 gg. [Soviet village through the eyes of the VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939 : in 4 vols. Vol. 3 : 1930–1934. Book 1 : 1930–1931]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEH), 2003, 864 p.
9. Politbjuro i krest'janstvo: vysylka, specposelenie. 1930–1940 gg. [The Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement. 1930–1940] : v 2 kn. Kn. II. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEH), 2006, 1120 p.
10. Iz istorii deportacij. Kazahstan 1930–1935 gg. [From the history of deportations. Kazakhstan 1930–1935]: sb. dok. Almaty, 2012, 772 p.
11. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)], coll. R-9414, aids 1, fol. 1943.
12. GAKO [GAKO] coll. 3, aids 1, fol. 15.
13. GAKO [GAKO]. coll. 205, aids 9, fol. 134.
14. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan (AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK)]. coll. 141, aids 1, fol. 2988.
15. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 2969.
16. Jarovaja N. A. Navechno v pamjati [Forever in memory], *Sel'skij truzhenik – Osakarovka* [Rural Worker – Osakarovka], 1997, 27 jan., p. 4.
17. Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)], coll. R-1455s, aids 5, fol. 2.
18. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 3321.
19. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 2948.
20. AP RK [AP RK], coll. 141, aids 1, fol. 5032.
21. GAKO [GAKO], coll. 205, aids 9, fol. 121.
22. Severo-Kazahstanskij gosudarstvennyj arhiv (SKGA) [North-Kazakhstan State Archive (SKGA)], coll. 22, aids 1, fol. 22.
23. GAKO [GAKO], coll. 18, aids 1, fol. 13.
24. SKGA [SKGA], coll. 22-P, aids 1, fol. 172.

25. Zemskov V.N. Specposelency: po dokumentacii NKVD-MVD SSSR [Special settlers: according to the documentation of the NKVD – the Ministry of Internal Affairs of the USSR], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 1990, no. 11, pp. 3–17.
26. GAKO [GAKO], coll. 1500, aids 1, fol. 121.
27. GAKO [GAKO], coll. 30, aids 1, fol. 3.
28. SKGA [SKGA], coll. 1189, aids 1, fol. 7.
29. Danilov V.P. (ed.), Krasil'nikov S.A. (ed.). Specposelency v Zapadnoj Sibiri. 1933–1938 gg. [Special settlers in Western Siberia. 1933–1938]: sb. dok. Novosibirsk : JeKOR, 1994, 309 p.

Информация об авторе

Елеуханова Светлана Викторовна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: eleuxanova62@mail.ru

Information about the author

Svetlana V. Yeleukhanova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Karagandy Buketov University, Republic of Kazakhstan. E-mail: eleuxanova62@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Репрессивная политика в отношении детей в 1930—1950-х гг.

Научная статья
УДК 343.815(47+57)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-106-122

Нормативно-правовая база репрессивной политики советской власти в отношении несовершеннолетних (1918—1958)

Кымбат Казалиевна Абдрахманова¹, Зауреш Галимжановна Сактаганова²

^{1,2} Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

¹ kimbat_abd@mail.ru

² zauresh63@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена советская нормативно-правовая база репрессивной политики в отношении несовершеннолетних. Проанализированы основные законы, постановления, а также иные директивные документы, раскрывающие суть и масштабы политики репрессий детей. Определены и охарактеризованы основные категории детей, подвергшихся репрессиям. Авторы выделили пять этапов формирования нормативной базы политических репрессий в отношении несовершеннолетних (1918—1958), где основным критерием стали законодательные документы, направленные на ужесточение или смягчение репрессивной политики в отношении несовершеннолетнего контингента. В заключение авторы пришли к выводу о том, что советскими органами была разработана специальная нормативно-правовая база под грифами «совершенно секретно» и «секретно», которая позволяла признавать репрессированных детей изгоями общества и воспитывать их жесткими методами в местах изоляции. Данная правовая база не соответствовала нормам и принципам международного права.

Ключевые слова: нормативно-правовая база, детский дом, воспитательная трудовая колония, детская беспризорность, детская безнадзорность, несовершеннолетние осужденные, дети ГУЛАГа

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН AP14871138 «Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей и спецпоселений» (ГФ Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан) на 2022—2024 гг.

Для цитирования: Абдрахманова К. К., Сактаганова З. Г. Нормативно-правовая база репрессивной политики советской власти в отношении несовершеннолетних (1918—1958) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 106—122. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-106-122.

The repressive policy towards children in the 1930s—1950s

Original article

The regulatory and legal basis of the repressive policy of the Soviet authorities towards minors (1918—1958)

Kymbat K. Abdrakhmanova¹, Zauresh G. Saktaganova²

^{1,2} Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

¹ kimbat_abd@mail.ru

² zauresh63@mail.ru

Abstract. The article examines the Soviet regulatory framework of repressive policy towards minors. The main laws, resolutions, as well as other policy documents revealing the essence and scope of the policy of repression of children are analyzed. The main categories of children who have been subjected to repression are identified and characterized. Having systematized the available normative framework, the authors identified five stages from 1918 to 1958, where the main criterion was legislative documents aimed at tightening or softening the repressive policy towards the underage contingent. The authors conclude that the Soviet authorities had developed a special legal framework, classified as “top secret” and “secret”, which allowed repressed children to be recognized as social outcasts and brought up by harsh methods in places of isolation. This legal framework did not comply with the norms and principles of international law.

Keywords: legal framework, orphanage, educational labor colony, child homelessness, child neglect, juvenile convicts, Gulag children

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the IRN AP14871138 project “GULAG Children: from the history of Kazakhstani camps and special settlements” (GF of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan) for 2022—2024.

For citation: Abdrakhmanova K.K., Saktaganova Z.G. The regulatory and legal basis of the repressive policy of the Soviet authorities towards minors (1918—1958). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):106—122. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-106-122.

Массовые политические репрессии вошли в историю XX в. как один из самых трагичных фактов советской эпохи. Жертвами репрессивной политики стали все слои населения, в том числе дети. Советской властью была разработана нормативно-правовая база, позволившая на законодательной основе осуществлять репрессии в отношении несовершеннолетних лиц. В данной статье мы (отойдя условно от общепринятого возрастного содержания понятия «дети») используем как синонимы термины «несовершеннолетние» и «дети», под которыми имеем в виду детей, подростков и молодежь до 18 лет.

Репрессированные несовершеннолетние, находившиеся в местах заключения (спецпоселения, исправительно-трудовые лагеря, детские колонии, приемники-распределители и др.), могут быть разделены на несколько категорий:

- 1) дети труд- и спецпереселенцев (депортированные/насильственно переселенные в Казахстан или другие места с семьей и/или родившиеся в местах депортации);
- 2) дети родителей, подвергнутых политическим репрессиям, в том числе родившиеся в ГУЛАГе;
- 3) дети из репрессированных крестьянских слоев населения, проживавшие в Казахстане или других местах;
- 4) дети, осужденные по ст. 58 УК РСФСР 1926 г.;
- 5) дети категорий «беспризорные» и «бездзорные», оставшиеся таковыми в результате политических репрессий в отношении их семей, а также голода 1920—1930-х гг. и др.;
- 6) дети, осужденные по уголовным статьям УК РСФСР.

Объектом нашего исследования стали нормативные правовые документы, принятые преимущественно в отношении несовершеннолетнего контингента пяти первых категорий.

Отметим, что в толковом словаре С. И. Ожегова слова «беспризорный» и «бездзорный» имеют разное содержание. «Беспризорный — бездомный, живущий на улице ребенок» и «бездзорный — лишенный надзора, присмотра ребенок» [1]. Термины «детская непризорность» и «детская бездзорность» начали употребляться в официальных документах еще в 1920—1930-х гг. В 1920-х гг. зачастую эти термины употреблялись как синонимы, и четких разграничений в содержании данных понятий не было. Однако 8 марта 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР был принят декрет «Об утверждении положения о мероприятиях по борьбе с детской непри-

зорностью в РСФСР», где беспризорными признавались дети до 16 лет, находившиеся в условиях, опасных для их физического или общественно-трудового развития. Это были круглые сироты, не имевшие старших братьев и сестер, которые могли бы принять на себя заботу о них; дети, потерявшие связь с родителями и родственниками; дети, изъятые постановлением суда или комиссией по делам о несовершеннолетних из семьи вследствие «преступной или порочной жизни их родителей или лиц, у которых они воспитывались, или вследствие злоупотреблений в отношении их родительскими правами»; подкинутые дети [2, с. 238].

В декрете были выделены еще две категории детей, нуждающихся «в мерах временной или частичной помощи и воспитания». Это дети, оказавшиеся безнадзорными вследствие тяжелой болезни или инвалидности, лишавшей полной трудоспособности родителей или лиц, у которых они воспитывались; дети, находящиеся на попечении одной только матери, лишеной всякого заработка и не получающей материальной поддержки от мужа, родственников или других лиц. Также были выделены дети, оказавшиеся безнадзорными/беспризорными вследствие временного отсутствия их родителей или лиц, на содержании которых они находились и воспитывались (в связи с лишением их свободы, нахождением в больнице на излечении и проч.) [2, с. 238].

Таким образом, под безнадзорностью понималось отсутствие над ребенком надзора, а под беспризорностью — отсутствие у детей постоянного места жительства, семейного или государственного попечения в результате смерти либо вообще отсутствия родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательного учреждения.

На основе анализа законодательных и иных документов мы выделяем пять этапов формирования нормативно-правовой базы политических репрессий в отношении несовершеннолетних:

- 1) 14 января 1918 г. — 7 апреля 1935 г.;
- 2) 7 апреля 1935 г. — 7 июля 1941 г.;
- 3) 7 июля 1941 г. — 18 января 1945 г.;
- 4) 18 января 1945 г. — 24 марта 1956 г.;
- 5) 24 марта 1956 г. — 25 декабря 1958 г.

Главным критерием для нас послужили принятые нормативные документы, которые оказали влияние на изменение траектории (ужесточение/смягчение) репрессивной политики в отношении несовершеннолетнего контингента страны.

1 этап: 14 января 1918 г. — 7 апреля 1935 г. Этот период связан с установлением советской власти и началом формирования нормативной базы репрессий в отношении несовершеннолетних. Одним из первых документов принято считать декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» [3, с. 27]. Декрет состоял из шести статей, где было четко прописано упразднение судебных процессов и тюремных заключений для несовершеннолетних детей до 17 лет. Все дела по несовершеннолетним должна была вести специальная комиссия, которая включала в свой состав представителей таких ведомств, как общественное призрение, народное просвещение и юстиция, в количестве не менее трех лиц.

Постановление СНК РСФСР «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» от 4 марта 1920 г. внесло ряд изменений [3, с. 28]. В частности, была предусмотрена передача дел несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в народный суд, если к ним было невозможно применить медико-педагогическое воздействие.

В инструкции комиссии по делам о несовершеннолетних, принятой 30 июля 1920 г. Народным комиссариатом просвещения, Народным комиссариатом здравоохранения и Народным комиссариатом юстиции РСФСР, были прописаны следующие меры медико-педагогического воздействия:

а) беседа, разъяснение, замечание воспитателя; б) внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; в) определение на ту или иную работу; г) помещение в школу; д) отправка на родину; е) помещение в детский дом или в одну из лечебно-воспитательных колоний и учреждений; ж) помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц; з) передача несовершеннолетних вместе с делом в народный суд в случае признания недостаточными вышеуказанных мер: при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов, при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе [4].

Политические события (Октябрьская революция 1917 г., установление советской власти, Гражданская война 1918—1920 гг.) и социально-экономические процессы (политика военного коммунизма, ее последствия и др.) привели к резкому всплеску детской беспризорности. Масштабы распространения этого явления вынудили власть в январе 1921 г. создать Комиссию по улучшению жизни детей [5, с. 354—355].

1 июня 1922 г. был принят первый Уголовный кодекс РСФСР, где в ст. 18 относительно несовершеннолетних указывалось: «Наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия» [6, с. 63]. К тем несовершеннолетним, которые все-таки подверглись уголовному наказанию из-за своих противоправных действий применялось обязательное смягчение: «1. Для несовершеннолетних от 14 до 16 лет налагаемое судом наказание подлежало обязательному смягчению наполовину против наивысшего установленного соответствующими статьями предела. 2. Для несовершеннолетних от 16 до 18 лет налагаемое судом наказание подлежало обязательному смягчению на одну треть против наивысшего установленного соответствующими статьями предела» [6, с. 63].

Если сравнивать постановление СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. с Уголовным кодексом 1922 г., то мы видим снижение возрастного порога ответственности и наказания в отношении детей с 18 до 16 лет [6, с. 63].

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, который вступил в силу с 1 января 1927 г. [7] Данный кодекс был основным источником уголовного права для Казахской АССР, поскольку она до 1936 г. входила в состав РСФСР в качестве автономной республики. Несмотря на то что по Конституции 1936 г. была образована новая союзная республика — Казахская ССР, на ее территории по-прежнему продолжал действовать Уголовный кодекс РСФСР. Основная причина была связана со ст. 14 Конституции СССР, которая установила, что уголовное, а равно гражданское и процессуальное законодательство, относятся к ведению СССР [8, с. 13].

Особых изменений в Уголовном кодексе 1926 г. в отношении детей мы не наблюдаем. Как и в редакции 1922 г., в отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет меры социальной защиты судебно-исправительного характера были предусмотрены лишь в случаях, когда комиссией по делам о несовершеннолетних было признано невозможным применение к ним мер социальной защиты медико-педагогического характера. Смягчающие условия для несовершеннолетних в случае применения уголовного наказания остались те же. Не изменились условия и для несовершеннолетних, приговоренных к лишению свободы и помещенных в трудовые дома для несовершеннолетних. Они оставались там до исправления, но не дольше достижения ими 18-летнего возраста [9].

Постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» установило пределы несовершеннолетия — от 15 до 18 лет. Согласно этому документу

несовершеннолетние правонарушители направлялись на воспитание в специальные школы фабрично-заводского ученичества особого типа [10].

В 1920—1930-х гг. советская власть планировала совершить быстрый экономический рост за счет подъема народного хозяйства и сверхиндустриализации. Для реализации этой идеи власти использовали имеющийся потенциал карательно-репрессивной системы. По мнению исследователей, перед властью стояла цель — создать систему принудительного труда, которая решала две задачи: уничтожение идеологических врагов и использование бесплатного труда [11, с. 65]. В этот период было подписано значительное количество нормативных документов, которые четко регламентировали условия, методы и способы уничтожения «врагов советского народа» и членов их семей с помощью таких мер, как лишение свободы, ссылка, высылка на спецпоселения и т. д. В этой связи хотелось бы отследить ряд законодательных документов, которые имели отношение к политике репрессий детей. Это постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [12, с. 126—130] и постановление ЦИК и СНК от 1 февраля 1930 г. «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» [13, с. 50—51], которые стали одними из основных документов при проведении политики коллективизации. В частности, в первом документе говорилось о немедленной высылке кулаков в отдаленные местности СССР. Члены семей кулаков, высланных (вторая категория кулаков) и заключенных в концлагеря (первая категория кулаков), при согласии местных властей могли остаться в своем районе проживания [13, с. 50].

Однако уже на следующий день, 2 февраля 1930 г., вышел приказ ОГПУ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса», которым в постановление были внесены существенные корректировки [12, с. 163—167]. Во-первых, было предписано «массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества». Во-вторых, было отмечено, что «семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к высшей мере наказания, должны быть высланы в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств». В-третьих, «имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, что и у выселяемых семейств кулаков» [12, с. 163—167]. То есть если в документе от 1 февраля семьям выселяемых и заключенных кулаков давалась возможность при согласии местных властей остаться на месте, то согласно второму документу (от 2 февраля) вопрос о высылке не подлежал обсуждению.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» также затронуло детей [3, с. 119—120]. Данный нормативный документ, получивший в народе название «закон о трех (пяти) колосках», предписывал расстрел с конфискацией всего имущества или при смягчающих условиях лишение свободы на срок от 5 до 10 лет за хищение государственного имущества. К сожалению, государство пренебрегало тем фактом, что сельское население существовало в полуголодном состоянии, люди были вынуждены идти на воровство, чтобы прокормить себя и свою семью. Данным постановлением не было сделано исключения для детей.

В целом нормативная база против кулачества, принятая в начале 1930-х гг., в значительной степени способствовали приумножению армии беспризорных детей. До сих пор неизвестно количество детей, погибших от голода

и холода. Родственники, оставшиеся в живых, не всегда брали детей на попечение, так как голодали сами либо боялись преследований со стороны органов государственной безопасности.

Таким образом, период с 14 января 1918 г. до 7 апреля 1935 г. характеризуется усилением карательных мер в отношении несовершеннолетнего населения страны. С целью ликвидации беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних неоднократно пересматривались не только возрастные пороги, но и меры наказания. Более жестокими были различные указы и постановления, принятые в рамках борьбы советской власти против кулачества. В большей степени они не только не соответствовали существующим основным нормативным документам (Конституция, законы, кодексы), но и кардинально шли с ними вразрез.

2 этап: 7 апреля 1935 г. — 7 июля 1941 г. Этот период связан с началом массовых политических репрессий, в том числе ужесточением репрессий в отношении несовершеннолетних. Насилие стало использоваться властью как одно из главных орудий для изменения общественного поведения. Постепенно избирательный террор против отдельных групп населения был сменен на крупномасштабные преследования целых социальных слоев общества и, как результат, «большой террор» 1937—1938 гг.

7 апреля 1935 г. за подписью председателя ЦИК СССР М. Калинина, председателя СНК СССР В. Молотова и секретаря ЦИК СССР И. Акулова было принято постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [3, с. 182—183]. Данный документ привел к ужесточению мер в отношении несовершеннолетних, так как снизил возрастной порог уголовной ответственности до 12 лет. Дети, уличенные в совершении кражи, причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытках к убийству, привлекались к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания. Как предписывал закон, все это делалось для быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних.

Данное нововведение было внесено в ст. 12 действующего Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.) после подписания постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью» от 25 ноября 1935 г. [14] Резкий рост численности беспризорников и безнадзорников требовал от государства открывать новые детские учреждения для разных категорий детей. К примеру, 31 мая 1935 г. постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» были введены новые типы детских учреждений: а) в ведении наркомпросов союзных республик — детские дома нормального типа для детей, лишенных средств к существованию, а также детские дома, содержащиеся на средства родителей, и детские дома для трудновоспитуемых; б) в ведении наркомздравов союзных республик — специальные детские дома для детей, которые нуждаются в длительном лечении; в) в ведении наркомсобесов союзных республик — специальные детские дома для инвалидов-детей; г) в ведении Наркомвнудела СССР — изоляторы, трудовые колонии и приемники-распределители [3, с. 184]. Как мы видим, государство четко распределило категории детских учреждений между Наркомпросом, Наркомздравом и НКВД СССР. При этом была строго прописана необходимость установить во всех детских домах и колониях в соответствии с возрастом трудовой режим, который должен был привить детям трудовые навыки и помочь овладеть определенной профессией. Всех детей старше 14 лет должны были направить в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и совхозучи или на промышленные предприятия, в совхозы, МТС, колхозы для работы и обучения в производственных бригадах [3, с. 184].

20 апреля 1935 г. прокурором СССР А. Я. Вышинским и председателем Верховного Суда СССР А. Н. Винокуровым был подписан циркуляр прокурорам и председателям судов о порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним. Документ свидетельствовал: «Ввиду того, что применение высшей меры наказания (расстрел) может иметь место лишь в исключительных случаях и что применение этой меры в отношении несовершеннолетних должно быть поставлено под особо тщательный контроль, предлагаем всем прокурорским и судебным органам предварительно сообщать прокурору Союза и председателю Верховного Суда СССР о всех случаях привлечения к уголовному суду несовершеннолетних правонарушителей, в отношении которых возможно применение высшей меры наказания» [15, с. 258].

9 июня 1935 г. был обнародован приказ НКВД СССР № 074 «О порядке применения постановления ЦИК И СНК СССР от 7 апреля 1935 г. „О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних”» [3, с. 191—192]. Приказ был очень суровым и по современным меркам беспощадным. Он предписывал уголовную ответственность с применением всех мер уголовного наказания несовершеннолетних с 12-летнего возраста и старше в случае совершения краж, причинения насилия, телесных повреждений, увечий, убийства или попыток к убийству. Конечно, в приказе прописывалось, что сотрудники должны проявить максимальную чуткость и внимание к детям и т. д. Пункт 5 приказа прописывал, что нельзя подвергать аресту и привлекать в уголовном порядке тех несовершеннолетних, которые совершили незначительные преступления (например, кражи конфет, фруктов в саду, овощей на огороде и т. п.) впервые, в силу детского озорства и не являются рецидивистами [3, с. 192]. Однако, учитывая, с одной стороны, колоссальный наплыв беспризорников, с другой — период «бдительности» и повышенной подозрительности, думается, что сотрудники НКВД не всегда детально разбирались с обстоятельствами каждого дела. Их основной задачей было разгрузить детприемники и распределить детей по детским учреждениям.

23 июля 1935 г. всем начальникам отделов трудовых колоний НКВД союзных республик и УНКВД краев, областей было разослано распоряжение наркома «О типизации трудовых колоний НКВД» [3, с. 194—195]. В документе под грифом «совершенно секретно» НКВД СССР установил следующую типизацию трудовых колоний: 1) трудовые колонии обычного типа, отдельные для мальчиков и девочек; 2) трудовые колонии с особым режимом для мальчиков и девочек; 3) изоляторы для подсудимых в тюрьмах, находящиеся в системе общих мест заключения (ОМЗ).

Согласно положению «О трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних» от 29 июля 1935 г. несовершеннолетние преступники в возрасте от 12 до 16 лет и беспризорные в возрасте от 14 до 16 лет содержались в трудовых колониях, основной задачей которых было трудовое воспитание. Причем было установлено четкое разделение на членов и кандидатов колонии. Членами колонии считались те несовершеннолетние, которые выполняли производственное задание или принимали активное участие в общественной жизни колонии. Все остальные — кандидаты в члены колонии [3, с. 195—197].

К 1937 г. репрессивная машина непосредственно коснулась женщин и детей. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. было принято предложение НКВД о заключении в лагеря на пять-восемь лет всех «жен изменников родины». Было дано предписание об организации специальных лагерей на территории Нарымского края и Тургайского района Казахстана. Дети репрессированных родителей в возрасте до 15 лет брались на государственное обеспечение в детские дома и закрытые интернаты. Вопрос с детьми старше 15 лет решался индивидуально [3, с. 229—230].

Спустя месяц, 15 августа 1937 г., наркомом НКВД СССР Н. И. Ежовым был подписан приказ № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины», который стал одним из самых первых документов, регламентирующих наказание детей «врагов народа» [3, с. 234—238]. Следует отметить, что приказ НКВД способствовал резкому увеличению арестов женщин, а вместе с этим росту безнадзорного и беспризорного контингента. Институт семьи претерпел колоссальное разрушение, так как дети остались не только без родителей, но и без родных братьев и сестер. Преднамеренное предписание НКВД о содержании детей в разных детских и исправительно-трудовых учреждениях привело к потере семейной связи. Сконцентрировав большой контингент заключенных женщин и беспризорных детей, власти имели возможность привлекать их к принудительному труду.

В пик массовых политических репрессий 1937—1938 гг. произошел резкий рост числа детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим государственная власть на высшем уровне утверждает нормативные карательные документы, которые предусматривали распределение детей после репрессирования их родителей. Это циркуляр НКВД СССР от 7 января 1938 г. «О порядке выдачи на опеку родственникам детей, родители которых репрессированы» [3, с. 275—276], циркуляр НКВД СССР от 20 мая 1938 г. «О порядке устройства детей репрессированных родителей в возрасте свыше 15 лет» [3, с. 298] и т. д.

Органами НКВД также были разработаны правила передачи несовершеннолетних детей в трудовые колонии из тюрем и приемников-распределителей. Для придания этим порядкам нормативного статуса 9 января 1938 г. под грифом «секретно» был подписан приказ НКВД СССР «О порядке направления несовершеннолетних в трудовые колонии из тюрем и приемников-распределителей» [3, с. 276—278].

Согласно приказу НКВД СССР от 1 апреля 1938 г. № 054 «О порядке вывода осужденных несовершеннолетних старше 16 лет из трудовых колоний НКВД в лагеря, тюрьмы и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГа НКВД», если осужденный (достигший 16 лет) был ударником на производстве, отличником учебы и в быту с неоконченным сроком наказания до двух лет, то его оставляли в трудовой колонии до конца срока наказания. Но если осужденный несовершеннолетний не был ударником, то его переводили для отбытия оставшегося срока наказания в места заключения УНКВД и НКВД или в лагеря в зависимости от характера совершенного им преступления и оставшегося срока наказания [3, с. 282—283].

В пик массового террора в законную силу был введен циркуляр народного комиссара внутренних дел СССР от 20 мая 1938 г. № 106 «О порядке устройства детей репрессированных родителей в возрасте свыше 15 лет» [3, с. 298]. Согласно циркуляру дети репрессированных родителей от 15 до 17 лет включительно, которые не несли своим поведением социальную опасность и не проявляли антисоветские и прочие настроения, могли быть переданы (при их наличии) нерепрессированным родственникам на полное иждивение. Если таковых родственников не было, то детей в возрасте от 15 до 17 лет помещали в детские дома в пределах области, края, республики (за исключением мест, где были репрессированы их родители), дав им возможность окончить среднее учебное заведение.

Согласно приказу наркома НКВД СССР от 17 октября 1938 г. № 00689 произошли изменения приказа от 15 августа 1937 г. № 00486. Новая редакция предписывала: «1. В дальнейшем репрессировать не всех жен арестованных или осужденных изменников родины, врагов народа, правотроцкистских шпионов, а только тех из них: а) которые по имеющимся материалам были в курсе или содействовали контрреволюционной работе своих мужей; б) в отношении которых органы НКВД располагают данными

об их антисоветских настроениях и высказываниях и которые могут быть рассматриваемы как политически сомнительные и социально опасные элементы» [3, с. 307]. Данный приказ ввел некоторое послабление, так как был отменен пункт об обязательности ареста жен «врагов народа» одновременно с мужьями.

Массовые репрессии были несколько приостановлены после публикации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. № П 4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [15, с. 305—308]. Во всех перегибах были обвинены так называемые враги народа, которые «пробрались» в органы НКВД и прокуратуры. Органам НКВД и прокуратуры был предписан запрет производить какие-либо массовые операции по арестам и выселению, также были ликвидированы судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР. Постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. означало лишь формальное завершение политических репрессий в СССР. Безусловно, репрессии уже не имели массового характера, как в 1937—1938 гг., однако в стране по-прежнему продолжались преследования и аресты, а общество жило в атмосфере страха, «бдительности» и доноительства.

15 января 1939 г. за подписью наркома внутренних дел СССР комиссара государственной безопасности 1-го ранга Л. Берии был опубликован циркуляр № 7 «О порядке выдачи справок о детях репрессированных», который впервые разрешил на общих основаниях переписку между детьми, находящимися в детских домах, и их родителями, отбывающими наказание в тюрьмах и лагерях [3, с. 309].

После «большого террора» в приказе НКВД от 7 октября 1939 г. № 0335 «О пересмотре решений бывших троек НКВД, УНКВД по делам о несовершеннолетних преступниках» были осуждены решения троек НКВД, принятые в 1937—1938 гг. [3, с. 316] Было установлено, что в трудколониях НКВД СССР содержалось значительное количество несовершеннолетних, осужденных бывшими тройками НКВД, УНКВД без достаточных оснований. В связи с этим начальникам трудовых колоний НКВД СССР было приказано составить списки всех содержащихся в колониях несовершеннолетних, осужденных тройками, и направить их в НКВД республик, УНКВД краев и областей.

Таким образом, на данном этапе репрессии в отношении детей были prerогативой карательно-репрессивных органов. Законодательная база позволяла применять все меры уголовного наказания к детям с 12-летнего возраста. Начиная со второй половины 1930-х гг., количество нормативных документов возросло из-за усиления идеологической войны против депортированных, спецпереселенцев, репрессированных по политическим статьям. Власть изменила отношение к людям данной категории, они автоматически лишались всех прав. Детский принудительный труд стал главным средством воспитания беспризорных и безнадзорных детей.

3 этап: 7 июля 1941 г. — 18 января 1945 г. Этап, совпадающий с периодом Великой Отечественной войны, характеризуется кульминацией репрессий в отношении несовершеннолетних. Появились так называемые новые враги — различные приграничные народности, а также люди, попавшие в плен или вынужденно оказавшиеся на оккупированных территориях, и т. д. Документы, принимаемые властью в отношении детей, с одной стороны, были направлены на строгое наказание за любые проступки, с другой — на заботу и защиту.

7 июля 1941 г. был подписан один из антигуманных указов Президиума Верховного Совета СССР в отношении детей — «О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. „О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних“», пересматривающий условия наказания. Если по постановлению от 7 апреля 1935 г. детей с 12 лет

могли привлечь к уголовной ответственности только по умышленным мотивам, то данный указ обязывал судить детей по всей строгости уголовного законодательства за преступления, совершенные по неосторожности [16].

Тяготы Великой Отечественной войны, а также колоссальные потери стали поводом для появления постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [3, с. 376—377]. Постановление обязывало все структуры власти обустроить детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность. С этой целью при исполкомах должны были создаваться комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. НКВД СССР обязано было заниматься выявлением безнадзорных детей и размещением их в своих приемниках-распределителях. При этом в детские приемники-распределители направлялись дети в возрасте до 15 лет включительно на срок не более двух недель. Далее, в случае невозможности возвращения детей родителям, дети до 14 лет направлялись через органы народного образования в соответствующие детские учреждения или определялись на патронирование, а дети старше 14 лет устраивались приемником-распределителем НКВД СССР по разверстке наркомпросов республик на работу в промышленность или сельское хозяйство. Дети в возрасте до трех лет включительно, поступавшие в приемник-распределитель, должны были немедленно направляться через местные органы здравоохранения в детские учреждения или на патронирование. Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР было разрешено производить набор детей из детских домов и детей, оставшихся без родителей, от 14 лет и старше для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах с соблюдением правил приема. Наркомпромы республик должны были направлять на работу в промышленность и сельское хозяйство детей старше 14 лет, находившихся в детских домах, за исключением детей, поступавших в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Таким образом, данным постановлением, с одной стороны, предписывалось оказывать помощь и заботу несовершеннолетним, оставшимся без родителей, а с другой — принудительно трудиться на промышленных и сельскохозяйственных объектах.

Циркуляром НКВД СССР № 208 «О трудовом режиме несовершеннолетних заключенных, содержащихся в трудовых колониях для несовершеннолетних, в исправительно-трудовых лагерях и общих колониях» от 22 апреля 1943 г. для детей-заключенных были установлены нормы суточной работы на производстве и в учебных мастерских: 4 ч — для несовершеннолетних заключенных в возрасте от 12 до 14 лет; 6 ч — для детей от 14 до 16 лет; 8 ч — для подростков от 16 до 18 лет [3, с. 380].

15 июня 1943 г. было опубликовано очередное постановление СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [3, с. 383—384]. Документом было предписано с 1943 г. открыть дополнительно трудовые воспитательные колонии для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях. Также планировалось к 1943 г. довести общее число мест для несовершеннолетних во всех колониях НКВД СССР до 50 000. В постановлении были оговорены основные условия приема в трудовые воспитательные колонии. По возрасту — дети от 11 до 16 лет. По категориям: а) беспризорные дети, вообще не имевшие родителей или длительное время жившие без родителей и без определенного местожительства; б) дети, задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых будет признано нецелесообразным; в) воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме.

Также всем государственным структурам были даны предписания по работе в данном направлении. В частности, НКВД СССР, Прокуратуре СССР и Наркомюсту СССР было поручено издать инструкцию о порядке направления детей и подростков в трудовые воспитательные колонии и сроках их содержания. Наркомюсту СССР — дать указание судам об усилении борьбы с хулиганством и преступностью несовершеннолетних и обеспечить своевременное рассмотрение дел в судах. НКВД СССР — повсеместно в составе дорожных отделов милиции организовать отделы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Наркомпросу — выделить учителей и обеспечить учебными принадлежностями и т. д.

Практически сразу после выхода постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. были разработаны и опубликованы дополнительные нормативные документы: инструкция НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г. № 326/52/45 «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых и воспитательных колониях НКВД СССР» [3, с. 384—387], а также приказ НКВД СССР от 21 июня 1943 г. № 0246 «Об организации отделов (отделений) по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и о создании трудовых воспитательных колоний НКВД» [3, с. 387—390].

Необходимо отметить, что принятие этих приказов и инструкций подтверждает политику ужесточения репрессивного режима в отношении несовершеннолетних. Во-первых, изменился возраст приема в колонии — с 11 лет, тогда как ранее было с 12 лет. Для сотрудников НКВД упростилось делопроизводство по ведению незначительных преступлений. Если ранее возбуждалось уголовное дело, то теперь сразу отправляли на принудительный труд. Эта мера не только лишила подростков возможности оправдаться, доказать свою невиновность, а впоследствии значительно усложнила им процесс реабилитации. Это еще раз доказывает, что государство максимально использовало бесплатный детский принудительный труд.

Поскольку именно в годы войны наблюдался резкий рост численности беспризорных, безнадзорных несовершеннолетних, а также детей в стенах ГУЛАГа, советское законодательство пополнилось существенным количеством нормативных документов, направленных не только на ликвидацию беспризорности и безнадзорности, но и на регулирование процессов нахождения детей в карательных и воспитательных учреждениях. К примеру, постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов», приказ комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР от 13 сентября 1943 г. № 95/591 «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД» [3, с. 390—393] и т. д.

Таким образом, на данном этапе стратегическая политика советской власти была направлена на увеличение численности детей, подростков и женщин в пенитенциарной системе. Детей с 11 лет принудительно заставляли работать на промышленных и сельскохозяйственных объектах. У каждой возрастной группы была своя часовая норма отработки. Детский труд был настолько выгоден для государства, что практически ежегодно давались планы не только по увеличению контингента, но и расширению сетей детских трудовых и трудовых воспитательных колоний.

4 этап: 18 января 1945 г. — 24 марта 1956 г. Этап связан со смягчением репрессивной политики в отношении детей, а также разработкой государственных мер, направленных на улучшение их содержания.

К концу войны государство пошло на незначительное смягчение режима в отношении женщин и детей. 18 января 1945 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных бе-

ременных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста» [3, с. 426]. От дальнейшего отбывания наказания в местах заключения были освобождены осужденные беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей дошкольного возраста, кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства по закону от 7 августа 1932 г. и рецидивисток. Также освобождению подлежали женщины, у которых в семье имелись дети дошкольного возраста, при условии отбытия ими к моменту издания данного указа половины срока наказания, за исключением осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства по закону от 7 августа 1932 г., и рецидивисток. Однако в указе было прописано, что в случае совершения женщинами новых преступлений они подвергались наиболее суровой мере наказания, предусмотренной законом.

С середины 1940-х гг. государство принимает ряд мер, направленных на улучшение функционирования учреждений и структур, которые работали с несовершеннолетним контингентом. В частности, распоряжение НКВД СССР от 29 января 1946 г. «О проверке в детских приемниках-распределителях НКВД документов о передаче детей родным, в детские дома, а также расходных документов, представляемых эвакуаторами по перевозке детей»; директива НКВД СССР от 14 февраля 1946 г. «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью»; приказ МВД СССР от 25 апреля 1947 г. «О мероприятиях по выполнению постановления Совета Министров СССР „Об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей”» [3, с. 450—451, 466—467] и т. д.

Также были приняты нормативные документы о поощрении воспитанников колоний. 27 ноября 1947 г. была опубликована директива МВД СССР № 119 «Об условно-досрочном освобождении из детских трудовых колоний», в соответствии с которой воспитанникам, показавшим хорошие образцы поведения в колонии на производстве, в школе, в быту, могли разрешить условно-досрочное освобождение и сокращение срока наказания [3, с. 272].

Острая нехватка квалифицированных специалистов во всех сферах послевоенного экономического производства требовала дополнительных рук. С этой целью был издан приказ МВД СССР от 22 апреля 1946 г. № 157 «О производственном профиле в детских трудовых и трудовых воспитательных колониях МВД СССР», который регламентировал с 1 августа 1946 г. произвести перестройку производства во всех трудовых и трудовых воспитательных колониях по Союзу на определенный профиль [3, с. 453].

21 февраля 1947 г. всем МВД республик и начальникам УМВД по краям и областям от министра МВД СССР под грифом «секретно» была отправлена телеграмма, обязывающая их передать из приемников-распределителей, из детских трудовых воспитательных колоний подростков в возрасте 16—17 лет, неосужденных и не подлежащих дальнейшему содержанию в колониях [3, с. 461].

На принудительное профессиональное обучение воспитанников колоний было направлено и распоряжение МВД СССР от 9 сентября 1947 г. № 568 «Об отборе подростков из трудовых воспитательных колоний и приемников-распределителей и передачу их в школы ФЗО и специальные ремесленные училища» [3, с. 469]. Согласно данному распоряжению по спущенному сверху плану всем начальникам трудовых воспитательных колоний и приемников-распределителей предписывалось немедленно организовать отбор подростков и обеспечить их передачу в школы ФЗО и специальные ремесленные училища.

В 1949 г. были приняты указы и постановления, которые значительно смягчали режим для заключенных женщин и их детей. В частности, указ

Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1949 г. «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» постановлял освободить от дальнейшего отбывания наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до 7 лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, умышленное убийство, разбой, хищение социалистической собственности, совершенное повторно, организованной группой (шайкой) или в крупных размерах [3, с. 477]. Такое решение было принято в связи с высокими затратами на содержание детей. Указ президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1949 г. «О возрасте детей, которые могут находиться при осужденных материях в местах заключения» регламентировал, что заключенная женщина имеет возможность иметь при себе ребенка в возрасте до двух лет. Детей старше двух лет передавали либо родственникам, либо в детские учреждения Министерства просвещения и здравоохранения [3, с. 477—478].

С целью улучшения работы в детских учреждениях были разработаны директивы НКВД: от 14 февраля 1946 г. «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью»; от 23 мая 1946 г. «О мероприятиях по предупреждению преступлений со стороны воспитанников детских трудовых и трудовых воспитательных колоний МВД» и др. [3, с. 451, 454—455]

Под особый контроль были взяты и детские дома. 4 декабря 1951 г. был опубликован приказ МВД СССР № 934 «С объявлением Постановления Совета Министров СССР от 26 ноября 1951 года № 4857 („О мероприятиях по дальнейшему улучшению работы детских домов и усилению контроля за их учебно-воспитательной и финансово-хозяйственной деятельностью”)», а также приказ МВД СССР от 12 февраля 1954 г. № 59 «О мероприятиях по улучшению работы детских домов». Если в первом приказе отмечались такие нарушения, как передача другим организациям закрепленных за детскими домами зданий; отсутствие педагогического образования у директоров и воспитателей детских домов; растраты и хищения финансов, детского питания; слабая организация учебно-воспитательной деятельности, то во втором приказе — несвоевременное снабжение продуктами питания по утвержденным нормам; неустранение причин, вызывающих побег воспитанников из детских домов и детских приемников-распределителей; неудовлетворительное медицинское обслуживание детских домов; слабое трудоустройство и т. д. [3, с. 492—494, 507—510]

Советское государство решило проблему с беспризорностью и безнадзорностью только в начале 1950-х гг. Постановление Совмина СССР от 8 апреля 1952 г. № 1708 «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР» закрепило правовые и организационные нормы, регламентирующие процесс от приема детей всех категорий и до их выпуска [3, с. 494—501].

28 января 1954 г. был опубликован приказ Минюста СССР и МВД СССР № 005/0041 «О передаче из Министерства юстиции в Министерство внутренних дел СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний», согласно которому на МВД СССР были возложены содержание, охрана и персональный учет всех осужденных к лишению свободы, организация и проведение исправительно-трудовых работ, а также содержание воспитанников детских воспитательных колоний и приемников-распределителей [3, с. 505].

В 1954 г. правовые ограничения были сняты и в отношении детей спецпереселенцев. Согласно приказу МВД СССР от 16 июля 1954 г. № 00597 «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев», с учета органов МВД были сняты дети спецпоселенцев всех категорий, родившиеся после 31 декабря 1937 г. Впредь они не подлежали никакому учету. Детям старше 16 лет для поступления в учебные заведения бы-

ло разрешено выезжать в любой пункт страны. Зачисленных в учебные заведения снимали с учета спецпоселения по заключениям МВД — УМВД [3, с. 512].

В 1955 г. вышел ряд приказов МВД СССР, направленных на расширение сети детских колоний в связи с переполнением имеющихся. Как отмечалось в приказе МВД СССР от 10 ноября 1955 г. № 0535 «О расширении сети детских колоний и установлении лимитной емкости существующих детских колоний МВД СССР», «существующая сеть детских колоний не обеспечивает размещение поступающих из тюрем осужденных несовершеннолетних, а также детей и подростков, подлежащих направлению в воспитательные колонии, что влечет за собой переполнение многих детских колоний и ведет к нарушению правил содержания воспитанников, затрудняет организацию воспитательной работы, школьного и профессионального обучения» [3, с. 523—532]. Следует отметить, что расширение сетей произошло за счет передачи освободившихся лагпунктов и лаготделений ИТЛ.

Таким образом, четвертый этап существенно отличался от предыдущих. Безусловно, в первые годы после окончания войны режим для детей был достаточно строг. Сохранялся особый режим, вводились более суровые возрастные критерии и сроки наказания. Однако к концу 1940-х гг. наблюдается сокращение нормативных документов по репрессиям и применению строгих мер наказания в отношении детей. Государство стало принимать меры по улучшению содержания детей в колониях.

5 этап: 24 марта 1956 г. — 25 декабря 1958 г. Данный этап связан с ликвидацией «детского ГУЛАГа» и полным прекращением репрессий в отношении несовершеннолетних граждан Советского государства.

24 марта 1956 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления», который дал надежду осужденным за эти преступления на долгожданное освобождение. После этого указа под грифом «совершенно секретно» был опубликован приказ МВД СССР от 3 апреля 1956 г. № 0089 «О порядке исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 года „О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления“». Согласно указу освобождению подлежали все несовершеннолетние, а также беременные женщины и женщины с детьми. Было дано указание на трудовое устройство несовершеннолетних, освобожденных из детских трудовых колоний, а также на устройство их в средние школы, ремесленные училища и школы ФЗО до начала учебного года [3, с. 533—535].

19 июля 1956 г. приказом МВД СССР было принято новое положение о детских трудовых колониях, согласно которому был изменен возраст содержания в колониях до 18 лет, тогда как положения 1930—1940-х гг. возраст ограничивали 16 годами [3, с. 536—544].

Одним из признаков гуманизации законодательства в отношении детей явилось создание попечительского совета при детских колониях МВД СССР. В распоряжении МВД СССР от 4 августа 1956 г. № 240 отмечалось, что перед попечительским советом, являющимся органом общественности, стоит задача оказывать помощь детской колонии в улучшении воспитания, обучения и содержания воспитанников. Попечительский совет совместно с партийными, советскими, комсомольскими и профсоюзными организациями оказывал помощь колонии в улучшении постановки обучения и воспитания подростков, организации здорового и дружного детского коллектива, организации культурного досуга, развитии физкультуры и спорта и т. д. [3, с. 546—548]

25 декабря 1958 г. был принят Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик», который устанавливал

ливал возраст уголовной ответственности 16 лет. Лица в возрасте от 14 до 16 лет могли быть привлечены к уголовной ответственности только за совершение таких преступлений, как убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование и т. д. [17]

Таким образом, пятый этап был связан с прекращением репрессий в отношении детей. Женщины и дети, отбывавшие наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления, были полностью освобождены. Возрастные рамки детей, содержащихся в колониях, были изменены с 16 на 18 лет, а сроки наступления уголовной ответственности передвинуты с 14 на 16 лет. В целом в начале 1950-х гг. происходит зарождение целостной системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и защиты их прав, гуманизация законодательства об ответственности подростков, широкое применение к ним мер педагогического, воспитательного характера, усиление внимания к ранней профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, сокращение карательных мер, оказание социальной помощи детям в трудной жизненной ситуации.

Из сказанного следует, что укрепление советского режима осуществлялось за счет применения различных способов политической борьбы и репрессивных механизмов. Экономические и социально-политические мероприятия советской власти породили различные негативные последствия, в том числе сиротство, беспризорность, безнадзорность и преступность несовершеннолетних. В соответствии с режимом в педагогическом воспитании была избрана репрессивно-карательная модель, которая не щадила детей, а наоборот, приносили им моральные и физические страдания. С этой целью советскими органами была разработана специальная нормативно-правовая база, которая позволяла естественным образом признавать социально опасных детей изгоями общества и воспитывать их своими методами. Данная правовая база не только не соответствовала нормам и принципам международного права, но и шла вразрез с официальной советской правовой системой. Каждый этап имел свои отличительные черты. Если первый этап характеризовался началом формирования репрессивной нормативной базы в отношении детей, то второй этап, совпавший с периодом массового террора — утверждением и усилением репрессий, пик которых приходится на годы Великой Отечественной войны и период депортации. Начало гуманизации советского законодательства в четвертом и пятом периодах проявилось в послаблении карательных мер и разработке нормативных документов, направленных на свертывание репрессий и ликвидацию «детского ГУЛАГа».

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992. 907 с. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 10.07.2023).
2. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сборник документов за 1917—1947 гг. / сост. канд. пед. наук Н. И. Болдырев. М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. 320 с.
3. Дети ГУЛАГа. 1918—1956 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский и др. М. : МФД, 2002. 631 с.
4. Инструкция комиссиям по делам о несовершеннолетних : постановление Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 30 июля 1920 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик : [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_739.htm
5. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. Т. XII. Декабрь 1920 г. — январь 1921 г. М. : Политиздат, 1986. 428 с.
6. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. / предисл. Д. И. Курского. М. : Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК, 1924. 446 с.

7. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. : офиц. текст с изм. на 1 июля 1950 г. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 256 с.
8. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. М. : Издание ЦИК СССР, 1937. 37 с.
9. Уголовный кодекс РСФСР : редакция 1926 г. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 78 с.
10. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР : постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 1 авг. 1933 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (дата обращения: 17.06.2023).
11. Шуткова Е. Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних: 1917—1953 : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 302 с.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939 : док. и материалы : в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929—декабрь 1930 / отв. ред. Н. Ивницкий. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 927 с.
13. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930—1940 гг. : в 2 кн. Кн. 1. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 912 с.
14. Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью : постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 25 нояб. 1935 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР : [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (дата обращения: 28.04.2023).
15. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собр. док. в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. 726 с.
16. О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» : указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131175> (дата обращения: 28.04.2023).
17. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 21 декабря 1958 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР : [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5358.htm (дата обращения: 28.04.2023).

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az', 1992. 907 p. Available at: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegov_a_d.txt (accessed: 10.07.2023).
2. Boldyrev N.I. (ed.). Direktivy VKP(b) i postanovleniya Sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii: sbornik dokumentov za 1917–1947 gg. [The directives of the CPSU(b) and the resolutions of the Soviet government on public education: a collection of documents for 1917–1947]. Moscow ; Leningrad, Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1947, 320 p.
3. Jakovleva A.N., Vilenskij S.S. (eds.). Deti GULAGa. 1918–1956 [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow, MFD, 2002, 631 p.
4. Instrukcija komissijam po delam o nesovershennoletnih : postanovlenie Narkomprosa RSFSR, Narkomzdrava RSFSR, Narkomjusta RSFSR ot 30 ijulja 1920 g. [Instructions to commissions on juvenile cases : resolution of the People's Commissariat of the RSFSR, People's Commissariat of Health of the RSFSR, People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated July 30, 1920], *Biiblioteka normativno-pravovykh aktov Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh respublik* [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics], [sajt]. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_739.htm
5. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS, In-t istorii SSSR AN SSSR. Dekrety Sovetskoj vlasti. Vol. XII. Dekabr' 1920 g. – janvar' 1921 g. [Decrees of the Soviet government. Vol. XII. Dec. 1920–Jan. 1921]. Moscow, Politizdat, 1986, 428 p.
6. Kurskogo D.I. (ed.). Ugolovnyj kodeks RSFSR ot 1 ijunja 1922 g. [The Criminal Code of the RSFSR of June 1, 1922]. Moscow, Voennaja kollegija Verhovnogo tribunala VCIK, 1924, 446 p.
7. Ugolovnyj kodeks RSFSR 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR of 1926]: ofic. tekst s izm. na 1 ijulja 1950 g. Moscow, Gos. izd-vo jurid. lit., 1950, 256 p.
8. Konstitucija Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik 1936 goda [The Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics of 1936]. Moscow, Izdanie CIK SSSR, 1937, 37 p.
9. Ugolovnyj kodeks RSFSR : redakcija 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR : revised in 1926]. Moscow, Jurid. izd-vo NKJu RSFSR, 1926, 78 p.
10. Ob utverzhenii Ispravitel'no-trudovogo kodeksa RSFSR [On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR]: postanovlenie VCIK RSFSR i SNK RSFSR ot 1 avg. 1933 g. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (accessed: 17.06.2023).
11. Shutkova E. Ju. Sovetskie politicheskie repressii v otnoshenii nesovershennoletnih: 1917–1953 [Soviet political repression of minors: 1917–1953] : dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2003, 302 p.

12. Ivnickij N. (ed.). Tragedija sovetsoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939 [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939] : dok. i materialy : v 5 t. T. 2. Nojabr' 1929 – dekabr' 1930. Moscow : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2000, 927 p.
13. Politburo i krest'janstvo: vysylka, specposelenie 1930–1940 gg. [The Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement of 1930–1940] : v 2 kn. Kn. 1. Moscow : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2005, 912 p.
14. Ob izmenenii dejstvujushhego zakonodatel'stva RSFSR o merah bor'by s prestupno-st'ju sredi nesovershennoletnih, s detskoj besprizornost'ju i beznadzornost'ju [On the amendment of the current legislation of the RSFSR on measures to combat juvenile delinquency, child homelessness and neglect] : postanovlenie VCIK RSFSR i SNK RSFSR ot 25 nojab.1935 g., *Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR* [Library of normative Legal Acts of the USSR], [sajt]. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (accessed: 28.04.2023).
15. Istorija stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaja polovina 1950-h godov [The history of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s] : sobr. dok. v 7 t. T. 1. Massovyje repressii v SSSR [Mass repressions in the USSR]. Moscow, ROSSPJeN, 2004, 726 p.
16. O primenenii sudami Postanovlenija CIK i SNK SSSR ot 7 aprelja 1935 g. «O merah bor'by s prestupnost'ju sredi nesovershennoletnih» : ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta CCCP ot 7 ijulja 1941 g. [On the application by the courts of the Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR dated April 7, 1935 "On measures to combat juvenile delinquency"], *Jelektronnaja biblioteka istoricheskikh dokumentov* [Electronic Library of Historical documents], [sajt]. Available at: [<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131175>] (accessed: 28.04.2023).
17. Ob utverzhenii Osnov ugolovnogo zakonodatel'stva Sojuza SSR i sojuznyh respublik [On the approval of the Fundamentals of the Criminal legislation of the USSR and the Union Republics]: Zakon SSSR ot 21 dekabnja 1958 g., *Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR* [Library of normative Legal Acts of the USSR], [sajt]. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5358.htm (accessed: 28.04.2023).

Информация об авторах

Абдрахманова Кымбат Казалиевна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Сактаганова Зауреш Галимжановна — доктор исторических наук, профессор-исследователь кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: zauresh63@mail.ru

Information about the authors

Kymbat K. Abdrakhmanova — candidate of historical sciences, associate professor of the department of archeology, ethnology and national history, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Zauresh G. Saktaganova — doctor of historical sciences, research professor of the Department of Archeology, Ethnology and National History, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: zauresh63@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 123—133.
Siberia Humanitarian. 2023;(4):123—133.

Репрессивная политика в отношении детей в 1930—1950-х гг.

Научная статья
УДК 343.815(574)«1943/1945»
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-123-133

Трудовые воспитательные колонии НКВД для несовершеннолетних в Казахской ССР в 1943—1945 гг.

Жанара Кадировна Абдукаримова

Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан,
zhanara1307@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена история создания и деятельность трудовых воспитательных колоний НКВД в Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны как одна из мер по борьбе с беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью. На примере Шокайской и Казалинской трудовых воспитательных колоний автор поднимает проблемы, связанные с открытием и работой данного типа учреждений, поскольку колонии открывались в условиях чрезвычайной спешки и не могли обеспечить воспитанникам удовлетворительных условий содержания. Автором проведен анализ причин направления подростков в трудовые воспитательные колонии. При написании статьи были использованы материалы казахстанских и российских архивов.

Ключевые слова: трудовая воспитательная колония, детские приемники-распределители, беспризорность, безнадзорность, детская преступность, Казахстан, Великая Отечественная война

Благодарности: Статья написана в рамках реализации конкурса на грантовое финансирование исследований молодых ученых по проекту «Жас ғалым» на 2022—2024 гг. ИРН AP14973000 «Советское детство в Казахстане в годы войны (1941—1945 гг.): история и повседневность».

Для цитирования: Абдукаримова Ж. К. Трудовые воспитательные колонии НКВД для несовершеннолетних в Казахской ССР в 1943—1945 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 123—133. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-123-133.

The repressive policy towards children in the 1930s—1950s

Original article

Labor educational colonies of the NKVD for minors in the Kazakh SSR in 1943—1945

Zhanara K. Abdukarimova

Karagandy Buketov University, zhanara1307@mail.ru

Abstract. The article considers the history of the establishment and activities of the NKVD labor educational colonies in the Kazakh SSR during the Great Patriotic War as one of the measures to combat homelessness, neglect and juvenile criminality. On the example of Shokai and Kazalinsk labor educational colonies the author raise the problems associated with the opening and work of this type of institutions, because the colonies were opened in conditions of extreme haste and could not provide the pupils with satisfactory conditions of detention. The author analyze the reasons for sending teenagers to labor

educational colonies. Materials from Kazakhstani and Russian archives were used in writing this article.

Keywords: labor educational colony, children's reception and distribution centers, homelessness, neglect, child delinquency, Kazakhstan, Great Patriotic War

Acknowledgments: The article was written within the framework of the implementation of the competition for grant funding of research of young scientists under the project "Zhas galym" for 2022-2024. IRN AP14973000 "Soviet childhood in Kazakhstan during the war years (1941—1945): history and everyday life".

For citation: Abdugarimova Z.K. Labor educational colonies of the NKVD for minors in the Kazakh SSR in 1943—1945. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):123—133. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-123-133.

Трудовые воспитательные колонии (ТВК) НКВД для несовершеннолетних в годы войны стали одним из инструментов государственной политики в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Детские трудовые воспитательные колонии играли важную роль в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Как отмечает британский исследователь О. Кучеренко, ТВК были созданы в рамках усилий по предотвращению и контролю правонарушений и бездомности. Если уже существовавшие трудовые колонии (ТК) принимали несовершеннолетних осужденных, то ТВК должны были содержать бездомных подростков, мелких воров, закоренелых беглецов и нарушителей общественного порядка в возрасте от 11 до 16 лет. Общей целью этих учреждений были не репрессии, а воспитание, и НКВД, управлявший обоими типами колоний, утверждал, что его воспитанники получают соответствующее социалистическое воспитание и профессиональную квалификацию, необходимые для их ресоциализации. Кроме того, процесс приносил большую пользу экономике военного времени [1, с. 429].

Имеется ряд работ, в которых поднимаются проблемы беспризорности, безнадзорности, детской преступности, а также работы детских исправительных учреждений в годы Великой Отечественной войны [2—4]. Истории создания и функционирования исправительных учреждений Казахстана посвящена монография С. К. Бастемиева, в которой анализируется история становления современных исправительных учреждений в Казахстане начиная с XVIII в. [5] Однако до сих пор не стали специальным объектом изучения историков организованные в Казахской ССР ТВК НКВД. Региональный аспект работы детских исправительных учреждений рассматривается З. Г. Сактагановой, Ж. К. Абдукаримовой. На примере Шокайской трудовой воспитательной колонии НКВД авторы дают анализ причин поступления подростков в ТВК, исследуют по возрастному и национальному составу контингент, а также условия пребывания воспитанников, материально-техническую базу колонии, школьное и трудовое обучение подростков [6].

У российских исследователей имеется ряд работ, посвященных этим вопросам. Авторы, опираясь на материалы центральных и региональных архивов, исследуют историю создания и функционирования трудовых воспитательных колоний по регионам России [7—10]. Н. В. Ляскина исследует проблемы социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей в условиях трудовых воспитательных колоний в годы войны, дает общую характеристику ТВК как учреждения, входящего в систему органов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, уделяя особое внимание истории Юхтинской трудовой воспитательной колонии [11].

Опубликовано значительное число исследований в которых освещается работа органов внутренних дел СССР, анализируется нормативно-правовая база, а также репрессивная политика Советского государства в отношении детей и подростков [12—18].

Исследователь детства в годы войны О. Кучеренко пишет о том, что государство, пытаясь поддержать порядок в тылу и отчистить улицы от непо-

слушной молодежи, выбрало двуединую стратегию реабилитации и исключения. И мало кто был против, стратегия получила общественную поддержку. Настоящий беспризорник не вызывал ничего, кроме негодования и презрения в обществе. Однако господствовавшая тенденция к изоляции и фактическому исключению непослушных несовершеннолетних из общества имела пагубные последствия для воспитательного процесса в целом. Многие учителя просто отказались от педагогических методов в отношении некоторых наиболее недисциплинированных учеников. Они требовали ужесточения наказаний и рекомендовали перевод их в трудовые воспитательные колонии [1].

В трудовые воспитательные колонии направлялись дети от 11 до 16 лет:

- а) беспризорные, не имеющие родителей вовсе или длительное время живущие без родителей и не имеющие определенного места жительства;
- б) задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых будет признано нецелесообразным;
- в) воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме [19].

ТВК для несовершеннолетних были созданы в 1943 г. согласно постановлению СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [20]. Высокий уровень детской беспризорности и безнадзорности в Казахской ССР в годы войны сделал необходимым открытие новых пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних. На основании указанного постановления согласно приказу народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии от 21 июня 1943 г. № 0246 в Казахской ССР были организованы трудовые воспитательные колонии НКВД для беспризорных и безнадзорных детей на 1 000 мест.

Колонии предполагалось организовывать на базе школ ФЗО и ремесленных училищ, которые должны были быть переданы НКВД Управлением трудовых резервов при СНК. В августе 1943 г. НКВД КазССР был поставлен вопрос о передаче нескольких ремесленных училищ и школ ФЗО, необходимых для организации трех трудовых воспитательных колоний, рассчитанных на 600 воспитанников. Но Главное управление трудовых резервов при СНК СССР согласия на передачу ремесленных училищ не дало. В связи с этим НКВД КазССР начиная с августа 1943 г. до конца года неоднократно ставило вопросы перед Совнаркомом КазССР о выделении помещений для организации трудовых воспитательных колоний, но вопрос положительно не был разрешен до февраля 1944 г. [21, л. 28]

Всего в СССР в 1943 г. было организовано 14 трудовых и 48 трудовых воспитательных колоний НКВД для несовершеннолетних [20]. К маю 1944 г. в СССР вели свою работу 40 ТВК с общей емкостью 24 000 мест, из них 36 колоний для мальчиков с емкостью 21 850 мест, четыре колонии для девочек с емкостью 2 150 мест [22, л. 85]. По состоянию на 1 мая 1944 г. в Казахской ССР имелось четыре ТВК для несовершеннолетних: Джамбульская, Казалинская, Чок-Пакская и Шокайская.

В декабре 1943 г. по приказу НКВД СССР от 17 сентября 1943 г. № 1037 в Карагандинской области была открыта Шокайская трудовая воспитательная колония для мальчиков на 250 мест в помещении бывшей исправительной трудовой колонии № 8 для взрослых заключенных УИТЛК НКВД КазССР [21, л. 29]. В феврале 1944 г. НКВД СССР был решен вопрос о передаче НКВД КазССР помещения военного городка НКВД в городе Казалинске, на базе которого была организована трудовая воспитательная колония на 500 мест для мальчиков. Распоряжением СНК КазССР НКВД был передан поселок Чокпай Джувалинского района Южно-Казахстанской области.

В этом поселке была организована еще одна трудовая воспитательная колония для несовершеннолетних на 500 мест для мальчиков. Обе колонии (Чокпакская и Казалинская) были открыты в марте 1944 г. Таким образом, хоть и с большим опозданием, но приказ НКВД СССР № 0246 от 21 июня 1943 г. в Казахстане был выполнен. В связи с тем что в приемники-распределители НКВД поступали и девочки, рассматривался вопрос об открытии трудовой воспитательной колонии для девочек на 250 мест, но проект так и остался нереализованным [21, л. 30].

Весной 1944 г. в Казахстане вели работу четыре ТВК, рассчитанные на 1 350 человек, но фактически на 1 мая 1944 г. в колонии содержался 471 воспитанник (табл. 1). Это было связано с тем, что колонии, недавно организованные, еще не были полностью укомплектованы. Но в процессе работы контингент колоний увеличивался. Например, в Шокайской ТВК к концу 1944 г. было уже 253 человека [23].

Таблица 1

Укомплектованность трудовых воспитательных колоний НКВД в Казахской ССР в 1944 г.*
The staffing of NKVD labor educational colonies in the Kazakh SSR in 1944

Колония	Емкость	Количество воспитанников на 1 мая 1944 г., человек
Джамбульская	300	194
Казалинская	500	44
Чок-Пакская	300	41
Шокайская	250	192

* Таблица составлена на основе данных Государственного архива Российской Федерации [22, л. 85].

В ТВК из детских приемников-распределителей было направлено подростков: в 1943 г. — 4 624 человека, в 1944 г. — 25 140 человек, в 1945 г. — 28 066 человек, в 1946 г. — 19 034 человека [20, л. 29]. Как мы видим, в военные годы количество детей, направляемых из детских приемников-распределителей в ТВК, ежегодно увеличивалось. Это было связано с усиленной работой органов милиции по изъятию с улицы беспризорных и безнадзорных детей, а также с увеличением числа таких детей.

Особенно часто в ТВК попадали дети, осужденные согласно указу от 28 декабря 1940 г.: учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за самовольный уход из училища (школы), а также за систематическое и грубое нарушение школьной дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы), подвергались по приговору суда заключению в трудовые воспитательные колонии сроком до одного года (табл. 2) [19]. Зачастую дети, направленные в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища или на работу на заводы, шахты, не осознавали всей ответственности за уход с места работы или учебы. Как правило, физически или психологически не справляясь с нагрузкой, они самовольно уходили, не зная, что за это их ждет уголовная ответственность с лишением свободы сроком до одного года. Например, в Шокайской ТВК подростки, отбывавшие срок по указу от 28 декабря 1940 г., составляли более 60 % [24, л. 1—3].

Таблица 2

Движение и контингент воспитанников трудовых воспитательных колоний НКВД в Казахской ССР в 1944 г.*
The movement and contingent of inmates of NKVD labor educational colonies in the Kazakh SSR in 1944

Параметр	Шокайская					Джамбульская					Чок-Пакская					Казалинская				
	I	II	III	IV	За год	I	II	III	IV	За год	I	II	III	IV	За год	I	II	III	IV	За год
На начало квартала	31	126	244	242	643	н/д	145	216	254	615	н/д	н/д	175	266	441	н/д	н/д	122	113	235
Прибыло всего	99	131	13	36	279	155	209	88	40	492	н/д	184	98	93	375	н/д	145	58	11	214
Из них:																				
беспризорных	59	75	7	10	151	66	154	81	31	332	н/д	172	90	77	339	н/д	65	21	1	87
безнадзорных	40	56	6	26	128	89	55	7	9	160	н/д	12	8	16	36	н/д	80	37	10	127
В том числе:																				
сбежавших от родителей	10	1	1	н/д	12	7	н/д	3	2	12	н/д	18	н/д	н/д	18	н/д	10	3	н/д	13
занимавшихся бродяжничеством	59	54	6	1	120	54	198	74	30	356	н/д	39	н/д	н/д	39	н/д	24	8	2	34
сбежавших из ремесленных училищ	2	н/д	н/д	н/д	2	2	2	н/д	2	6	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	4	н/д	н/д	4
сбежавших из школ ФЗО	7	н/д	н/д	н/д	7	5	8	2	2	17	н/д	9	н/д	н/д	9	н/д	24	н/д	н/д	24
сбежавших из детских домов	11	26	н/д	н/д	37	4	н/д	3	4	11	н/д	104	н/д	72	176	н/д	35	5	н/д	40
направленных по решению судебно-следственных органов	10	50	5	35	100	83	1	6	н/д	90	н/д	14	96	14	124	н/д	24	39	9	72
прочее	н/д	н/д	1	н/д	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	7	9	н/д	24	3	н/д	27
Убыло	4	13	15	21	53	10	138	50	39	237	н/д	9	7	25	41	н/д	23	67	15	105

* Таблица составлена на основе данных Государственного архива Российской Федерации: [25, л. 34].

Отсутствие в таблице некоторых данных не влияет на общую картину причин поступления детей в ТВК. Анализ причин попадания подростков в ТВК показывает, что безнадзорные дети реже становились воспитанниками ТВК (40 %). Большинство детей, направленных в колонии, были беспризорными, как по всем ТВК, так и по каждой в отдельности.

Среди основных причин, по которым подростки попадали в ТВК, были бродяжничество, судебное решение, побеги из детских домов. Дети, занимавшиеся бродяжничеством, могли быть эвакуированными, детьми спецпереселенцев, сиротами в результате войны и т. д. Подростки чаще всего были осуждены за самовольный уход с работы или места учебы, что в годы войны считалось уголовным преступлением.

Подростки, бежавшие из ремесленных училищ, школ ФЗО, часто делали это из-за неустроенного быта, тяжелой непосильной работы. Самыми частыми побегами были побеги из детских домов Наркомпроса. Причинами побегов были скудность питания, отсутствие предметов первой необходимости и вещевого довольства, конфликты с педагогами и руководством детских домов, а также желание найти родных или вернуться на родину. Меньше всего случаев побегов от родителей, поскольку жизнь в семье, пусть и неполной, в стесненных материально-бытовых условиях, все же гораздо лучше, чем в детском доме или общежитии ремесленного училища или школы ФЗО.

На примере некоторых ТВК рассмотрим процесс организации и функционирования колоний в годы Великой Отечественной войны в Казахской ССР. ТВК должны были на 100 % содержать своих воспитанников, обеспечивая их питанием, проживанием, обмундированием, медицинским обслуживанием, школьным и производственным обучением. На деле не все эти пункты выполнялись в силу различных причин, основной среди которых была проблема финансирования трудовых воспитательных колоний государством.

Шокайская трудовая воспитательная колония, организованная на базе исправительно-трудовой колонии № 8 УИТЛК КазССР, была расположена на территории Тельманского района Карагандинской области у разъезда № 58 Карагандинской железной дороги (44 км от Караганды). В докладной записке начальнику отдела НКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью давалась подробная характеристика места, где открывалась трудовая воспитательная колония: местности, климата, водных источников и т. д. Местность представляла собой типичную для этой части страны степь, пересеченную невысокими холмами со слабо развитой растительностью. Климат резко континентальный: зима суровая, с частыми бурями при температуре воздуха до минус сорока градусов. Постоянно дующие ветры с доминирующим северо-западным направлением достигали силы 8—10 баллов. Зимой были сильные снегопады, летом выпадало незначительное количество осадков. Почва в радиусе 6—10 км вокруг поселка суглинистая и значительно засоленная, в силу чего для обработки малопригодная. Вода с большим содержанием соли, источники питьевой находились на расстоянии трех км от колонии. Населенные пункты располагались в зоне примыкания железнодорожных линий, на расстоянии 15—30 км от колонии. Население в значительной степени составляли трудовые переселенцы из южных и западных областей СССР. Районный центр — пос. Токаревка, находился на расстоянии 16 км от ТВК.

Жилищно-коммунальные условия для воспитанников Шокайской трудовой воспитательной колонии не соответствовали нормам. Жилые здания для контингента воспитанников состояли из трех барakov (№ 18, 19, 20) примерно одинаковой площади (530 м²). Каждый барак разделен глухой стеной на две секции с двухсторонней штукатуркой, деревянными полами. На одного воспитанника приходилось примерно 2,5 м² жилой площади, которых было недостаточно для комфортного проживания. Для того чтобы

довести площадь проживания подопечных колонии до нормы, необходимо было бы построить еще одно здание такой же площади, но бюджет колонии на текущий (1944) год не позволил начать строительство [26, л. 34—35].

Воспитанникам детских трудовых воспитательных колоний было положено постоянное медицинское обслуживание. В Шокайской ТВК лечебный стационар и амбулатория занимали часть одного из зданий, в другой части которого был расположен красный уголок. Стационар имел восемь коек и занимал две небольшие комнаты, амбулатория занимала одну комнату. В этом же здании располагалась кухня для больных детей. Подсобных помещений не имелось вовсе. Для того чтобы обеспечить качественную лечебную работу и выполнять все требования, предъявляемые к лечебным учреждениям, необходимо было провести полную реконструкцию существующих помещений и в дальнейшем расширить их. Была на территории колонии и прачечная, но здание было ветхим и в планах был перенос ее в другой помещением (пристройка к бане). Для карантинного содержания вновь прибывших воспитанников использовалось здание бывшего изолятора, имеющее две комнаты с коридором, но и этой постройке требовалась реконструкция [26, л. 34—35].

В новоорганизованной Шокайской трудовой воспитательной колонии не было подходящего здания, которое могло быть использовано для школьного обучения воспитанников [26, л. 37]. Существовавшее на момент открытия Шокайской ТВК здание столовой по размерам и состоянию не могло быть признано годным для постоянного размещения в нем кухни-столовой. Единовременная максимальная вместимость обеденного зала была 80 человек, что совершенно недостаточно для соблюдения воспитанниками режима питания. Кухня и подсобные помещения по своему оборудованию и размерам также были признаны не подходящими для нормального обслуживания контингента [26, л. 35—36].

Казалинский военный городок, расположенный в черте города Казалинска Кызыл-Ординской области в 12 км от одноименной станции, представлял собой усадьбу в 32 га земли, огражденную изгородью из колючей проволоки высотой полтора метра. Для въезда в городок имелось двое ворот, которые требовали капитального ремонта. Усадьба находилась на берегу реки Сырдарьи, которая на момент открытия колонии протекала в одном километре от въезда в городок. Часть территории была засажена тополями, ивами и другими деревьями. На территории военного городка было расположено 21 сооружение. Основными были четыре казармы, столовая, кухня-клуб, электростанция, баня-санпропускник, санчасть, клуб-школа, штаб, овощехранилище и пять конюшен. Баня была в нерабочем состоянии, без капитального ремонта котла системы Шухова вводить ее в эксплуатацию было нельзя. За территорией зоны в непосредственной близости от городка располагался ряд построек: хлебопекарня, здание бывшей кузни, два общежития, одно из которых на момент начала работы ТВК на 75 % было заселено семьями командной части НКВД, ранее занимавшей городок. Все принимаемые новой колонией здания требовали капитального ремонта: перекладки печей, ремонта крыш, наружной штукатурки, ремонта фундамента, сплошной побелки, изготовления большого количества рам и их остекления и т. д. Но не хватало строительных материалов, стекла, чугунных печей, дверных ручек и т. д. Все здания освещались электричеством собственной электростанции, но после ухода воинских частей НКВД из городка, за время консервации из зданий было расхищено более 70 % проводки, выключателей, патронов и т. д., и потому здания ТВК можно было подключить к электричеству только после восстановления внутренней электропроводки и капитального ремонта наружной.

Водоснабжение городка осуществлялось из трех колодцев. Колодцы располагались на территории городка. Для бани, прачечной, электростанции

воду с помощью механических насосов, установленных на электростанции, качали из реки Сырдарьи.

На территории городка имелись две спортивные площадки, одна из которых была оборудована лестницами, турниками, а другая, размером сто на сто метров, предназначалась для игры в футбол. Также на территории имелась большая танцевальная площадка [26, л. 26—28].

Как видно из материалов отчетов, места для открытия ТВК тщательно изучались. Но поскольку ТВК открывались в спешном порядке на базах колоний для взрослых, не было надлежащих условий для проживания, приема пищи, медицинского обслуживания, для школьного и трудового обучения несовершеннолетних воспитанников.

Одной из задач ТВК было обучение воспитанников какой-либо рабочей или сельскохозяйственной профессии. Для реализации данной задачи необходимо было иметь соответствующую материально-техническую базу. А поскольку в годы войны большинство трудовых воспитательных колоний организовывались в кратчайшие сроки, то не все ТВК имели возможность подготовить процесс обучения подростков какой-либо профессии. Например, в Шокайской трудовой воспитательной колонии необходимая материально-техническая база отсутствовала. Поблизости не было промышленных предприятий, что лишало колонию возможности кооперироваться с ними. Сельское хозяйство, ввиду малопригодности земель вокруг колонии в больших масштабах не могло быть развернуто. А сама колония не располагала оборудованием для организации собственного производства.

В материалах отчетов трудовых воспитательных колоний за 1945 г. подчеркивалось, что ТВК за время своего существования массового трудоустройства не производили, так как вполне подготовленных воспитанников еще не было, поскольку детские приемники-распределители не имели возможности в 14-дневный срок обучить воспитанников какой-либо специальности. По возможности подростков старались направить в порядке трудоустройства в ремесленные училища, школы ФЗО. Воспитанникам детских трудовых воспитательных колоний и детских приемников-распределителей по выходу из данных учреждений было весьма сложно трудоустроиться или поступить в учебное заведение Республиканского управления трудовых резервов. Нежелание данных органов принимать в свои учебные заведения воспитанников ТВК и детприемников объяснялось резко отрицательным отношением к беспризорным подросткам. Предпочтение отдавалось детям, имеющим родителей, они считались более способными и благонадежными [27, л. 99]. Такое отношение к беспризорным детям практически лишало их шанса овладеть рабочей профессией и выбраться из сложной жизненной ситуации.

Таким образом, деятельность трудовых воспитательных колоний НКВД для несовершеннолетних сыграла важную роль в борьбе государства с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Но, к сожалению, ТВК не всегда могли реализовать возложенную на них миссию перевоспитания подростков, обучения их какой-либо специальности и даже школьного обучения. В годы войны это было связано в первую очередь со спешной организацией ТВК и недостатком финансирования.

Список источников

1. Кучеренко О. Без семьи: общественный порядок, социальная защита и уличные дети в военном Советском Союзе // Австрийский журнал политики и истории. 2012. Т. 58. № 3. С. 421—436.
2. Saktaganova Z., Abdukarimova Zh. Soviet childhood: homelessness and neglect of children in Central Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941—1945) // Вестник Карагандинского университета. 2021. № 4 (104). С. 103—112.

3. Джумагалиева К. К вопросу о положении беспризорных детей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. 2020. № 59 (4). С. 20—30.
4. Сүгірәлімова Г. Б. Панасыз балалар тарихынан // ПМУ Хабаршы. 2004. № 3. Б. 116—120.
5. Бастемиев С. К. Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект) : моногр. Павлодар : Кереку, 2009. 258 с.
6. Сактаганова З. Г., Абдукаримова Ж. К. Трудовые воспитательные колонии как мера борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1943—1945 гг. (на примере Шокайской трудовой воспитательной колонии) // Вестник Карагандинского университета. Сер.: История. Философия. 2023. № 2 (110). С. 219—230.
7. Тарасова Л. Я. Некоторые меры борьбы с детской преступностью в трудовых и трудовых воспитательных колониях в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-2. С. 258—261.
8. Жадан А. В. Организация и деятельность трудовых воспитательных колоний НКВД для несовершеннолетних на территории Хабаровского края в 1943—1945 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 408—421.
9. Быкова А. Г., Быков А. В. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943—1948 гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 83—89.
10. Хакимов С. Х. Из истории формирования трудовой воспитательной колонии им. А. М. Матросова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 3 (73). С. 12—21.
11. Ляскина Н. В. Роль трудовых воспитательных колоний в борьбе с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (региональный аспект) // Клио. 2021. № 1 (169). С. 95—104.
12. Жадан А. В. Органы внутренних дел Приморского края в 1941—1945 гг.: исторический опыт организации и деятельности : специальность 07.00.02 : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2018. 260 с.
13. Шуткова Е. Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917—1953 гг.) : специальность 07.00.02 : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 275 с.
14. Бубличенко В. Н. Детские пенитенциарные учреждения Европейского Севера России в 1930—1950-е годы // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 4. С. 1198—1253.
15. Ибрагимов Е. В. Развитие системы детских исправительно-воспитательных учреждений НКВД СССР как одно из направлений в борьбе с массовой детской беспризорностью в 1941—45 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23, ч. 2. С. 417—423.
16. Самбур Б. Н. Трудовые лагеря в системе борьбы с подростковой беспризорностью накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 49—52.
17. Болокина Л. А. Осташковская детская трудовая воспитательная колония в 1944—1945 гг. // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти : междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2018. С. 39—43.
18. Блинова В. В. Нормативно-правовые основы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2015. № 25. С. 16—23.
19. Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы) : указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 дек. 1940 г. // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/postanovlenie_snk_sssr_659/ (дата обращения: 20.03.2023).
20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9412с. Оп. 1с. Д. 17.
21. ГА РФ. Ф. 9212. Оп. 1. Д. 5.
22. ГА РФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 20.
23. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 110. Оп. 1. Д. 21.
24. ГАКО. Ф. 110. Оп. 2. Д. 20.
25. ГА РФ. Ф. Р-9412. Оп. 1с. Д. 38.
26. ГА РФ. Ф. 9412. Оп. 1с. Д. 10.
27. ГА РФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 14.

References

1. Kucherenko O. Bez sem'i: obshhestvennyj porjadok, social'naja zashhita i ulichnye deti v voennom Sovetskom Sojuze [Without a family: public order, social protection and street children in the wartime Soviet Union], *Avstrijskij zhurnal politiki i istorii* [Austrian journal of politics and history], 2012, vol. 58, no. 3, pp. 421–436.
2. Saktaganova Z., Abdugarimova Zh. Soviet childhood: homelessness and neglect of children in Central Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941–1945), *Vestnik Karagandinskogo universiteta* [Vestnik of Karaganda University], 2021, no. 4 (104), pp. 103–112.
3. Dzhumagalieva K. K voprosu o polozenii besprizornyh detej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [On the situation of street children during the Great Patriotic War], *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Halela Dosmuhamedova* [Vestnik of Atyrau University named after Khalel Dosmukhamedov], 2020, , no. 59 (4), pp. 20–30.
4. Sygiralimova G.B. Panasyz balalar tarihy [Panasyz balalar tarikhynan], *PMU Habarshy* [PMU Khabarshy], 2004, no. 3, pp. 116–120.
5. Bastemiev S.K. Ispravitel'nye uchrezhdeniya Kazakhstana (istoriko-pravovoj aspekt) [Correctional institutions of Kazakhstan (historical and legal aspect)]: monogr. Pavlodar, Kereku, 2009, 258 p.
6. Saktaganova Z.G., Abdugarimova Zh.K. Trudovye vospitatel'nye kolonii kak mera bor'by s detskoj besprizornost'ju i beznadzornost'ju v 1943–1945 gg. (na primere Shokajskoj trudovoj vospitatel'noj kolonii) [Labor educational colonies as a measure to combat child homelessness and neglect in 1943–1945 (on the example of the Shokai labor educational colony)], *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser.: Istorija. Filosofija* [Vestnik of Karaganda University. Ser.: History. Philosophy], 2023, no. 2 (110), pp. 219–230.
7. Tarasova L.Ja. Nekotorye mery bor'by s detskoj prestupnost'ju v trudovyh i trudo-vyh vospitatel'nyh kolonijah v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.) [Some measures to combat juvenile delinquency in labor and labor educational colonies during the Great Patriotic War (1941–1945)], *Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami* [Actual problems of combating crimes and other offenses], 2017, no. 17-2, pp. 258–261.
8. Zhadan A.V. Organizacija i dejatel'nost' trudovyh vospitatel'nyh kolonij NKVD dlja nesovershennoletnih na territorii Habarovskogo kraja v 1943–1945 gg. [Organization and activities of NKVD labor educational colonies for minors in Khabarovsk Krai in 1943–1945], *Novejšaja istorija Rossii* [Modern History of Russia], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 408–421.
9. Bykova A.G., Bykov A.V. Detskaja trudovaja vospitatel'naja kolonija № 1 UNKVD po Omskoj oblasti: istorija sozdanija i problemy funkcionirovanija v 1943–1948 gg. [Children's labor educational colony No. 1 of UNKVD in Omsk region: the history of creation and problems of functioning in 1943–1948 years], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki* [Vestnik of Omsk University. Ser.: Historical Sciences], 2015, no. 4 (8), pp. 83–89.
10. Hakimov S.H. Iz istorii formirovanija trudovoj vospitatel'noj kolonii im. A.M. Matrosova [From the history of the formation of the labor educational colony named after A. M. Matrosov], *Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of the Ufa law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 3 (73), pp. 12–21.
11. Ljaskina N.V. Rol' trudovyh vospitatel'nyh kolonij v bor'be s besprizornost'ju i prestupnost'ju nesovershennoletnih v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (regional'nyj aspekt) [Role of labor educational colonies in combating homelessness and juvenile delinquency during the Great Patriotic War (regional aspect)], *Klio* [Clio], 2021, no. 1 (169), pp. 95–104.
12. Zhadan A.V. Organy vnutrennih del Primorskogo kraja v 1941–1945 gg.: istoričeskij opyt organizacii i dejatel'nosti [Internal Affairs Authorities of Primorsky Krai in 1941–1945: historical experience of organization and activity]: special'nost' 07.00.02 : dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2018, 260 p.
13. Shutkova E.Ju. Sovetskie politicheskie repressii v otnoshenii nesovershennoletnih (1917–1953 gg.) [Soviet political repressions against minors (1917–1953)]: special'nost' 07.00.02 : dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2003, 275 p.
14. Bublichenko V.N. Detskie penitenciarne uchrezhdenija Evropejskogo Severa Rossii v 1930–1950-e gody [Children's penitentiary institutions of the European North of Russia in the 1930s–1950s], *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii* [Historia provinciae – journal of regional history], 2021, vol. 5, no. 4, pp. 1198–1253.
15. Ibragimov E.V. Razvitie sistemy detskih ispravitel'no-vospitatel'nyh uchrezhdenij NKVD SSSR kak odno iz napravlenij v bor'be s massovoj detskoj besprizornost'ju v 1941–45 gg. (na materialah Srednego Povolzh'ja) [Development of the system of children's correctional-educational institutions of the NKVD of the USSR as one of the directions in the struggle against mass child neglect in 1941–45 (on the materials of the Middle Volga region)], *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities], 2011, no. 23 (part 2), pp. 417–423.

16. Sambur B.N. Trudovye lagerja v sisteme bor'by s podrostkovoj besprizornost'ju nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Labor camps in the system of struggle against teenage homelessness on the eve and in the years of the Great Patriotic War], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kemerovo State University], 2016, no. 1 (65), pp. 49–52.
17. Bolokina L.A. Ostashkovskaja detskaja trudovaja vospitatel'naja kolonija v 1944–1945 gg. [Ostashkov children's labor educational colony in 1944–1945], *Zavershenie korennogo pereloma v hode Velikoj Otechestvennoj vojny: problemy issledovanija i sohraneniya istoricheskoi pamjati* [Completion of the radical turning point during the Great Patriotic War: problems of research and preservation of historical memory]: mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Orenburg, 2018, pp. 39–43.
18. Blinova V.V. Normativno-pravovye osnovy bor'by s detskoj besprizornost'ju i beznadzornost'ju v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Regulatory and legal basis for combating child homelessness and neglect during the Great Patriotic War], *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj juridicheskoi akademii* [Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy], 2015, no. 25, pp. 16–23.
19. Ob otvetstvennosti uchashhihsja remeslennykh, zheleznodorozhnykh uchilishh i shkol FZO za narushenie discipliny i za samovol'nyj uhod iz uchilishha (shkoly) : ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 28 dek. 1940 g. [On the responsibility of students of craft, railroad and vocational training schools for breach of discipline and for unauthorized departure from the school (school): Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 28 Dec. 1940], *Jelektronnaja biblioteka istoricheskikh doku-mentov* [Electronic library of historical documents]: [sajt]. Available at: https://bessmertnybarak.ru/article/postanovlenie_snk_ssr_659/ (accessed: 20.03.2023).
20. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation (SA RF)], coll. R-9412s., aids 1s., fol. 17.
21. GA RF [SA RF], coll. 9212, aids 1, fol. 5.
22. GA RF [SA RF], coll. 9412, aids 1, fol. 20.
23. Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti (GA KO) [State Archive of Karaganda Region (GA KO)], coll. 110, aids 1, fol. 21.
24. GA KO [GA KO], coll. 110, aids 2, fol. 20.
25. GA RF [SA RF], coll. R-9412, aids 1s., fol. 38.
26. GA RF [SA RF], coll. 9412, aids 1s., fol. 10.
27. GA RF [SA RF], coll. 9412, aids 1, fol. 14.

Информация об авторе

Абдукаримова Жанара Кадировна — PhD, ассистент профессора кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: zhanara1307@mail.ru

Information about the author

Zhanara K. Abdukarimova — PhD, assistant professor of the department of archeology, ethnology and national history, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: zhanara1307@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM: FOREIGN EXPERIENCE

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 134—146.
Siberia Humanitarian. 2023;(4):134—146.

Развитие системы образования: зарубежный опыт

Научная статья
УДК 37.015.3(81)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-134-146

**Елена Антипова (1892—1974): синтез швейцарской и советской
психологии в контексте бразильской образовательной системы**

Регина Хелена де Фрейтас Кампос

Федеральный университет штата Минас-Жерайс, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика
Бразилия, regihfc@terra.com.br

Аннотация. Елена Антипова сыграла важную роль в продвижении социокультурного подхода в педагогической психологии в Бразилии. Основываясь на передовых для своего времени знаниях, полученных в Париже, Женеве и Петрограде, и возглавляя с 1929 г. одну из первых психологических лабораторий в Бразилии, она предложила принципиально новое объяснение падения уровня школьной успеваемости в государственных учебных заведениях этой страны. Впервые на русском языке приводится статья¹, посвященная ее деятельности, которую можно разделить на три периода: «Опыт работы в Европе» (1909—1929), «Критика национальной системы образования Бразилии» (1929—1945) и «Выдвижение альтернатив» (1945—1974). Рассматривается вклад Е. В. Антиповой в изучение развития интеллектуальных способностей детей, основанный на культурной и средовой теориях, в его соотношении с достижениями женевского интеракционизма и культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, а также в контексте критического взгляда на бразильскую образовательную систему.

Ключевые слова: педагогическая психология, бразильская образовательная система, Е. В. Антипова, тесты на интеллект, социализация детей

Благодарности: Публикуемое исследование выполнено при поддержке Бразильского национального совета по исследованиям и Министерства образования Бразилии. Автор выражает благодарность за теплый прием коллегам из архивов женевского Института Жан-Жака Руссо (Швейцария), Дэниэлу Хэмлайну и Фернандо Видалу, а также редактору английского перевода статьи Регине Фокс-Драммонд Гоуф.

Для цитирования: Кампос Р. Х. Ф. Елена Антипова (1892—1974): синтез швейцарской и советской психологии в контексте бразильской образовательной системы / пер. с англ. Гоуф под ред. Ф. И. Барского и М. Ю. Сорокиной // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 134—146. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-134-146.

The development of the education system: foreign experience

Original article

Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education

Regina Helena de Freitas Campos

Federal University of Minas Gerais, Belo Horizonte, Federative Republic of Brazil, regihfc@terra.com.br

Abstract. Elena Antipoff has played an important role in promoting a sociocultural approach to educational psychology in Brazil. Based on the knowledge advanced for its time, acquired in Paris, Geneva and Petrograd, and headed since 1929. one of the first psychological laboratories in Brazil, she proposed a fundamentally new explanation for the drop in school performance in public educational institutions in that country. For the first time in Russian, an article on her work is presented¹, which can be divided into three periods: “Experience in Europe” (1909—1929), “Criticism of the Brazilian national education system” (1929—1945) and “Putting forward alternatives” (1945—1974). The contribution of E.V. Antipoff to the study of the development of intellectual abilities of children, based on cultural and environmental theories, is considered in relation to the achievements of Geneva interactionism and L.S. Vygotsky's cultural and historical concept, as well as in the context of a critical view of the Brazilian educational system.

Keywords: pedagogical psychology, Brazilian educational system, E.V. Antipoff, intelligence tests, socialization of children

Acknowledgments: The published research was carried out with the support of the Brazilian National Research Council and the Brazilian Ministry of Education. The author expresses gratitude for the warm welcome to colleagues from the archives of the Jean-Jacques Rousseau Institute in Geneva (Switzerland), Daniel Hamline and Fernando Vidal, and the editor of the English translation of the article, Regina Fox-Drummond Gough.

For citation: Campos R.H.F. Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):134—146. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-134-146.

Введение

В начале XX в. с утверждением системы общедоступного образования для бразильских школ стали очевидны низкие показатели школьной успеваемости. Стремление адаптировать значительное количество учащихся из малообеспеченных слоев к образовательной системе, исходно разработанной для представителей среднего класса и высшего общества, привело к дифференциации школ, обучающихся детей с соответствующими различиями в обучении детей разного статуса. Вслед за социал-дарвинистами некоторые из психологов, пытавшихся проанализировать этот феномен, сошлись на характерном для того времени объяснении, базирующемся на биологических и генетических причинах. Эта группа психологов, занимавшаяся переводом и адаптацией тестов на интеллект для местного населения и стремившаяся к формированию школьных классов по уровню умственного развития, была склонна приписывать разницу в способностях детей к обучению их происхождению.

С 1970-х гг. стали появляться научные работы, критически оценивающие вклад прикладной психологии, особенно психологического тестирования, в развитие политики отбора в образовательной системе, основанной на неизбежной биологической причинности [1—6]. Аналогичная роль прикладной психологии отмечается и в США, где необходимость охватить все возраставшее количество иммигрантов существовавшей системой образо-

¹ Campos R.H.F. Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education // *History of Psychology*. 2001. Vol. 4, no. 2. P. 133—158.

вания, соединенной с идеологией успеха, основанной на врожденных умственных способностях, обусловила раннюю дискриминацию меньшинств и породила дискуссии о пользе проведения тестов на интеллект в школе; последнее было подробно рассмотрено в литературе [7—13].

Разногласия, вызванные обсуждением результатов тестов на интеллект, вылились в несколько психологических дискуссий. Хотя преобладали представления социал-дарвинизма, выдвигались и другие объяснительные схемы, опиравшиеся на культурологические и средовые концепции. Пример альтернативной точки зрения на соотношение интеллектуальных способностей и школьной успеваемости был предложен также в Бразилии, в Педагогическом колледже г. Белу-Оризонти. В противовес доминировавшему мнению Елена Антипова (русский психолог, возглавлявший психологическую лабораторию колледжа с 1929 по 1945 г.) считала, что подавляющая часть затруднений учеников начальной школы в процессе обучения может быть объяснена воздействием социальной среды и педагогических практик, которые формировали их когнитивные способности. Эта точка зрения на интеллектуальное развитие, восходящая к теоретическим идеям российских и швейцарских ученых, с работами которых она познакомилась ранее, позднее стала основополагающей идеей школы педагогической психологии Белу-Оризонти [14] и имела продолжительное влияние на становление социокультурного подхода в научной психологии в Бразилии [1 ; 3 ; 15].

Исследование жизни и деятельности Елены Антиповой¹ показывает, как дилемма «природа или воспитание» проявила себя в специфической ситуации бразильской образовательной системы 1930-х гг. Таким образом, данный очерк рассматривает конкретно-исторический пример дискуссии о роли среды в формировании интеллекта детей; он показывает, как социокультурный подход к изучению умственного развития прокладывал себе дорогу во времена монополии нативистского направления.

Профессиональную биографию Антиповой можно разделить на три периода. Первый охватывает ее деятельность в Европе — Париже, Женеве и Петрограде в 1909—1929 гг., когда, увлеченная влиятельными тогда интеракционистскими и социал-интеракционистскими подходами к изучению развития человека, Антипова сочетала исследовательскую работу в психологических лабораториях с применением новых методик непосредственно в образовательных учреждениях. В это время ученые, занятые построением новой психологии, пытались внедрить свежие идеи в сферу образования как в Европе, так и в Америке. Второй этап можно обозначить как период критического анализа образовательной системы в Бразилии (1929—1945). В это время, участвуя в движении «Новая школа» (*Escola Nova*), бразильском варианте движения за прогрессивное обучение, Антипова фокусировала свое внимание на социальных и культурных последствиях применения психологических методик в системе народного образования. Третью часть своей жизни (1945—1974) Антипова посвятила формулированию и созданию альтернатив в психологии и образовании. Этот последний период ее деятельности можно отметить как наиболее творческий.

На протяжении всего жизненного пути Елена Антипова сохраняла веру в науку как средство разрешения социальных проблем общества, реализуя прагматические убеждения интеллигенции начала XX в. Эти позиции, однако, по-разному преломлялись у разных людей, в зависимости от их идео-

¹ Полный список опубликованных работ Е. Антиповой, вплоть до 1929 г., как и ее академическая биография, приведены во втором «Психологическом реестре» (*Psychological Register*) К. Марчисона (*Murchison*). Каталог охватывает около тысячи трехсот психологов, работавших в тот период по всему миру. Он включает всех действительных членов Американской психологической ассоциации, обладателей научной степени по психологии и соискателей из других стран, указанных редакционной коллегией (Ф. Бартлетт из Британии, К. Бюлер из Австрии, А. Пьерон из Франции, С. Де Санкти из Италии и еще четыре представителя Польши, Швеции, Японии и СССР).

логических предпочтений. Одни предлагали технократическое решение — использовать науку для приспособления индивида к обществу. Другие, в том числе и Антипова, указывали на необходимость преобразования социума ради благополучия его субъектов. Напряжение, возникавшее между этими подходами к изучению соотношения индивида и общества, отражено в значительной части литературы социально-психологической тематики, порожденной XX в. Биографический ракурс исследования дает историку возможность плодотворно сочетать взгляд со стороны и историко-научные аспекты [16, р. 272]. Так, в ходе исследования жизни и профессионального пути Э. Скриптура как психолога Сокал заметил, что «анализ радикальных воззрений по какому-либо вопросу проливает свет на целый ряд мнений касательно изучаемого. Популяризаторы науки в силу самой природы своей работы часто вовлекаются в полемику и принимают крайние точки зрения» [16, р. 271].

Личности в науке — это люди, работа которых погружена в особые исторические условия, они стараются осмыслить ту действительность, свидетелями которой являются [17]. В предлагаемой статье, отображающей деятельность Е. В. Антиповой, описывается становление социокультурного подхода к развитию познавательной сферы, подхода во многих аспектах отличного не только от главенствующего направления психологической мысли и литературы того времени, но и его базовых теоретических первооснов.

Первый период: опыт работы в Европе (1909—1929)

Елена Владимировна Антипова (1892—1974) родилась в городе Гродно (Российская империя; ныне Беларусь. — *Пер.*). Ее отец был военным и дослужился до звания полковника императорской армии; мать принадлежала известному болгарскому роду. Вплоть до 1909 г. Е. В. Антипова жила в Санкт-Петербурге и воспитывалась так, как это было принято в семьях высших слоев российского общества: училась игре на фортепиано, изучала немецкий, английский и французский языки. Помимо посещения гимназии с ней занимался преподаватель, бывший некогда учеником И. П. Павлова (1849—1936). Интенсивная культурная жизнь Петербурга также оказывала значительное влияние на девушку. Она читала книги русских писателей-реалистов (М. Горького), которые объявляли себя «частью простого народа и стремились пробудить массы, плененные невежеством и покорностью» [18, р. 23]. Ко всему прочему, интерес Антиповой к литературе и театру приближал ее к нараставшему социальному движению, выступавшему против политического режима России начала XX в. Атмосфера, лишенная безопасности, и первые предвестники грядущей революции побудили Антиповых в 1909 г. переехать в Париж, как делали многие русские семьи в те времена в надежде найти для своих отпрысков сравнительно лучшие перспективы обучения в Западной Европе. Отец Антиповой остался в Петербурге, а мать уехала во Францию, забрав вместе с собой трех дочерей. Пока она преподавала русский язык французским студентам, Елена решила поступить в Парижский университет. Изучать психологию девушку вдохновили занятия в Коллеж де Франс с участием Пьера Жане (1859—1947) и Анри Бергсона (1859—1941).

Из Парижа в Женеву: формирование научной позиции (1909—1915).

Семинары, которые Елена Антипова посещала в Коллеж де Франс, заметно повлияли на ее образ мыслей. Среди французских философов и психологов она выделяла феноменологический подход к человеческому сознанию Анри Бергсона и функциональный подход к поведению Пьера Жане. В начале XX в. Бергсон оказал влияние на многих психологов в двух отношениях. Во-первых, он критиковал ассоцианизм и структурализм за редукцию сознания к отдельным элементам. Он ратовал за холистический взгляд на сознание (напоминающий то, как Уильям Джемс понимал «поток сознания»

в качестве непрерывного и устойчивого опыта). Во-вторых, Бергсон отказывался сводить объяснение базисных структур мышления человека посредством теорий, созданных на основе изучения психики животных. Бергсон не считал разумным искать инстинкты в человеке. По его мнению, «ухватить поток сознания» можно только посредством интуиции, совпадающей с внутренним опытом обладающего сознанием человека. Если Бергсон был одним из основателей феноменологии как школы мысли в философии и психологии, то Пьер Жане был психологом и коллегой психиатра Ж.-М. Шарко (1825—1893) в клинике Сальпетриер. Подобно Зигмунду Фрейду (1856—1939), Жане определял психические заболевания как расстройства сознательной сферы, корни которых лежат в бессознательном [19 ; 20].

В 1911—1912 гг. Антипова работала вместе с Теодором Симоном (1873—1961) в Психологической лаборатории Сорбонны, основанной Альфредом Бине (1857—1911), и участвовала в заседаниях Общества по изучению детей (*Société pour l'étude de l'enfant*), также учрежденного по инициативе Бине перед его кончиной в 1911 г. Лаборатория Бине в Сорбонне была открыта в 1889 г., до 1900 г. в этом исследовательском центре проводились эксперименты по психологии восприятия в духе традиций немецкой экспериментальной психологии. После публикации в 1902 г. работы А. Бине «Экспериментальное исследование интеллекта» («*L'étude expérimentale de l'intelligence*») ее автор был приглашен Министерством просвещения в Комитет по изучению проблем отстающих в развитии детей Парижа для подготовки рекомендаций. Для этой цели и была создана первая шкала Бине — Симона в 1905 г. В 1908 г. она была трансформирована так, что тестовые задания были расположены последовательно согласно различным возрастным категориям, соответствующим нормальному развитию. В 1911 г. вышла в свет последняя версия шкалы, в которой впервые было включено понятие об умственном возрасте [10 ; 21].

В лаборатории А. Бине Антипова принимала участие в исследовании умственного развития учащихся парижских общеобразовательных школ, направленном на проверку точности измерения интеллектуального развития учеников начального звена шкалой Бине — Симона. В эти годы она овладела техниками валидации интеллектуальных тестов, анализа отдельных пунктов шкалы и приобрела знания о связи между вербальным развитием и моторными навыками. Сорбонская лаборатория привлекала исследователей, интересовавшихся проблемой интеллекта, со всего мира. Именно здесь Антипову представили Эдуарду Клапареду (1873—1940), профессору Женевского университета, который в то время занимался организацией института педагогических наук — Института Жан-Жака Руссо (*Institut Jean-Jacques Rousseau*¹), с тем чтобы «снабдить студентов научными методами, необходимыми для продвижения исследований детской психологии и методик воспитания» [22, p. 267].

С 1899 г. Женева превратилась в базу Международного бюро новых школ (*Bureau International des Écoles Nouvelles*), основанного швейцарским педагогом Адольфом Ферьером (1879—1960) для собирания информации о модернизации европейского образования. Ферьер стал одним из главных распространителей доктрины «активной школы» (*école active, active school*), целью которой было развитие детской автономии, а методы преподавания учитывали интересы учащихся. Согласно Клапареду, сам термин «*école*

¹ Институт Ж.-Ж. Руссо принял более двухсот иностранных студентов в 1926 г. Монография Э. Клапареда «Психология детей и экспериментальная педагогика» («*Psychologie de l'enfant et pédagogie expérimentale*») была переведена на румынский (1911), итальянский (1912), английский (1911), венгерский (1915), польский (1918) и чешский (1925) языки; работа «Школа и экспериментальная психология» («*L'école et la psychologie expérimentale*», 1916) была опубликована на немецком, испанском, армянском, польском и португальском языках. Монография «Профессиональная ориентация» («*L'orientation professionnelle*», 1922) вышла на английском, испанском, польском, румынском и русском. Руководство «Как диагностировать способности школьников» («*Comment diagnostiquer les aptitudes chez les écoliers*», 1924) было переведено на испанский и русский языки.

active» был введен Пьером Бове, первым директором Института Ж.-Ж. Руссо, для обозначения подхода, который разрабатывался в Женеве [22, р. 195 ; 23]. Европейское движение «Новая школа» выдвигало несколько предложений по организации обучения в сфере массового государственного образования и в чем-то совпадало с североамериканским движением «педагогика прогрессивизма». Движение «Активная школа» базировалось на женевском подходе, который главным образом подчеркивал автономность и творческие аспекты детей в процессе освоения основных навыков.

Клапаред прибыл в Париж, чтобы набрать исследователей для работы в Институте Ж.-Ж. Руссо, и Антипова была приглашена в швейцарскую группу [18, р. 42]. Сотрудничество с Клапаредом стало переломным моментом в развитии взглядов Антиповой на интеллект и образование. В стенах института она получила более полные знания о функциональном подходе в психологии мышления и методах «Активной школы». Клапаред рассматривал мыслительные способности как активный процесс, следуя традициям функционалистской концепции, к тому времени развернутой в трудах американских психологов Джона Дьюи (1859—1952) и Уильяма Джеймса (1860—1927) [24, р. 152]. Такая трактовка противостояла не только априорным идеям о мышлении как «системе умственных способностей, в которой разум считался предзаданностью, уникальной и не поддающейся исследованию», но и ассоцианистскому пониманию мышления как «игры приобретенных ассоциаций» [22, р. 138—139]. Клапаред, напротив, полагал важным выделять в мышлении функцию инструмента активного приспособления к ранее не встречавшимся ситуациям. Этот подход, известный как интеракционистский, а позже и как конструктивистский, строился на предположении о том, что развитие интеллектуальных способностей является результатом индивидуального активного поиска возможных решений незнакомой проблемы. Таким образом, развитие мышления трактовалось как результат взаимодействия субъекта со средой: структура действия, когда-то интериоризованного, и составляет структуру мысли.

Клапаред приступил к разработке собственной теории мышления в 1913 г. Его предположения опирались на теории Герберта Дженнингса (1868—1947) и Эдуарда Торндайка (1874—1949), постулировавшие, что процесс обучения является чередой проб и ошибок. В отличие от Торндайка Клапаред не разделял убежденность бихевиористов в отсутствии необходимости высших психических процессов и не считал, что поведение, ведомое пробами и ошибками, контролируется внешними стимулами. Клапаред настаивал на том, что люди, вовлеченные в решение задач, подразумевавших метод проб и ошибок, демонстрировали целенаправленное поведение, а не просто совокупность реакций в ответ на устройство окружающей среды, а также осуществляли осознаваемую исследовательскую деятельность, приводившую к нахождению решения поставленной задачи. Это соображение, подхваченное Жаном Пиаже (1896—1980) и проскальзывающее в его работах по психологии [25, р. 357—359], получило оформленный вид в статье 1933 г. «Происхождение гипотезы», опубликованной в «Archives de Psychologie» и посвященной Антиповой, которая помогала в сборе данных и их анализе, будучи ассистенткой Клапареда в Женеве [26].

Принципы функционального образования утверждали, что процесс обучения должен брать в расчет интересы детей в качестве основы форм их деятельности в школе. Такой подход видел целью образования развитие мышления учащихся. Предполагалось, что интеллектуальные способности школьников будут прогрессировать в зависимости от возможностей взаимодействия с окружающей средой и активного поиска решения задач, которые ставит перед ними школа [22]. В 1911 г. Клапаред определял суть функционального образования следующим образом: «...образование, которое предлагает развивать умственные процессы не сами по себе, а в кон-

тексте их биологического смысла, их роли, пользы для настоящих или будущих действий. Функциональное образование учитывает потребности ребенка, его интерес овладеть той формой деятельности, которую мы планируем пробудить» [22, р. 7].

По мнению Клапареда, функциональное образование должно опираться на детские интересы и притягательные для детей задачи. Этот подход, вместо того чтобы основываться на уже имеющихся умственных способностях, концентрировался на формировании способностей, по этой причине его также называют конструктивистским подходом. Функциональное обучение должно было обеспечить фундамент для разработки методов «Активной школы», создаваемых в Доме ребенка (Maison des Petits) — экспериментальной школе при Институте Ж.-Ж. Руссо, преследовавшей такие цели, как «исследовать, проводить эксперименты, находить подтверждение психологической теории о развитии ребенка» и «знакомить педагогов с данной теорией» [27, р. 10]. Дом был открыт в ноябре 1913 г. и включен в систему швейцарского государственного образования в 1922 г. Клапаред отмечал, что на первых порах ведущей в Доме ребенка была система воспитания Марии Монтессори (1870—1952). Но вскоре сотрудники Института Ж.-Ж. Руссо посчитали эти методы чересчур искусственными, во многом опирающимися на выработку поведенческих норм и контроль, а не на творческую активность детей. С точки зрения Клапареда, «система Монтессори не признавала наличия активного начала в детском развитии и, следовательно, необходимость помещать детей в среду, соответствующую их интересам и познавательным потребностям, среду, в которой задачи на мышление и моторику были бы рассчитаны с учетом перспективы развития интеллектуальных способностей детей» [28, р. 39—40].

В 1950 г. первые директора Дома ребенка М. Одемар (Audemar, 1883—1971) и Л. Лафендель (Lafendel, 1872—1971) высказали мнение, согласно которому «ребенок изначально подстраивает вещь под себя, а в более позднем возрасте уже сам приспосабливается и подстраивается под требования объектов. Только после приобретения опыта обращения с той или иной вещью, участия в той или иной игре ребенок становится способен подчинить себя внешним правилам и соотнести себя с опытом другого» [27, р. 14—15]. Вышеизложенное указывает на тот факт, что теоретиков швейцарской «Активной школы» в первую очередь занимала проблема развития мышления индивида. В их работах (в отличие от Дж. Дьюи в США и Л. С. Выготского в России) не уделялось особого внимания развитию социальных навыков.

Исследовательская стажировка Е. Антиповой в Институте Ж.-Ж. Руссо продлилась с 1912 по 1916 г. В Женеве она участвовала в институтских семинарах и преподавала в Доме ребенка, где стала первым школьным учителем под руководством Клапареда [29, р. 23]. В 1916 г., однако, Антиповой пришлось покинуть Женеву и вернуться в Россию, чтобы ухаживать за своим отцом, серьезно раненным в ходе Первой мировой войны.

В России: роль науки в реорганизации общества (1916—1924). Российский период Елены Антиповой охватывает 1916—1924 гг. В это время, помимо забот об отце, она стала свидетелем тяжелых социальных последствий Первой мировой войны и российских революций 1917 г. — Февральской и Октябрьской. Ее отец, офицер царской армии, был ранен под Смоленском. Дочь устроила его на лечение у родственников в Крыму, а сама вернулась в Петроград, где стала работать в приюте для детей-сирот. Эти дети, по ее словам, потеряли свои семьи в ходе революций и Гражданской войны и обитали на улицах. Приют, организованный с разрешения органов внутренних дел, предоставлял временное убежище для некоторых детей, а остальных направлял в другие организации социальной поддержки бездомных и сирот. В первые послереволюционные годы Антипова также продолжала свою деятельность в школах Петрограда и стала известна как

«французская воспитательница» — «l'éducatrice française» [18, p. 65—66 ; 30]. В ее обязанности входила диагностика детей, поступавших в приют, с дальнейшим планированием их образования. В этих целях она использовала психологические методы, с которыми была хорошо знакома ранее, такие как, например, шкала интеллекта Бине — Симона и методика Александра Лазурского по изучению характера ребенка. Лазурский (1874—1917) одним из первых русских специалистов использовал тесты интеллектуального развития, работая в Психоневрологическом институте в Петербурге, директором которого был Владимир Бехтерев (1857—1927). Свой метод (суть которого состояла в наблюдении за детьми в привычной для них обстановке, чтобы избежать искусственной ситуации лаборатории или тестирования) он назвал естественным экспериментом [31].

После революции научным исследованиям в Советской России была придана особая значимость. Лидеры революционного движения верили в силу науки как средство решения социальных и экономических проблем страны. Они также ожидали, что концепция диалектического материализма получит развитие благодаря социальным наукам. Эта программа была принята группой советских психологов, занятых педагогической психологией и проблемами умственной отсталости — областью педологии, особо разрабатываемой после революции. Р. Ван дер Веер и Я. Валсинер [32] считают, что общий интерес к педологии был во многом усилен серией экспериментов в образовании, направленных на расширение возможностей обучения и воспитание человека в социалистическом духе и поддержанных советским правительством.

Будучи одним из ведущих специалистов в группе педологов и одним из первых российских психологов, применивших концепцию диалектического материализма к психологической науке, Л. С. Выготский (1896—1934) начал заниматься проблемами педологии еще с 1917 г. С точки зрения Выготского и его единомышленников объяснение умственной отсталости не сводилось к биологическим причинам, а базировалось на предположении, что высшие психические функции детерминированы социокультурным опытом. Последнее подразумевало механизмы, посредством которых культурно-исторический опыт участвовал в формировании познавательных способностей человека.

Этот подход противопоставлял себя теориям когнитивного развития, опиравшимся на идею обусловленности умственных способностей биологическим созреванием. Он утверждал, что развитие познавательной сферы было результатом взаимодействия культуры и индивида, осуществляемого в ходе совершения действий индивидом над средой посредством орудий труда и языка. Эту концепцию можно отнести к конструктивистским, так как главный акцент ставился на формировании психических функций путем интериоризации внешнего действия.

Однако для Выготского и его коллег понятие среды было иным по сравнению с представлениями в женевской школе. В теории психического развития Выготского среда всегда была социокультурной, исторически сложившейся средой. С его точки зрения, развитие являлось продуктом воздействия общества и культуры на индивида, которое опосредствовалось языком и действиями самого субъекта со средой с помощью орудий труда и коммуникации. Поэтому развитие высших психических функций считалось детерминированным культурой и социумом. Как следствие, обучение, вместо того чтобы полагаться на имеющиеся умственные способности, стремилось дать средства для развития этих способностей [32 ; 33].

Культурно-исторический подход, судя по всему, сказался на российском периоде работы Антиповой. Проводя психологическую диагностику на сиротах и наблюдая не вполне успешные результаты тестирования по шкале Бине — Симона, Антипова отмечала невозможность характеризовать таких

детей как умственно неполноценных. Напротив, по ее мнению, они проявляли «изумительное умение справляться с конкретными заданиями из жизни». Их затруднения, скорее, были следствием недостатка семейного воспитания и школьного образования в силу их социального происхождения, считала она [30, р. 134]. Вполне вероятно, что во время своего пребывания в Петрограде Антипова читала работы русских психологов, написанные с позиции культурно-исторического подхода.

В 1918 г. Елена Антипова вышла замуж за журналиста и писателя Виктора Ирецкого (1882—1936). Их сын Даниил родился в 1919 г., когда Ирецкий отбывал срок в тюрьме. Хотя он не являлся политическим активистом, его идеи были не приемлемы для НКВД, затем переформированного в КГБ. Как писатель, Ирецкий высказывался в защиту права деятелей искусства на свободу самовыражения, что не совпадало с позицией многих коммунистов, настаивавших на всеобщем стремлении к развитию исторического материализма. В области искусства это означало диктат реализма, описание жизни простого народа и плодов революции. После всех гонений в 1922 г. Ирецкий был выслан в Берлин, где и создал свой самый известный роман («Она»), повествующий о его родине, России [18 ; 34].

В 1923—1924 гг. Антипова напечатала две исследовательские статьи в Петрограде: «О психолого-педагогическом обследовании детей в Центральном карантинно-распределительном детском пункте» в журнале «Трудовая школа» и «Умственный уровень дошкольников: (Исследование по методу Бинэ-Симона)» в «Педологическом журнале» [35, р. 541 ; 36]. Обе статьи основывались на результатах исследований умственного потенциала детей и критиковались советскими деятелями народного образования, так как, по приведенным данным, дети из семей высшего общества лучше справлялись со стандартными тестами, чем дети из семей рабочих. Между тем, согласно интерпретации Антиповой, это было обусловлено недостаточной репрезентативностью самого теста, сделанного под выборку детей с определенными культурными особенностями и предназначавшегося для выходцев из высших слоев общества. Возможно, по причине этих затруднений, а также из-за высылки ее мужа в Берлин Антипова покинула Советскую Россию в конце 1924 г. с рекомендательным письмом, подписанным А. П. Нечаевым (1870—1948), профессором педагогической психологии в Петроградском (позже Ленинградском) университете. Уезжая из России, Елена и ее сын Даниил теряли гражданство СССР. Тем не менее за тревожные годы революции Антипова обогатила свой интеллектуальный багаж опытом знакомства с социокультурным подходом в психологии, который в значительной степени повлиял на ее деятельность в Бразилии.

Из Женевы — в Бразилию (1925—1929). Вернувшись в Европу, Антипова прожила год в Берлине, но уже в январе 1926 г. решила оставить мужа и снова работать ассистентом Э. Клапареда в Институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве. С 1926 по 1929 г. ее исследовательский интерес был поглощен проблемой развития умственных способностей детей, вопросами связи высших психических функций и моторных навыков, а также развития сферы моральных суждений. В это время ее статьи, напечатанные в «Archives de Psychologie» и «L'Intermédiaire des Édicateurs», обращались к исследованию детей в естественной среде и были направлены на изучение познания и восприятия среды детьми. Одна из статей была посвящена применению метода естественного эксперимента Лазурского в школах¹, особенностью которого было наличие условия, позволявшего детям свободно выбирать то, чем заниматься в школе. Предполагалось, что ребенок перестанет ме-

¹ А. Ф. Лазурский был одним из немногих русских психологов, на кого Антипова ссылалась в своих работах бразильского периода (во времена политического доминирования авторитарного правого крыла она старалась избегать упреков в причастности к коммунистическому движению Бразилии). Книга Лазурского по экспериментальной и общей психологии была переиздана в 1925 г. с предисловием Л. С. Выготского [37].

нять формы деятельности, когда найдет наиболее ему подходящую и представляющую интерес. За ребенком наблюдали в процессе его исследовательского поиска, оценивая различные уровни его личности. В тот же период Антипова опубликовала статьи о развитии моторных способностей [31 ; 38—43].

Любопытно было бы провести параллели между исследованиями в Институте Ж.-Ж. Руссо и стремлением «отвоевать сознание» в советской психологии. Как писал А. Н. Леонтьев [44, р. 422—423], задачей психолога того времени было собственное освобождение, с одной стороны, от «вульгарного» бихевиоризма, а с другой — от идеалистического понимания психического как исключительно внутренних субъективных условий, постигаемых только с помощью интроспекции. «Вульгарный» бихевиоризм в своем пределе означал полный отказ от сознания в пользу поведения, под которым подразумевались механически трактуемые поведенческие паттерны, обусловливаемые вне зависимости от активности субъекта. Идеалистическое направление, напротив, постулировало невозможность объективного изучения сознания. Школа Выготского в России пришла к третьему решению проблемы: психическое можно изучать посредством изучения действий субъекта в среде в ситуации решения задач. Женевская школа считала точно так же, этим объясняется то, что обе группы психологов настаивали на изучении как процессов решения задач, так и соотношения между внутренней (умственной) и внешней (предметно-практической) сферами. Практическая деятельность понималась как наблюдаемое выражение индивидуальных способов мышления [26 ; 45, р. 23].

Эта позиция в симбиозе с эволюционным подходом к познавательной сфере привела к дилемме: являются ли познавательные структуры врожденными или приобретенными. Наблюдение за развитием у детей процессов решения задач могло дать ответ на вопрос, определялись ли умение рассуждать и интеллектуальные способности в целом наследственностью или были результатом интериоризации стратегий мышления, освоенных в ходе манипуляции предметами.

И советские психологи и специалисты из Института Ж.-Ж. Руссо пришли к выводу, что развитие интеллектуальных способностей являлось процессом взаимодействия, в котором играли роль и спонтанная активность индивида, и условия среды. Таким образом, оба лагеря отказались от гипотезы априорных способностей.

К концу 1920-х гг. Институт Ж.-Ж. Руссо стал полюсом притяжения педагогов со всего мира. Труды Э. Клапареда были переведены на несколько языков, а Женева была признана центром исследований детской психологии и методов «Активной школы». Поэтому, когда правительство бразильского штата Минас-Жерайс приняло решение открыть в столице штата — г. Белу-Оризонти Педагогический колледж для подготовки педагогов и педагогов-администраторов, в Женеву, Париж и Колумбийский университет в Нью-Йорке была отправлена делегация по подбору иностранных специалистов для преподавания бразильским учителям в стенах нового учреждения.

Е. В. Антипова приняла приглашение поработать в Бразилии по контракту в течение года и в 1929 г. вновь покинула Женеву. До нее в Белу-Оризонти уже побывали другие европейские исследователи, среди которых были Леон Вальтер из Женевы (1928) и Теодор Симон из Парижа (1929). Профессор Э. Клапаред был приглашен в 1930 г. на ряд конференций в Бразилию, а сама Елена Антипова после нескольких продлений контракта приняла решение навсегда остаться в Бразилии.

(Окончание следует.)

Список источников

1. Antunes M. A. M. A psicologia no Brasil-Leitura historica sobre sua constituicao. Sao Paulo, 1999.
2. Bock A. M. B. As aventuras do Barao de Munchausen na psicologia. Sao Paulo, 1999.
3. Campos R. H. F. Conflicting Interpretations of Intellectual Abilities Among Brazilian Psychologists and Their Impact on Primary Schooling (1930—1960) : unpublished doctoral dissertation. Stanford, 1989.
4. Campos R. H. F. Helena Antipoff // Dicionario de Educadores no Brasil / M. L. Favero, J. Britto (eds.). Rio de Janeiro, 1999. P. 237—243.
5. Massimi M. Historia da psicologia brasileira. Sao Paulo, Brazil, 1990.
6. Patto M. H. S. A producao do fracasso escolar. Sao Paulo, 1990.
7. Block N. J. The IQ Controversy / Dworkin G. (eds.). N. Y., 1976.
8. Chapman P.D. Schools as Sorters: Lewis M. Terman, Applied Psychology and the Intelligence Testing Movement, 1890—1930. Doctoral dissertation. Stanford University, 1979.
9. Cronbach L. J. Five Decades of Public Controversy over Mental Tests // American Psychologist. 1975. 30. P. 1—14.
10. Gould S. J. The Mismeasure of Man. N. Y., 1981.
11. Kamin L. J. The Science and Politics of IQ. N. Y., 1974.
12. Sokal M. M. James McKeen Cattell and American Psychology in the 1920s. // Explorations in the History of Psychology in the U. S. / J. Brozek (ed.). Cranbury, NJ, 1983.
13. Tyack D. The One Best System. A History of American Urban Education. Cambridge, MA, 1974.
14. Lourenco Filho M. B. A psicologia no Brasil // Arquivos Brasileiros de Psicologia Aplicada. 1971. Vol. 23. P. 113—142.
15. Campos R. H. F. Em busca de um modelo teorico para o estudo da historia da psicologia no contexto socio-cultural // Campos R. H. F. Historia da psicologia-Pesquisa, formacao, ensino. Sao Paulo, 1996. P. 125—145.
16. Sokal M. M. Biographical Approach to Historiography // Historiography of Modern Psychology / J. Brozek, L. Pongratz (eds.). Toronto, 1980.
17. Brozek J., Guerra E. L. Que fazem os historiografos? ensino // Historia da psicologia-pesquisa, formacao, ensino / R.H.F. Campos (ed.). Sao Paulo, 1996. P. 11—28.
18. Antipoff D. I. Helena Antipoff, sua vida, sua obra. Rio de Janeiro, 1975.
19. Roudinesco E. Histoire de la psychanalyse en France (1925—1985). Vol. 2. Paris, 1986.
20. Zusne L. Names in the History of Psychology. N. Y., 1975.
21. Binet A. Les idées modernes sur les enfants (1911). Paris, 1920.
22. Claparède E. L'education fonctionnelle. Neuchâtel, 1931.
23. Hameline D., Jornod A., Belkaid M. L' école active. Textes fondateurs. Paris, 1995.
24. Claparède E. Autobiographie // Archives de Psychologie. 1941. Vol. 28. P. 145—181.
25. Piaget J. The Origins of Intelligence in Children (M. Cook, Trans.). N. Y., 1975.
26. Claparède E. La genèse de l'hypothèse // Archives de Psychologie. 1933. № 24. P. 1—155.
27. Audemar M., Lafendel L. La Maison des Petits de l'Institut Jean-Jacques Rousseau. Neuchâtel, 1950.
28. Claparède E. Psychologie de l'enfant et pédagogie expérimentale. Genève, 1926.
29. Hameline D. Aux origines de la Maison des Petits // «Une école ou les enfants veulent ce qu'ils font». La Maison des Petits hier et aujourd'hui / C. Perregaux, F. Rieben, C. Magnin (eds.). Lausanne, 1996. P. 17—62.
30. Antipoff H. O desenvolvimento mental das crianças de Belo Horizonte (Boletim 7). Belo Horizonte, 1931.
31. Antipoff H. L'Étude de la personnalité par la méthode Lazoursky // L'Éducateur. 1926. № 62. P. 285—292.
32. Van der Veer R., Valsiner J. Vygotski: Uma sintese. Sao Paulo, 1996.
33. Vygotski L. S. Historia del desarrollo de las funciones psiquicas superiores // L. S. Vygotski. Obras escogidas. Vol. 3. Madrid, 1995. P. 11—340.
34. Antipoff D.I. Entre dois continentes. Belo Horizonte, 1997.
35. The Psychological Register II / C. Murchison (ed.). Worcester, MA, 1929.
36. Antipoff H. The Mental Development of Pre-school Russian Children // Centro de Documentacao e Pesquisa Helena Antipoff (ed.) Coletânea das obras escritas de Helena Antipoff. Vol. 1. Belo Horizonte, 1992. P. 9—10.
37. Vygotski L. S. Prologo al libro de A. F. Lazurski Psicologia general y experimental // L. S. Vygotski Obras escogidas. Vol. 1. Madrid, 1991. P. 23—37.
38. Antipoff H. Contribution a l'étude de la constance des sujets // Archives de Psychologie. 1927. № 20. P. 177—190.
39. Antipoff H. De l'expérimentation naturelle // Éducation Nouvelle. 1927. № 6 (56). P. 87—97.
40. Antipoff H. L'étude des aptitudes motrices // L'Éducateur. 1927. № 63. P. 309—315.
41. Antipoff H. L'évolution et la variabilité des fonctions psycho-motrices // Archives de Psychologie. 1928. № 21. P. 1—54.
42. Antipoff H. L'intérêt et l'usage des tests scolaires // L'Éducateur. 1928, pp. 121—124.

43. Antipoff H. Observations sur la compassion et le sentiment de justice chez l'enfant // *Archives de Psychologie*. 1928. № 21. P. 209—215.
44. Leontiev A. N. Artículo de introduccion sobre la labor creadora de L.S. Vygotski // Vygotski L.S. Obras escogidas. Vol. 1. Madrid, 1991. P. 419—450.
45. Vygotski L. S. Los metodos de investigacion reflexologicos y psicologicos // Vygotski L. S. Obras escogidas. Vol. 1. Madrid, 1991. P. 3—22.

References

1. Antunes M.A.M. A psicologia no Brasil-Leitura historica sobre sua constituicao [Psychology in Brazil-Historical reading of its constitution]. Sao Paulo, 1999.
2. Bock A.M.B. As aventuras do Barao de Munchausen na psicologia [The adventures of Baron Munchausen in psychology]. Sao Paulo, 1999.
3. Campos R.H.F. Conflicting Interpretations of Intellectual Abilities Among Brazilian Psychologists and Their Impact on Primary Schooling (1930–1960) : unpublished doctoral dissertation. Stanford, 1989.
4. Campos R. H. F., Favero M. L. (ed.), Britto J. (ed.). Helena Antipoff [Helena Antipoff], *Dicionario de Educadores no Brasil* [Dictionary of Educators in Brazil]. Rio de Janeiro, 1999. P. 237–243.
5. Massimi M. Historia da psicologia brasileira [History of Brazilian psychology]. Sao Paulo, Brazil, 1990.
6. Patto M.H.S. A producao do fracasso escolar [The production of school failure]. Sao Paulo, 1990.
7. Block N.J., Dworkin G. (ed.). The IQ Controversy [The IQ Controversy]. New York, 1976.
8. Chapman P.D. Schools as Sorters: Lewis M. Terman, Applied Psychology and the Intelligence Testing Movement, 1890–1930. Doctoral dissertation. Stanford University, 1979.
9. Cronbach L.J. Five Decades of Public Controversy over Mental Tests, *American Psychologist*, 1975, 30, pp. 1–14.
10. Gould S.J. The Mismeasure of Man. New York, 1981.
11. Kamin L.J. The Science and Politics of IQ. New York, 1974.
12. Sokal M.M. James McKeen, Brozek (ed.). Cattell and American Psychology in the 1920s, *Explorations in the History of Psychology in the U. S. J. Cranbury*, New Jersey, 1983.
13. Tyack D. The One Best System. A History of American Urban Education. Cambridge, Massachusetts, 1974.
14. Lourenco Filho M.B. A psicologia no Brasil [Psychology in Brazil], *Arquivos Brasileiros de Psicologia Aplicada* [Brazilian Archives of Applied Psychology], 1971, vol. 23, pp. 113–142.
15. Campos R.H.F. Em busca de um modelo teorico para o estudo da historia da psicologia no contexto socio-cultural [In search of a theoretical model for the study of the history of psychology in a socio-cultural context], *Campos R.H.F. Historia da psicologia-Pesquisa, formacao, ensino* [History of psychology-Research, training, teaching]. Sao Paulo, 1996, pp. 125–145.
16. Sokal M.M., Brozek J. (ed.), Pongratz L. (ed.). Biographical Approach to Historiography, *Historiography of Modern Psychology*. Toronto, 1980.
17. Brozek J., Guerra E.L., Campos R.H.F. (ed.). Sao Paulo Que fazem os historiografos? ensino [What do historiographers do? teaching], *Historia da psicologia-pesquisa, formacao, ensino* [History of psychology-research, training, teaching], 1996, pp. 11–28.
18. Antipoff D.I. Helena Antipoff, sua vida, sua obra [Helena Antipoff, her life, her work]. Rio de Janeiro, 1975.
19. Roudinesco E. Histoire de la psychanalyse en France (1925–1985) [History of psychoanalysis in France (1925–1985)]. Vol. 2. Paris, 1986.
20. Zusne L. Names in the History of Psychology. New York, 1975.
21. Binet A. Les idées modernes sur les enfants (1911) [Modern ideas about children (1911)]. Paris, 1920.
22. Claparède E. L'éducation fonctionnelle [Functional training]. Neuchâtel, 1931.
23. Hameline D., Jornod A., Belkaid M. L' école active. Textes fondateurs [The active school. Founding texts]. Paris, 1995.
24. Claparède E. Autobiographie [Autobiography], *Archives de Psychologie* [Archives of Psychology], 1941, vol. 28, pp. 145–181.
25. Piaget J. The Origins of Intelligence in Children (M. Cook, Trans.). New York, 1975.
26. Claparède E. La genèse de l'hypothèse [The genesis of the hypothesis], *Archives de Psychologie* [Archives of Psychology], 1933, no. 24, pp. 1–155.
27. Audemar M., Lafendel L. La Maison des Petits de l'Institut Jean-Jacques Rousseau [The children's house of the Institut Jean-Jacques Rousseau]. Neuchâtel, 1950.
28. Claparède E. Psychologie de l'enfant et pédagogie expérimentale [Child psychology and experimental pedagogy]. Genève, 1926.
29. Hameline D., Perregaux C. (ed.), Rieben F. (ed.), Magnin C. (ed.). Aux origines de la Maison des Petits [The origins of the children's home], «Une école ou les enfants veulent ce qu'ils font». *La Maison des Petits hier et aujourd'hui* ["A school where children want what they do". *La Maison des Petits yesterday and today*]. Lausanne, 1996, pp. 17–62.

30. Antipoff H. O desenvolvimento mental das crianças de Belo Horizonte (Boletim 7) [The mental development of children in Belo Horizonte (Bulletin 7)]. Belo Horizonte, 1931.
31. Antipoff H. L'Étude de la personnalité par la méthode Lazoursky [The Lazoursky Method of Personality Study], *L'Éducateur* [L'Éducateur], 1926, no. 62, pp. 285–292.
32. Van der Veer R., Valsiner J. Vygotski: Uma síntese [Vygotski: A Synthesis]. Sao Paulo, 1996.
33. Vygotski L.S. Historia del desarrollo de las funciones psíquicas superiores [History of the development of higher psychic functions], *Vygotski L.S. Obras escogidas* [Vygotski L. S. Selected works]. Vol. 3. Madrid, 1995, pp. 11–340.
34. Antipoff D.I. Entre dois continentes [Between two continents]. Belo Horizonte, 1997.
35. Murchison C. (ed.). The Psychological Register II. Worcester, Massachusetts, 1929.
36. Antipoff H. The Mental Development of Pre-school Russian Children, *Centro de Documentação e Pesquisa Helena Antipoff* (ed.) *Coletânea das obras escritas de Helena Antipoff* [Centro de Documentação e Pesquisa Helena Antipoff (ed.) Collection of the written works of Helena Antipoff] Vol. 1. Belo Horizonte, 1992, pp. 9–10.
37. Vygotski L.S. Prologo al libro de A. F. Lazurski *Psicologia general y experimental* [Prologue to the book by A. F. Lazurski general and experimental psychology], *Vygotski L.S. Obras escogidas* [Vygotski L. S. Selected works]. Vol. 1. Madrid, 1991, pp. 23–37.
38. Antipoff H. Contribution a l'étude de la constance des sujets [Contribution to the study of subject constancy], *Archives de Psychologie* [Archives de Psychologie] [Archives of Psychology], 1927, no. 20, pp. 177–190.
39. Antipoff H. De l'expérimentation naturelle [From natural experimentation], *Éducation Nouvelle* [Éducation Nouvelle], 1927, no. 6 (56), pp. 87–97.
40. Antipoff H. L'étude des aptitudes motrices [The study of motor skills] // *L'Éducateur* [L'Éducateur], *L'Éducateur* [L'Éducateur], 1927, no. 63, pp. 309–315.
41. Antipoff H. L'évolution et la variabilité des fonctions psycho-motrices [Evolution and variability of psycho-motor functions], *Archives de Psychologie* [Archives of Psychology], 1928, no. 21, pp. 1–54.
42. Antipoff H. L'intérêt et l'usage des tests scolaires [The interest and use of school tests], *L'Éducateur* [L'Éducateur], 1928, pp. 121–124.
43. Antipoff H. Observations sur la compassion et le sentiment de justice chez l'enfant [Observations on children's compassion and sense of justice], *Archives de Psychologie* [Archives of Psychology], 1928, no. 21, pp. 209–215.
44. Leontiev A. N. Artículo de introducción sobre la labor creadora de L.S. Vygotski [Introductory article on the creative work of L.S. Vygotski], *Vygotski L.S. Obras escogidas* [Vygotski L.S. Obras escogidas]. Vol. 1. Madrid, 1991, pp. 419–450.
45. Vygotski L.S. Los métodos de investigación reflexológicos y psicológicos [Reflexological and psychological research methods], *Vygotski L.S. Obras escogidas*. [Vygotski L.S. Obras escogidas]. Vol. 1. Madrid, 1991, pp. 3–22.

Информация об авторе

Кампос Регина Хелена де Фрейтас — PhD, профессор педагогической психологии, Федеральный университет штата Минас-Жерайс, президент центра психологических исследований и документации им. Елены Антиповой (Федеральный университет штата Минас-Жерайс), координатор группы специалистов по истории психологии Бразильской психологической ассоциации, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия. E-mail: regihfc@terra.com.br

Information about the author

Regina Helena de Freitas Campos — PhD, professor of Educational Psychology, Federal University of Minas Gerais, president of the Center for Psychological Research and Documentation named after Elena Antipova (Federal University of Minas Gerais), coordinator of the group of specialists in the history of psychology of the Brazilian Psychological Association, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil. E-mail: regihfc@terra.com.br

Статья поступила в редакцию 14.07.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 14.07.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Siberia Humanitarian. 2023;(4):147—158.
Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 147—158.

The development of the education system: foreign experience

Original article
УДК 376.684(560)(=161.1)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-147-158

Education of White Immigrants' Children in Istanbul in 1920—1923

Türkan Olcay

Istanbul University, Istanbul, Türkiye Cumhuriyeti, turkanolcay@gmail.com

Abstract. The article discusses the organization of education for the children of Russian refugees, called “White Russians,” in Istanbul in 1920–1923. The main focus of the study is on the quantitative analysis, on the age and social composition of the children of White immigrants, and the property status of refugees. Also the assistance of Russian and international charitable organizations in the creation of educational institutions for the children of White immigrants is highlighted. The school educational process is analyzed, and the future fate of Istanbul educational institutions is revealed. The author comes to the conclusion that the three-year active work of Russian and foreign organizations in Istanbul to save Russian children from death, namely to ensure their nutrition, upbringing and education, practically ceased by the end of 1923 due to the transfer of some of the schools to Bulgaria and Belgium and the gradual closure of the remaining ones.

Keywords: Russian Immigration of 1919–1921 to Turkey, Children of White Russians, Russian Refugees School in Istanbul

For citation: Olcay T. Education of White Immigrants' Children in Istanbul in 1920–1923. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):147—158. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-147-158.

Развитие системы образования: зарубежный опыт

Научная статья

Обучение детей белых иммигрантов в Стамбуле в 1920—1923 гг.

Тюркан Олджай

Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика, turkanolcay@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации обучения детей русских беженцев, именуемых «белыми русскими», в Стамбуле в 1920—1923 гг. Основное внимание в исследовании уделяется анализу количественного, возрастного, социального состава детей белых иммигрантов, имущественного положения беженцев. Освещается помощь российских и международных благотворительных организаций в создании учебных заведений для детей белых иммигрантов. Анализируется школьный образовательный процесс, а также раскрывается дальнейшая судьба стамбульских учебных заведений. Автор приходит к выводу о том, что трехлетняя активная деятельность русских и иностранных организаций в Стамбуле по спасению русских детей от гибели, а также по обеспечению воспитания и образования, к концу 1923 г. практически прекращается ввиду перевода части школ в Болгарию и Бельгию и постепенного закрытия оставшихся.

Ключевые слова: русская иммиграция 1919—1921 гг. в Турцию, дети белых русских иммигрантов, образовательные учреждения для русских беженцев в Стамбуле

Для цитирования: Олджай Т. Обучение детей белых иммигрантов в Стамбуле в 1920—1923 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 147—158. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-147-158.

Introduction

The Civil War in Russia that followed the October Revolution of 1917 led to a mass exodus of hundreds of thousands of people from the country. The main starting point of the evacuation was the Black Sea coast, and the destination was Istanbul. The sailing to Istanbul took place in three stages, each differing from the other primarily by the different socio-economic status of the refugees.

The initial stage of immigration dates back to 1919. The core of this wave was made up of aristocrats trying to get to the Western European capitals, mainly Paris, where the Russian Provisional Government was established. Thus, Istanbul turned out to be only an intermediate point for them.

A larger wave of immigrants came to Istanbul in February 1920, after the Bolsheviks occupied Odessa. The mass evacuation of people was carried out from the ports of Odessa and Novorossiysk. Because General A.I. Denikin went to Istanbul with this wave of immigrants, it was nicknamed “Denikin's”. The immigrants of this wave belonged to different classes, but most of them had no money and needed shelter and food.

Eight months later, the third stage began. The last and largest wave of refugees, the “Wrangel”, poured into Istanbul after the Red Army captured Crimea on November 16, 1920. The commander-in-chief of the Russian army, Baron General P.N. Wrangel, issued an order for evacuation of the army and navy. The military was followed by their family members, loved ones, as well as members of educational institutions and other civilians who managed to get on the ships. By the end of November 1920, 126 overloaded ships were anchoring one after another in the Golden Horn Bay and in the Sea of Marmara.

The number of children of White immigrants who arrived in Istanbul

Registration of White immigrants in Istanbul began in February 1920, immediately after the arrival of the second wave and was conducted by the British occupation authorities. In May, by the decision of the Central Joint Committee of Russian Public Organizations, the Main Reference Bureau was created. Since August 1921 the Main Registration Bureau¹ task was to carry out administrative work for the purpose of re-registration of Russian refugees in Istanbul and its environs. By the end of June, 25 thousand names had been registered. In November 1920, after the arrival of the third wave of immigrants who evacuated from the Crimea together with the remnants of the Russian army of General P.N. Wrangel, the Bureau's filled up instead of began to be replenished quickly and reached 190 thousand names with addresses.

Other attempts were also made to statistically record the White immigrants who arrived in Turkey. For example, the beginning of the activity of the Central Information Bureau of Countess Bobrinskaya dates back to May 1920. However, it did not last long – only until August 1921. Attempts to register and count Russian refugees were made by several organizations after the closure of the Central Information Bureau starting with the Russian Zemgor (United Committee of the Union of Zemstvos and the Union of Towns)² and ending with the American Red Cross. As a result, today there are several points of view regarding the quantitative composition of Russian immigration in Turkey.

According to the information specified by the authors of the textbook “Russian immigration in Turkey, South–Eastern and Central Europe of the 20s”, based on

¹ It was created in May 1920. Since August 1921 – the Main registration bureau.

² Zemgor – Russian organization created in 1915 to help the government with their efforts in World War I. The first Chairman of the Committee was Prince G. Ye. Lvov, a representative of the Constitutional Democratic party. The organization was disbanded by Bolsheviks in 1919.

the materials of the Russian State Military Archive (RGVA), the number of Russian military in Istanbul was estimated at 50–60 thousand, of which almost half were officers, and the number of civilian refugees was 130–150 thousand. About 30 thousand civilian refugees were selectively identified on the basis of their professional affiliation, 2,700 (9%) of which were students and 2,700 (9%) minors. [1, c. 11]¹ Thus, at the end of 1920 – the beginning of 1921, out of 130–150 thousand civilian refugees, researchers identify about 25 thousand children. [1, p. 26]

The priority was the issue of urgent dispersal of the refugee mass. All the wounded, sick and disabled were accommodated in foreign and Russian hospitals, sanatoriums and homes for the disabled in the Istanbul area. About 60 thousand ranks of the army were sent, with the preservation of the military organization and with the abandonment of some weapons, to special military camps in Gallipoli, in the Chataldzha area, and to the islands of Mudros and Lemnos. The materially well-off refugees (aristocrats, officials and merchants), having settled all the formalities within one or two weeks, went on to Europe. According to Red Army intelligence, the number of such refugees reached 35–40 thousand people by the beginning of November. [1, p. 11] The rest of the 90,000 to 110,000 mostly materially unsecured civilians were left to themselves.

Based on the above, we can conclude that by the end of 1920 and the beginning of 1921, there were about 8–10 thousand students and the same number of children of White immigrants in Istanbul.

Age, marital and property status of refugee children

In contrast to determining the quantitative and age composition, it is more difficult to clarify the family and property status of the children of White immigrants. And here the analysis of 2 403 children's essays comes to the rescue. This is about 6 500 pages of text written by students on the topic "My memories since 1917" ("Moi vospominaniya s 1917 goda"), written in 1924 on the initiative of the Pedagogical Bureau under the chairmanship of Professor Vladimir Zenkovsky. [2]

The essays belong to students of all classes of 15 Russian immigrant schools: 2 from Turkey, 1 from Bulgaria, 10 from Yugoslavia and 2 from Czechoslovakia, 9 of which are mixed, 4 are male and 2 are female.

The authors of the essays are children: 1603 boys and 781 girls (the gender of 19 is not defined) aged from 8 to 24 years, which means that during the revolutionary events their age was 7, and during the evacuation to Istanbul 4 years less, i.e. from 4 to 20 years. Therefore, they must remember everything that has happened to them since 1917 differently.

In the 701 essay there was no mention of marital status at all, in the 360 – it was rather vaguely. 1012 children spoke of their parents, one or both, as being alive. In 330, the death of the father is reported, in 137 the mother and in 54 both parents were reported as dead. It is impossible to determine a very important figure – the number of unaccompanied children, meaning those whose parents remained in Russia. In any case, it is a significant data; especially many single children were among the students of cadet corps and institutes, those educational institutions that had been established in Russia and evacuated with their entire staff.

There were 889 people who had previously studied in Russia, 151 in other Russian schools in emigration. Many children aged 11–12 took part in the armed struggles during the civil war years.

Even more interesting for our study is the fact that for all of them Istanbul was either a transit point (students of the gymnasium in Yugoslavia), or a place

¹ With reference to: RGVA, f. 101, inv. 1, case 148, p. 58; f. 102, inv. 3, case 584, p. 89–90; p. 12; f. 33988, inv. 2, case 596, p. 187 on the back; f. 7, inv. 2, case 734, p. 10; f. 109, inv. 3, case 360, p. 4 with on the back; case 373, p. 20; p. 13; f. 7, inv. 2, case 386, p. 4; f. 109, inv. 3, case 365, p. 4 with on the back; case 373, p. 22; f. 33988, inv. 2, case 213, p. 364 with on the back; p. 26; GARF, f. 5809, inv. 1, case 100, p. 27.

where they studied for up to one year (former students of the First Constantinople Gymnasium and then the Russian gymnasium in Moravian Trebova, as well as Mrs. Neratova's gymnasium in Bulgaria), or continued to live and study for a fourth year in the British schools for Russians founded in Istanbul.

The material survey shows that the social composition of pupils in different schools is rather heterogeneous. The parents of most of the children belonged to the average urban intelligence. Coming from almost all over Russia, they mostly fled abroad during the evacuations from Odessa, Novorossiysk, Crimea, Arkhangelsk and Vladivostok. Many children left either with the army or with educational institutions without their parents. A minority came from Russia after the end of the civil war, after surviving the famine of 1921.

Another significant group is the children of Cossacks, mainly Donetsk. "Singling them out as a special group, different from the urban intelligence, in addition to other specific features typical for them, is also caused by the fact that they were mostly villagers, farmers, often poor, who themselves worked with their families on the land". They stand apart from the general mass of children. Cossack children and cadets are "thereal victims of the revolution... They suffered more than the other children". [1, p. 17]

Finally, the children of landowners are not a very large group. No more than 10 with 20 essays contain indications of a strong, permanent and everyday connection of the authors' parents with the land and the village. In most of the essays of this insignificant group, there is only a brief statement of the fact of their social identity.

The fate of Russian refugee children in Istanbul

The fate of the children and, above all, their physical survival was practically everyone's concern from the first day of the exodus. The outcry "Save the children!" was heard even on Allied ships carrying away refugees. Voluntary groups were organized on their overloaded decks with the purpose of providing classes for the children. Immediately upon arrival in Istanbul, all the Allied authorities responded to the same need. The Princes' Islands were equipped for the resettlement of poor refugees, providing them with shelter, food and medical care.

Photo 1. In the canteen of the International Union for Children's Aid, which served the boarding school and kindergarten of the Russian House. Photo from the author's personal archive
Фото 1. В столовой Международного союза помощи детям, которая обслуживала интернат и детский сад Русского дома. Фото из личного архива автора

“On Proti¹ the Americans organized help, on Antigone² – the Italians, on Halki³ – the French and on Prinkipo⁴ – the British”. American ships stationed in Istanbul made general contributions to purchase food for the refugees, and special feeding stations were in operation. Almost every Allied warship had adopted groups of Russian orphans.

*Photo 2. Gen. Baron P.N. Wrangel with the pupils of the School of American sailors. Photo from the almanac: [3]
Фото 2. Ген. барон П. Н. Врангель с воспитанниками Школы американских моряков. Фото из альманаха: [3]*

Thousands of Russian children were also saved from physical and moral death by the help of such international charitable institutions as the American Red Cross and the American Relief Organization (ARA), the League of Nations, the International Red Cross, the Red Crescent and other humanitarian organizations, as well as individual benefactors and representatives of American and British committees – the United States High Commissioner in Istanbul and the Head of the American Red Cross, Admiral Bristol and Mrs. Bristol, Mrs. Mitchell, Mrs. Reggles, Professor Whittimore and others.

In addition to the organized assistance of foreign governments and charitable institutions, the local population of Istanbul also came to the rescue, carrying it out privately. Thanks to this private assistance, the wife of the Russian Consul General, M.I. Yakimova, was able to arrange daily donation of food to over 200 people for over two years. “At first, it was done with money donations collected by her, and then by subscription lists or personally by going around banks, stores, restaurants and private wealthy individuals, and all nationalities, Turks, Greeks, Armenians, Georgians and Jews, gave as much as they could to feed the starving Russian refugees”. [3, c. XV]

The children needed not only to be fed, clothed and shod, but also to be educated and taken care of their soul “its straightening and healing, and its liberation from the heavy burden of everything experienced...” [2, c. 160] That is why the main mission of their inclusion in the process of socialization was transferred to educational institutions.

¹ One of the Prince islands (now Khynaly).

² One of the Prince islands (now Burgaz).

³ One of the Prince islands (now Heibeli).

⁴ One of the Prince islands (now Buyukada).

Educational institutions for children of White immigrants in Istanbul

The loss of homeland, family, school posed a serious threat to children's value system and might have led to moral degradation, and, in particular, to "denationalization" of personality, forgetting their native language, religious traditions and lack or low level of knowledge about Russia, etc. Children of pre-school and primary school age were of particular concern. The solution to this social and pedagogical problem imposed the need for creating a system for national education and upbringing of the younger generation, which included a set of educational institutions and out-of-school institutions with primary purpose of educating younger generation by creating a Russian micro society.

In order to help refugees, especially children, Russian charitable institutions began to emerge one after another in various European capitals, including Istanbul, by mid-1920 and throughout the following 1921. They were coordinated and financed by the Zemstvo and City Committee, established in Paris for Assistance to Russian Citizens Abroad.

A meeting in May 1920 in Istanbul of representatives of government and public organizations abroad under the chairmanship of General A.S. Lukomsky assigned the duties of organizing school education to the All-Russian Union of Cities, whose activities were financed by the government of P.N. Wrangel. The American Red Cross also rendered great assistance.

The Provisional Main Committee of the All-Russian Union of Cities conducted its cultural and educational activities in Istanbul through a group of public figures headed by P.P. Yurenev and A.V. Zhekhulina who were stationed in Istanbul.

From the middle of 1920 until February 1921, the Committee of the All-Russian Union of Cities managed to accomplish a lot on the issue of education of immigrant children in Istanbul. In Istanbul they created "three gymnasiums (for over 900 students), three colleges (incomplete secondary schools), ten elementary schools, two orphanages, ten kindergartens, playgrounds and nurseries, six children's canteens and many boarding schools". [4, c. 12]

Photo 3. Progymnasium of the All-Russian Union of Cities at Selimiye camp. Photo from the author's personal archive
 Фото 3. Прогимназия Всероссийского союза городов в лагере «Селимие». Фото из личного архива автора

Since February 1921, the cultural, educational and school work in Istanbul has received regular and relatively extensive support from the Zemstvo and City Committee, which allocated a total of 739,330 francs from March to June 1921 to the Provisional Main Committee of Sogor. [4, c. 12]

In parallel with the Committee of the All-Russian Union of Cities, other Russian organizations and private individuals also maintained 3 gymnasiums, an orphanage, a shelter and an elementary school. In June 1920, on the initiative of the wife of the Russian ambassador, Mrs. V.V. Neratova, the School of the Holy Cross, known as the “Neratova Gymnasium”, resumed its activities, with 117 boys and 76 girls enrolled. It was followed by a second parochial gymnasium in Harbiye at St. Nicholas Church, and a third one on Gallipoli, which was maintained by the Russian military command. The orphanage was founded by the Russian Red Cross Society, the elementary school by Baroness Wrangel, and the Catholic boarding school by Father Sipyagin.

From the diary of Archbishop Damian (Govorov) of Tsaritsyno, kept by his great-grandson in Bulgaria, we discover that since March 1, 1921, the St. Vladimir Brotherhood, which was headed by Bishop Damian, rented a house of 38 rooms in neighbourhood Ferikoy of the district Shishli, known as the “Russian House”: “In 17 rooms, renovated with the assistance of Prof. Whittimore and the American Red Cross and the American Committee for the Rescue and Education of Russian Children, a kindergarten for 60 children was established. In addition to the kindergarten, a boarding school for young men of school age for 30 people and a canteen serving the boarding school and kindergarten were included. An orphanage for children with disabilities, warm barracks for overnight accommodation of the poor and a bathhouse were being planned to be open”. [5, c. 476—477]

International charitable organizations as well as the Union authorities were directly involved in solving the problem of educating immigrant children. “Foreign charitable organizations and donors (American Red Cross, American Relief Organization, International Red Cross, English societies, representatives of American societies – Mrs. Bristol, Prof. Whittimore, etc.), by willingly adding their funds to the sums of money spent by the Russians themselves, increased several times (mainly with food and linen) the funds released by the Zemstvo and City Committee”. [4, c. 12]

For example, in the middle of 1920, two schools were established in Buyukdere district and on Proti Island with the funds of British private benefactors who formed the “Society for helping Russians and assisting in the restoration of Russia” in London.

The school in Buyukdere was headed by Father Churchward, an experienced English teacher of “high moral qualities, exceptionally beneficial” for the pupils, and the school in Proti – together with his deputy Mr. Coffey who was “also skillfully and intelligently directing the moral education of his pupils”. [3, c. XXXII]

Unfortunately, it is not known how many children were educated in these institutions from the first days. It is known that by the beginning of 1924 the school in Buyukdere had 270 boys and 30 younger girls, and the orphanage school in Proti had over 80 Russian girls.

In August 1921, with the material support of American sailors, a free Russian school was opened, which was attended by up to 30 children at a time, ranging in age from 6 to 12 years old. The children gathered at the school in the morning and spent the whole day until 6 o'clock in the evening, receiving excellent meals. When the first of two United States Navy ships named after Seaman Norman Eckley Edsall that helped the school left for America, it handed over the care of the school to the crew of the second destroyer, which maintained the school until its closure, that is, until September 1, 1923. The trustee of the school, Princess Gagarina, involved the wife of Admiral Bristol's chief of staff, Mrs. Hepburn, and subsequently transferred to her all the cares of the school and its pupils. [3, c. XIX]

Education of children of White immigrants

The October Revolution and the events that followed it, led to a 3-year break in the educational process. Many children were completely deprived of education and upbringing, which undoubtedly affected the learning process in Istanbul's educational institutions. The composition of the classes in them can be divided into two main groups, which can be labeled as students and additional students. The age span of the pupils was different in all the classes, which resulted in the absence of any distinction between pupils of V, VI, VII and VIII classes. Often even in V class there were older pupils than in VIII class.

Photo 4. Lesson of Russian literature in the seventh grade of the First Constantinople Gymnasium in Topkhane. 1921. Photo from the archives of Major Charles Claflin Davis

Фото 4. Урок русской литературы в седьмом классе Первой Константинопольской гимназии в Топхане. 1921. Фото из архива майора Чарльза Клафлина Дэвиса

Most of them were severely affected by all the horrors of the revolutionary era and the civil war, many of them had been at the front for several years and had not taken a book in their hands.

A clear assessment of the divergence of intellectual school criteria from the criteria of life is the record made by V.V. Zenkovsky: "The children's soul nowadays resembles a dilapidated house in which only a few living quarters have survived, and everything else is destroyed, crumpled and broken... Their soul, of course, is relentlessly healing itself, but our duty is to help it in every possible way, for it is not easy for them to cope with the heavy burden, with the poison that has poisoned their souls...". [2, c. 160]

The students first of all needed a "pedagogical therapy". It was the duty of the teachers to heal their wounded soul, to prepare them for life, to make people out of them. How to achieve this? The answer is the speech of the director A.A. Petrov at the first meeting of the pedagogical council of the First Constantinople Gymnasium of the All-Russian Union of Cities in which he says: "We cannot think only about supplying students with some complex knowledge; we must once and for all abandon the old passive school. It goes without saying that the task of education comes to the fore: we must educate the children, and the rest will come easily; we cannot think of developing only the intellect when the

whole soul is sick. But we cannot accept the method of 'nurturing education', which may have many good sides, but is unsuitable for the present moment. The whole structure of the school must be arranged in a way that the lessons, the recreations, the life in the boarding school should affect the whole soul of the child or young person, including both educating and teaching at the same time. Our school must become, first of all, a school-family, where the life of the teacher is inseparably linked with the life of the children, where there will not be two camps: 'we' and 'they', but all will be united. Furthermore, our school, in view of the time we live in, must think about the education of the will and character, and to fight against the flaccidity and softness that so strikingly affected the Russian intelligence in this year of severe trials. Finally, the third - and perhaps the most important: guided by the latest trends in pedagogy and psychology, our school should be strictly national, we have a difficult and responsible task - to preserve in children, and in the right cases to ignite in them the holy fire of love for the lost fatherland, to acquaint them with the greatness of their native history and the beauty of their native poetry and literature - in a word, to give them knowledge and understanding of the native land". [6 c. 95-96]

The greatest challenge for the education process was the diversity of ages (9-23) and the heterogeneity (from the most democratic classes to the titled ones) of the classes in co-education. However, it was this coeducation that was most beneficial: the female element undoubtedly played a tremendous ennobling role.

"Every day it was felt that the coarseness of manners and expressions with which the former 'warriors' had come to the gymnasium was softening; it was possible to see clearly how these prematurely aged young men were becoming children again, how the deep creases of thoughtfulness or contempt that had been formed on their foreheads were gradually disappearing. The atmosphere was improving in general, but some individuals continued to be 'wild animals' and looked at everything that was going on with a sidelong glance. The majority did not believe in the durability of this 'scheme'; it seemed to them that a week or two would pass and this 'prosperity' would end, and then... again the street, again hunger and poverty, or at best hard physical labor on the Constantinople wharf". [6, c. 98]

As for the academic program of Russian schools in Istanbul under the auspices of the All-Russian Union of Cities, we note that they had all the rights of Russian government educational institutions abroad. And the content and direction of the educational activities were determined by the programs and study table approved by the Crimean government.

The gymnasium programs were based on the latest orders of the Ministry of Count N.P. Ignatiev, but with some changes: the study of Latin began not in the III, but in the V grade and 3 lessons per week were given to it; the study of new languages was also strengthened: French, German and English, with the mandatory study of two of them was provided, as well as group French conversational practice lessons three times per week. Mandatory manual labor lessons (mainly shoemaking); special courses of needlework and fine work for girls were organized outside of school hours, with the assistance of representatives of the American Red Cross, who undertook free teaching and supplying students with material. [6, c. 93]

The programs of educational institutions organized and managed by foreigners were close to the pre-war programs of the Russian real seven-year school with some changes and adaptation to the new circumstances. "Everyone who had a chance to visit British schools for Russian children in Buyukdere or on Proti, was left with the most enthusiastic impressions from these visits, particularly satisfied by the very system of education of children in the spirit of love for their homeland, with Russian customs and Russian way of life preserved intact". [3, c. XXII]

They were purely Russian schools aimed to give children not only general education, but also a practical training for the future in the field of technology, agriculture or commerce. At the same time, much attention was paid to the study of foreign languages (English, French, and German) – the total number of lessons per week was 28–29. In addition, for two hours, the children worked under the guidance of experienced instructors in one of the following workshops: carpentry, locksmithing, shoemaking, bookbinding, tailoring, oil and water painting, wood carving and decorative arts; or learned gardening and horticulture. Children were usually trained in two or three workshops in succession.

The mission to save thousands of refugee children was successful – they were plucked from the ruinous environment of the barracks or the streets and then included in a well-organized educational process. The establishment of a number of educational institutions in Istanbul, as well as the educational activities in them had a special character – neither the economic nor the political conditions in the country allowed to think about a lasting settlement of the Russian immigration here. That is why Istanbul turned out to be only a temporary shelter for refugee children, only one stage on the way to further resettlements, mainly in Slavic countries.

By the beginning of 1923, “Russian” Istanbul gradually began to disappear. From the huge wave of refugees, which in 1919–1920 from the Black Sea ports to the shores of the Bosphorus, by 1924 only about 10 thousand people remained, and by 1926 – 4–5 thousand people. With the termination of the occupation of the city by the Entente troops and the announcement of the new republican government in the country, foreign humanitarian organizations stopped their work, and numerous Russian institutions serving them closed or evacuated together with the flow of refugees.

The fate of educational institutions in Istanbul

During 1922–1923, the chain of schools and cultural/educational institutions of the Zemstvo and City Committee in Istanbul and its environs was gradually dismantled. The most important institutions were evacuated. The First Constantinople Gymnasium (600 students with teaching staff and parents) was transferred to Trebova in Czechoslovakia at the end of 1921.

*Photo 5. Sending Russian children to Prague. Photo from: [3, с. XXVII]
Фото 5. Отправка русских детей в Прагу. Фото из: [3, с. XXVII]*

The other gymnasium was renamed “Pupil's Stage and Passing Point”, and its cadre of teachers and students gave rise to large Russian gymnasiums in Shumen (Bulgaria) and Dolno Orekhovo (Macedonia). The students of several Kuban folk schools were evacuated to Bulgaria from Lemnos, which laid the foundation for the agricultural school in the Plakovo monastery “The Holy Prophet Elijah”. [3, c. XXII]

The orphanage could not be evacuated as a whole institution. Some of the children and staff left for Belgium, America and other countries, while the rest stayed in Istanbul. The property of the orphanage, the bookstore and libraries were transferred to Serbia. The remaining small institutions of the Zemstvo and City Committee in the Istanbul district were gradually closed during 1923 and student aid was discontinued.

The fate of other educational institutions, which appeared in Istanbul, but were not included in the chain of schools maintained by the Zemstvo and City Committee, is the following: the gymnasium of Mrs. Neratova was transferred to Bulgaria in February 1922, in Peshtera town; the gymnasium, maintained by the military command in Gallipoli, was also evacuated to Bulgaria, in the town of Gorno-Panicherevo; the orphanage of the Russian Red Cross Society was moved to Belgium in the spring of 1923. In the summer of 1923, the gymnasium established by the parish of St. Nicholas Church in Harbiye district, which had been subsidized by the Zemstvo and City Committee, was also finally closed.

After the departure of the Allied authorities, only few of the previously numerous school institutions remained in Istanbul. At the end of 1923, there were still two secondary schools maintained by the English Charitable Society – one in Buyukdere (180 boys of poor Russian refugees or orphans aged 9–19) and one on Proti Island (60 girls), as well as one elementary school named after Baroness Wrangel (32 pupils). Outside the schools, there were approximately 200 school-age children. [4, c. 15]

Thus, the three-year vigorous activity of Russian and foreign organizations in Istanbul to save Russian children from death and provide them with food, upbringing and education comes to a complete halt.

Список источников

1. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) : учеб. пособие для студентов / [Е. И. Пивовар (рук.), Н. П. Герасимова, С. И. Голотик и др.]. М. : Историко-архивный ин-т РГГУ, 1994. 117 с.
2. Дети эмиграции. Воспоминания. М. : Аграф, 2001. 256 с.
3. На прощание. Nos Adieux. Farewell. 1920—1923. Константинополь : Бабок и Сыновья, 1924. С. XV, XXIV, LII, LXIX с.
4. Зарубежная русская школа, 1920—1924 / Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Париж : Rapid-Imprimerie, 1924. 278 с.
5. Словачевский Ю. «Жизнь, описанная в письмах, или Разлука длиной в сорок лет». Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. М. : Новые печатные технологии ; Синержи, 2013. 794 с.
6. Русская школа за рубежом: материалы по истории русской школы за рубежом. Кн. 9. Прага : Объединение земских и городских деятелей в Чехословакии, 1924. С. 92—118.

References

1. Pivovar E.I. (ed.), Gerasimova N.P. (ed.), Golotik S.I. (ed.) Rossiiskaia emigratsiia v Turtsii, Iugo-Vostochnoi i Tsentralnoi Evrope 20-kh godov : (grazhdanskii bezhentsy, armii, uchebnye zavedeniia) [Russian emigration in Turkey, Southeastern and Central Europe in the 20s: (civilian refugees, army, educational institutions)]: ucheb. posobie dlia studentov. Moscow, Istoriko-arkhivnyi in-t RGGU, 1994, 117 p.
2. Deti emigratsii. Vospominaniia [Children of emigration. Memories]. Moscow, Agraph, 2001, 256 p.

3. Na proshchanie. Nos Adieux. Farewell. 1920–1923 [Goodbye. Nos Adieux. Farewell. 1920–1923]. Konstantinopol, Babok i Synovia, 1924, pp. XV, XXIV, LII, LXIX.
4. Rossiiskii zemsko-gorodskoi komitet pomoshchi rossiiskim grazhdanam zagranitse. Zarubezhnaia russkaia shkola, 1920–1924 [Foreign Russian School, 1920–1924]. Parizh, Rapid-Imprimerie, 1924, 278 p.
5. Slovachevskii Iu., Chumachenko V.V. (ed.), Chumachenko P.V. (ed.), Rozhkova S.A. (ed.). «Zhizn, opisannaia v pismakh, ili Razluka dlinoi v sorok let». Beloemigranty v Bolgarii. Vospominaniia ["Life described in letters, or a separation of forty years". White emigrants in Bulgaria. Memories]. Moscow, Novye pechatnye tekhnologii, Sinerzhi, 2013, 794 p.
6. Russkaia shkola za rubezhom: materialy po istorii russkoi shkoly za rubezhom Kn. 9. [Russian School Abroad: Materials on the History of Russian School Abroad. Book 9]. Praga, Obieedinenie zemskikh i gorodskikh deiatelei v Chekhoslovakii, 1924, pp. 92–118.

Информация об авторе

Олджай Тюркан — доктор филологических наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Information about the author

Türkan Olcay — doctor of philological sciences, professor, Istanbul University, Istanbul, Türkiye Cumhuriyeti. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 18.09.2023.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ THE DEVELOPMENT OF MODERN EDUCATION

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 159—165.
Siberia Humanitarian. 2023;(4):159—165.

Развитие современного образования

Научная статья
УДК 327:378.147
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-159-165

Формирование навыков социальной коммуникации у студентов, изучающих международные отношения: проектный подход

Денис Владимирович Чернов¹, Сергей Николаевич Ульяницкий²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ chernov.de@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3022-5927>

² sulyanitskiy-19@edu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования навыков социальных коммуникаций как необходимое условие подготовки студентов в области международных отношений. Определяется понятие социальных коммуникаций, аргументируется их значимость в современном пространстве международных отношений. В качестве эффективного механизма формирования навыков социальной коммуникации в статье раскрывается проектный подход. Проанализирован и представлен опыт реализации проектной деятельности в Сибирском институте управления среди студентов младших курсов направления подготовки «Международные отношения».

Ключевые слова: социальная коммуникация, проектный подход, международные отношения

Для цитирования: Чернов Д. В., Ульяницкий С. Н. Формирование навыков социальной коммуникации у студентов, изучающих международные отношения: проектный подход // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 159—165. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-159-165.

The development of modern education

Original article

Formation of students' social communication skills, students of international relations: a project approach**Denis V. Chernov¹, Sergey N. Ulyanitsky²**^{1, 2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation¹ chernov.de@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3022-5927>² sulyanitskiy-19@edu.ranepa.ru

Abstract. The article considers the process of formation of social communication skills as a necessary condition for students' training in the field of international relations. The concept of social communications is defined, their importance in the modern space of international relations is argued. The article reveals the project approach as an effective mechanism of social communication skills formation. The experience of project activity implementation at the Siberian Institute of Management among junior students of “International Relations” training direction is analyzed and presented.

Keywords: social communication, project approach, international relations

For citation: Chernov D.V., Ulyanitsky S.N. Formation of students' social communication skills, students of international relations: a project approach. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):159—165. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-159-165.

В современном мире эффективная коммуникация играет решающую роль в жизни, в том числе в профессиональном развитии. Для специалистов в области международных отношений, чья работа связана с пониманием, анализом различных культур, международным взаимодействием в условиях геополитической динамики, особенно актуальна социальная коммуникация, которая включает в себя как непосредственные, так и опосредованные формы общения.

Благодаря непосредственному общению с представителями разных культур специалисты получают личный опыт и представление о различных системах ценностей, нормах и убеждениях. Такое общение помогает им оценить культурное разнообразие, развить навыки эффективной межкультурной коммуникации, установить личные связи.

Социальные коммуникационные платформы предоставляют специалистам возможность участвовать в межкультурном диалоге более широкого диапазона. Онлайн-форумы, дискуссионные группы и виртуальные конференции позволяют им активно участвовать в таком взаимодействии, ориентироваться в сложных межкультурных ситуациях в своей профессиональной деятельности. Кроме того, социальные коммуникационные платформы позволяют получить доступ к большому кругу разнообразных источников информации. Интернет, социальные сети и цифровые базы данных обеспечивают мгновенный доступ к научным статьям, отчетам и аналитическим запискам со всего мира. Используя эти платформы, специалисты могут расширить свою базу знаний, изучить различные точки зрения и развить способность всестороннего анализа сложных международных проблем. Таким образом, социальная коммуникация, как отмечает Е. В. Воевода, выступает в качестве катализатора непрерывного обучения и интеллектуального роста в области международных отношений [1, с. 204—206].

Социальная коммуникация играет решающую роль в расширении профессиональных сетей и установлении значимых связей с людьми и организациями, вовлеченными в международные отношения. На конференциях, семинарах и дипломатических мероприятиях специалисты могут встретиться с политиками, дипломатами, учеными и профессионалами из раз-

личных секторов. Такое взаимодействие дает возможность наладить профессиональные отношения, обменяться идеями и изучить возможности сотрудничества. Более того, социальные медиаплатформы произвели революцию в сетевом взаимодействии в сфере международных отношений. Активно участвуя в работе таких платформ, специалисты могут расширить свою сеть, получить известность и утвердиться в качестве идейных лидеров в своих областях. Эти сетевые возможности не только способствуют их профессиональному развитию, но и открывают двери для карьеры, сотрудничества в области исследований и участия в политической деятельности.

Исследователи отмечают, усложнение международных отношений, что оказывает прямое влияние на деятельность специалистов в этой области. Профессиональный дискурс, который является сложным коммуникативным явлением, включает создание устных и письменных текстов с учетом экстралингвистических факторов. Для специалистов-международников профессиональный дискурс включает общение на международном уровне в политической, экономической и общественной сферах. Успех работы специалистов в области международных отношений на внутреннем и внешнем политическом уровнях зависит от их профессионализма и компетентности [2, с. 221—231]. Государство сталкивается с проблемой подготовки будущих международников к работе в международной среде.

Формирование навыков для работы в международной среде является важным аспектом подготовки специалистов в области международных отношений. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования по направлению «Международные отношения», обращает внимание В. Н. Астров, студенты должны владеть корпоративной культурой международного общения и эффективными методами делового общения в международной среде. Они должны также быть готовы к работе в мультикультурных и международных группах и использовать особенности местной деловой культуры зарубежных стран [3, с. 57—72].

Профессиональные компетенции включают владение как минимум двумя иностранными языками и коммуникационными навыками для ведения диалогов и переговоров с партнерами. Изучение иностранных языков становится приоритетной задачей для успешного осуществления межкультурного взаимодействия. Профессиональное общение включает в себя знание социокультурных норм и традиций других стран, а также социокультурных норм целевого общества. Необходимым условием подготовки специалистов, способных работать в мультикультурной среде, является формирование толерантности. Речевая активность в профессиональной коммуникации должна соответствовать социальному контексту, который определяет истинное значение выражений. Несоответствие речевого поведения менталитету может вызывать препятствия в коммуникации. Явные и скрытые разногласия, а также неприятие определенных политических, экономических и социокультурных моделей, отличающихся от привычных, неизбежно проявляются между сторонами на переговорах, если они не готовы к межкультурной коммуникации. Руководители компаний, занимающихся международной торговлей, отмечают, что от представителей разных культур сложно ожидать единого подхода при переговорах, а успех в международном бизнесе во многом зависит от успешного преодоления языковых и культурных барьеров, а также установления общих ценностей и принимаемой поведенческой системы.

За последние десятилетия требования к качеству подготовки специалистов-международников изменились, что привело к возрастанию интереса к научно-практическим исследованиям дипломатических аспектов соци-

альной коммуникации, в частности связанным с преодолением межкультурных барьеров. Теория межкультурной коммуникации возникла на пересечении различных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, психология, история, география, социология, бизнес и деловое общение. Навыки социальной коммуникации студентов, изучающих международные отношения, включают навыки межличностного общения, понимания культуры, владения языком и стратегического мышления.

Эффективным образовательным инструментом формирования компетенций выступает проектирование. Работа над проектом является неотъемлемым компонентом организации как учебной, так и внеучебной деятельности для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения», и играет решающую роль в развитии их навыков социальной коммуникации. Благодаря заданиям, основанным на проектах, студенты получают возможность применять теоретические знания, заниматься практическим решением проблем, сотрудничать со сверстниками и эффективно доносить свои идеи. Эти проекты служат для студентов платформой для изучения реальных проблем, анализа сложных ситуаций и развития способностей критического мышления. В контексте социальной коммуникации проектная работа обладает уникальными преимуществами, которые способствуют эффективному развитию навыков учащихся в этой области.

Во-первых, работа над проектом способствует активному вовлечению и практическому обучению. Студенты активно участвуют в проведении исследований, сборе и анализе данных по теме проекта. Этот процесс требует поиска различных источников информации, критической оценки различных точек зрения и обобщения полученных результатов. По мере углубления в работу над проектами студенты поощряются к участию в содержательных дискуссиях, обмену идеями, мыслями и выводами со своими сверстниками и преподавателями. Такая интерактивная среда обучения способствует развитию эффективных навыков социальной коммуникации, поскольку студенты учатся ясно выражать свои мысли, внимательно слушать других и вступать в конструктивный диалог.

Во-вторых, работа над проектами способствует развитию междисциплинарных подходов и интеграции различных инструментов и методов коммуникации. Студенты факультета международных отношений часто работают над проектами на базе нескольких дисциплин, таких как политология, экономика, социология и история. Такой междисциплинарный характер требует от студентов умения ориентироваться в различных источниках информации и точках зрения, способствуя развитию навыков междисциплинарной коммуникации. Более того, работа над проектом дает студентам возможность использовать широкий спектр коммуникационных инструментов, включая письменные отчеты, дебаты и презентации, в том числе мультимедийные. Используя различные способы коммуникации, студенты совершенствуют способность эффективно доносить свои идеи до аудитории.

В СИУ — филиале РАНХиГС в рамках образовательного процесса студентами второго курса направления подготовки «Международные отношения» в 2022/2023 учебном году в рамках дисциплины «Гуманитарное сотрудничество в мировой политике» были разработаны проекты, формирующие навыки социальной коммуникации. Один из подготовленных проектов предполагает создание танцевального кружка, в котором будут представлены танцы народов мира. Среди предложенных к выбору стран стал Китай, так как студенты СИУ — филиала РАНХиГС изучают китайский язык, культуру, сотрудничают с Институтом Конфуция. Также было предложено выбрать африканское и латиноамериканское направление. Большое внимание в проекте было уделено русскому народному танцу.

Задачами проекта являются: развитие интереса студентов-международников к танцам народов мира как части этнической культуры; создание условий самореализации и стимулирования роста творческого потенциала; внедрение нового способа изучения культуры и коммуникации; формирование художественного и эстетического вкуса; формирование и развитие физических качеств и специальных навыков.

Создание кружка для занятий танцами народов мира в рамках внеакадемической деятельности предоставляет студентам уникальную платформу для участия в межкультурном обмене, укрепления взаимопонимания и развития важных навыков, которые имеют решающее значение на профессиональном пути.

Изучая и исполняя танцы разных культур, студенты постигают обычаи, ценности и быт других народов.

Участие в танцевальном кружке способствует знакомству с богатством и разнообразием мировых культур, повышению культурной чувствительности, формированию уважительного и непредвзятого отношения к культурным различиям. Такая восприимчивость крайне важна в международных отношениях, где понимание и уважение различных культурных традиций являются ключом к успешной дипломатии и сотрудничеству.

Совместная работа по изучению и исполнению сложных танцевальных номеров, формирует умение работать в команде, координировать свои действия и сотрудничать для достижения цели в решении сложных глобальных проблем.

Организация работы танцевального кружка и управление им требует также лидерских и организаторских навыков. Организация проведения занятий и выступлений помогает развить лидерские способности, организаторские навыки и умение управлять мероприятиями, которые ценны в различных профессиональных сферах.

Следующий студенческий проект по созданию чат-бота «СИУ-возможности» вводит студентов СИУ — филиала РАНХиГС в процесс внеурочной студенческой деятельности, которая поможет интегрировать учащихся в социальную жизнь вуза, обеспечить сохранение национальной самобытности студентов и развить творческий интеллект, овладеть ораторским искусством. Студенты уверены, что такой способ визуализации поможет им в выборе сферы деятельности, в которой они хотят раскрыть свой потенциал. В качестве трех основных направлений, прописанных в боте, были выбраны «Разговорный клуб», «Культурный клуб» и клуб «Снято». Последний подразумевает показ тематических фильмов на русском или иностранных языках, обсуждение фильма и предложение его интерпретаций посредством генерации творческих идей и задумок.

Данный проект соотносится в первую очередь с цифровым аспектом социальной коммуникации. Создание чат-бота служит инновационным инструментом формирования цифрового аспекта социальной коммуникации в международных отношениях, предоставляет уникальные возможности для совершенствования навыков цифровой коммуникации, взаимодействия с глобальной аудиторией и эффективного межкультурного взаимодействия. Разработка и проектирование чат-бота требует базовых знаний языков программирования, искусственного интеллекта. В ходе этого процесса студенты приобретают ценные технические знания и навыки, которые расширяют их возможности цифровой коммуникации. Они учатся создавать увлекательный и информативный контент для чат-бота, адаптировать язык для различных целевых аудиторий и использовать интерактивные функции для эффективного общения в цифровом формате. Более того, чат-боты берут на себя решение рутинных задач и запросов, высвобождая ценное время и ресурсы. Участвуя в создании бота, студенты получают представление о преимуществах автоматизации в рационализации процессов коммуникации,

эффективном решении сложных проблем международных отношений с помощью инновационных технологий.

Еще одним проектом, предложенным студентами, стало создание в рамках дисциплины «Гуманитарное сотрудничество» тренингов — интенсивных краткосрочных обучающих занятий, направленных на создание, развитие и систематизацию определенных навыков, таких как:

- установление контакта в различных ситуациях общения;
- повышение общего уровня психологической культуры;
- навыки понимания других людей, себя, а также взаимоотношений между людьми;
- навыки эффективного слушания;
- навык активизации процесса самопознания и самоактуализации;
- невербальное общение.

Например, тренинг «Пути к взаимопониманию» позволит отработать навыки установления и поддержания рабочего контакта, а также умения находить различия между уверенным, неуверенным и агрессивным поведением партнера. В ходе коротких лекций, дискуссий, ролевых игр студенты научатся понимать эмоции собеседника и эффективно справляться с конфликтами. Также проект направлен на формирование способности планировать и организовывать коммуникационные кампании и мероприятия в области международных отношений.

Таким образом, с нашей точки зрения, наилучшим способом формирования компетенций студента, изучающего международные отношения, в области социальных коммуникаций является проектная деятельность. В рамках проектного подхода мы можем корректировать образовательную деятельность, настраивая точность и адресность педагогического воздействия на студента, обеспечивая тем самым подготовку квалифицированных кадров.

Список источников

1. Воевода Е. В. Совершенствование системы профессиональной языковой подготовки специалистов международного профиля // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6. С. 204—206.
2. Костикова Л. П. Формирование профессиональной идентичности будущих специалистов-международников: исследование представлений студентов // Перспективы науки и образования. 2022. № 1. С. 221—231.
3. Астров В. Н. Межкультурная коммуникация: основные концепции и теории // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 5. С. 57—72.

References

1. Voevoda E.V. Sovershenstvovanie sistemy professional'noj jazykovoj podgotovki specialistov mezhdunarodnogo profilja [Improvement of the system of professional language training of international specialists], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2017, no. 6, pp. 204–206.
2. Kostikova L.P. Formirovanie professional'noj identichnosti budushhih specialistov-mezhdunarodnikov: issledovanie predstavlenij studentov [Formation of professional identity of future international specialists: a study of students' perceptions], *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives on science and education], 2022, no. 1, pp. 221–231.
3. Astrov V.N. Mezhhkul'turnaja kommunikacija: osnovnye koncepcii i teorii [Intercultural communication: main concepts and theories], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika* [Vestnik of Moscow University. Series 10: Journalism], 2006, no. 5, pp. 57–72.

Информация об авторах

Чернов Денис Владимирович — доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: chernov.de@mail.ru

Ульяницкий Сергей Николаевич — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: sulyanitskiy-19@edu.ranepa.ru

Information about the authors

Denis V. Chernov — Associate Professor, Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: chernov.de@mail.ru

Sergey N. Ulyanitsky — student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: sulyanitskiy-19@edu.ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Развитие современного образования

Информационная статья
УДК 81'34
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-166-171

Преподавание китайского языка в новых регионах России и Приднестровье: возможности и перспективы

Даниил Петрович Шульга¹, Римма Михайловна Мнухина²

¹ Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

² Донецкий государственный университет, Донецк, Российская Федерация

¹ alkaddafa@gmail.ru

² rimmavk1@gmail.com

Аннотация. Изменение геополитических приоритетов Российской Федерации, начавшееся после украинского кризиса 2013—2014 гг. и окончательно оформившееся с началом специальной военной операции, серьезно повлияло на выбор иностранных языков для изучения. В связи с возросшим интересом к изучению китайского языка актуальным становится преподавание его (в том числе с использованием видеосвязи) в регионах, где ранее он не был представлен. В статье авторами обобщен опыт работы с молодежью из Луганской и Донецкой народных и Приднестровской Молдавской республик, а также города Севастополя. В центре внимания — выбор учебных пособий, способы освещения работы в средствах массовой информации, а также перспективы деятельности.

Ключевые слова: китайский язык, преподавание, учебники для детей, ЛНР, ДНР, ПМР, Крым, Севастополь

Для цитирования: Шульга Д. П., Мнухина Р. М. Преподавание китайского языка в новых регионах России и Приднестровье: возможности и перспективы // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 166—171. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-166-171.

The development of modern education

Information article

Chinese language teaching in new regions of Russia and Transnistria: opportunities and prospects

Daniil P. Shulga¹, Rimma M. Mnukhina²

¹ Siberian Institute of Management — branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation

² Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation

¹ alkaddafa@gmail.ru

² rimmavk1@gmail.com

Abstract. The change in the geopolitical priorities of the Russian Federation, which began after the Ukrainian crisis of 2013—2014 and was finalized with the beginning of the special military operation, has seriously affected the choice of foreign languages for learning. Due to the growing interest in learning Chinese, teaching it in regions where it has not been presented before (including using video links) is becoming relevant. The authors summarize the experience of work with young people from the Luhansk and Donetsk People's Republics and the Transnistrian Moldovan Republic, as well as the city of Sevastopol.

topol. The focus is on the choice of training manuals, ways of covering the work in the media, and the prospects of activities.

Keywords: Chinese language, Teaching, Textbooks for children, LPR, DPR, PMR, Crimea, Sevastopol

For citation: Шульга Д. П., Мнухина Р. М. Teaching chinese in the new regions of Russia and Transnistria: a preliminary generalization of the experience. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4): 166—171. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-166-171.

События Евромайдана на Украине, повлекшие за собой смену законной власти на олигархическую проамериканскую группировку, начало военных действий на юго-востоке¹, Крымская весна, политика санкций со стороны США и их союзников, систематическое неисполнение Минских соглашений и иные события серьезно скорректировали внешнеполитические приоритеты Российской Федерации. Это неизбежно отразилось и на предпочтениях молодежи, получающей образование. Если раньше мы наблюдали неослабевающий интерес к романо-германским языкам (в первую очередь английскому, немецкому, французскому и испанскому), то в последнее десятилетие их постепенно теснят языки государств Восточной Азии (китайский и корейский) и отчасти Ближнего Востока (арабский).

В рамках обозначенной тенденции следует отметить, что в достаточно сложной ситуации оказались вузы Донецкой Народной Республики, так как в регионе фактически отсутствовали преподаватели китайского языка, а приглашению их из России препятствовали военные действия. До 2018 г. у студентов исторического факультета и факультета иностранных языков Донецкого государственного (до 2023 г. — национального) университета (ДонГУ) имелась возможность изучать китайский язык в качестве основного или второго иностранного. Впоследствии, в связи с отсутствием педагогических кадров, китайский язык не преподается ни на одном факультете, хотя запрос на него существует. Например, исходя из современной политической обстановки, студенты и аспиранты исторического факультета ДонГУ интересуются азиатским направлением и пишут научные работы по китайской тематике, испытывая сложности с анализом источниковой базы исследования на китайском языке, что не позволяет в полной мере раскрыть свой научный потенциал. В Луганске преподавание восточных языков велось, однако ощущался дефицит преподавателей.

В 2019 г., после успешного завершения курса для слушателей филиала Московского государственного университета в Севастополе были предприняты попытки собрать группу для изучения китайского языка в ДНР и Приднестровье [1]. В тот момент успехи оказались достаточно скромными, в значительной степени из-за несовершенства программ видеосвязи. К моменту затухания эпидемии ковида данная проблема была решена, так что к 2022 г. такие показатели, как охват аудитории и продолжительность курсов, существенно улучшились [2]. Удалось добиться содействия от совета по воспитательной работе Приднестровского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко и Донецкой академии управления и государственной службы [3]. Данные вузы способствовали распространению информации о проводимых курсах, а также выдали грамоты слушателям в Тирасполе и Донецке.

Постепенно стало очевидным еще одно направление работы — преподавание не только языка, но и краткого курса истории и культуры Китая.

¹ Однозначная квалификация войны на Донбассе в 2014—2022 гг. затрудняется тем, что признание ЛНР и ДНР Россией наступило лишь в феврале 2022 г. Таким образом, с точки зрения официальных документов Российской Федерации, а также в логике Минских соглашений, первые восемь лет шла гражданская война на востоке Украины. В то же время, с точки зрения руководства и населения Луганской и Донецкой народных республик, в данный период велась борьба за независимость от киевских властей, вызванная вопиющим ущемлением прав русскоязычного населения региона. Украинские националисты, в свою очередь, именовали с 2014 г. конфликт «русско-украинской войной».

Удалось провести очные мероприятия (ряд лекций) для студентов Луганского педагогического госуниверситета¹ [5], филиала Московского государственного университета в г. Севастополе² [6], Донецкого высшего общевойскового командного училища [7 ; 8], а также очно-заочную лекцию в Донецкой академии управления и государственной службы [9]. Итогом деятельности (в сочетании с нарастанием объективных изменений в международной ситуации) стало качественное увеличение интереса к китайскому языку, готовность изучать его на платной основе в Севастопольском государственном университете [10]. В Донецке была опубликована информация о наших безвозмездных курсах в официальных СМИ³ и на телеграмм-каналах [11].

Все перечисленное позволило собрать группу молодых преподавателей и аспирантов Донецкого государственного университета с целью обучения их китайскому языку. Планируется, что по достижении уровня HSK3-YCT4 (эквивалентен B1 в европейских языках) они смогут самостоятельно вести группы начинающих (в первую очередь среди школьников и на факультетах в вузах). Для наилучшего достижения с самого начала было выбрано сочетание серии пособий YCT [12—14] с использованием в качестве дополнительного классического учебника «Практический курс китайского языка» [15]. Данная комбинация выбрана неслучайно. Несмотря на то что эти пособия предназначены для подготовки к «детскому» тесту, они содержат вполне релевантную лексику, отличаются неплохим набором заданий, понятным оформлением и изложением материала. В то время как пособия для подготовки к «взрослому» тесту HSK страдают массой опечаток [16]. Таким образом, слушатели имеют возможность изучать актуальную лексику и готовиться к типовым тестовым заданиям YCT-HSK, а разбор грамматики идет на базе адаптированного для носителей русского языка учебника под редакцией Кондрашевского. На данный момент пройдены первый и второй уровни, осваивается третий. Это особенно актуально, так как для поступления в вузы Китая необходимо сдавать международный квалификационный экзамен. В деталях он периодически претерпевает изменения, но лексические минимумы для каждого уровня, а также общая структура в целом неизменны. После достижения эквивалентного «детскому» (YCT) «взрослого» (HSK) уровня⁴ идет его решение с разбором дополнительной лексики.

Кроме того, знакомство с пособиями для детей и подростков позволяет будущим преподавателям более детально понять систему подачи материала и иные особенности. Например, сознательное упрощение в учебниках разговорных конструкций без нарушения литературной нормы. В итоге это позволит создать на начальном уровне «самовоспроизводство» востоковедных кадров в Донецке, дав местной молодежи возможность осваивать китайский язык со средней школы⁵. Особенностью курса является его доступность и возможность изучения с нуля, что актуально для жителей новых регионов России. Комбинированный набор учебников, использование обучающих интернет-ресурсов позволяют новичкам в комплексе пошагово

¹ Уникальность ситуации в ЛГПУ заключается в том, что китайский язык здесь преподается филологам. При этом студенты-международники и историки фактически лишены возможности изучать его, а филологи не имеют курсов по литературе, культуре и развитию общества в Поднебесной. Объясняется данная ситуация в первую очередь кадровым голодом [4].

² Несмотря на то что именно в Черноморском кампусе МГУ была начата описываемая работа, опыт 2019 г. не имел продолжения в силу смены руководства филиала.

³ Например, выступление на телеканале «Юнион» (2 июня 2023 г.), а также на радиостанциях «Комета» (16 мая 2023 г.) и «Республика» (4 июля 2023 г.).

⁴ Например, YCT2 эквивалентен HSK1, YCT3 сопоставим с HSK2, а YCT4 — с HSK3. Во всех вышеназванных парах одинаковое количество слов в лингвистическом минимуме (150, 300 и 600 соответственно).

⁵ По нашему мнению, для изучения китайского носители русского языка необходимо уверенно освоить основы синтаксиса.

изучать написание иероглифов, фонетику и лингвистические особенности китайского языка.

Спрос на специалистов со знанием китайского языка в России постоянно растет. В условиях постепенной интеграции новых регионов в состав Российской Федерации молодым специалистам необходима поддержка и создание возможностей для развития в сфере образования. Несмотря на непростую политическую ситуацию и военные действия, молодежь Донбасса, Крыма, а также Приднестровья активно стремится к изучению китайского языка, осознавая актуальность азиатского направления с учетом современных внешнеполитических ориентиров Российской Федерации и роли Китайской Народной Республики в мировых процессах. Для комплексного восприятия информации и полноценного погружения в культурную среду у студентов есть возможность ознакомиться с видеолекциями, посвященными истории китайской цивилизации и современного Китая. Также в рамках курса проходит ознакомление обучающихся новых регионов с формой и структурой международного экзамена HSK, организационными подробностями его сдачи, что позволит молодым специалистам из Донецка, Луганска и Крыма в будущем подтвердить свою квалификацию.

Онлайн-формат занятий, уже привычный для студентов, и школьников, удобен тем, что обучающиеся имеют возможность изучать китайский язык, вне зависимости от региона и опасной обстановки, из-за которой проведение очных занятий не представляется возможным.

Список источников

1. Шульга Д. П., Шульга А. А. Опыт дистанционного обучения восточным языкам учащихся из ДНР, ЛНР, Севастополя и ПМР // *Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Междунар. науч. конф. (Донецк, 17—18 нояб. 2020 г.)* / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 333—335.
2. Шульга Д. П. Влияние политических изменений на рост интереса к восточным языкам (на примере ДНР, ПМР и Севастополя) // *Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27—28 окт. 2022 г.)* / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2022. С. 272—274.
3. Черная Л. В., Трощина М. В. Открывая новые горизонты // *Донецкая академия управления и государственной службы* : [офиц. сайт]. 2022. 7 сент. URL: <https://donampa.ru/novosti/1933-otkryvaya-novye-gorizonty> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Прокопенко А. Интервью с Даниилом Шульгой // *Взгляд на науку*. 2023. № 5 (28). С. 2.
5. Доцент кафедры МОиГС Д. П. Шульга провел лекции для студентов Луганского государственного педагогического университета // *РАНХиГС, Сибирский институт управления* : [офиц. сайт]. URL: https://siu.ranepa.ru/sobytiya/novosti/doktor-istoricheskikh-nauk-d-p-shulga-provel-seriyu-lektsiy-dlya-studentov-luganskogo-gosudarstvenno/?sphrase_id=3633374 (дата обращения: 10.07.2023).
6. Доцент кафедры МОиГС Д. П. Шульга провел лекцию о внешних религиозных влияниях на Китай для студентов МГУ Черноморского филиала (г. Севастополь) // *РАНХиГС, Сибирский институт управления* : [офиц. сайт]. URL: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=836712 (дата обращения: 10.07.2023).
7. Доцент кафедры МОиГС Д. П. Шульга выступил на конференции «Философия на линии фронта» в Донецке // *РАНХиГС, Сибирский институт управления* : [офиц. сайт]. URL: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=806046 (дата обращения: 10.07.2023).
8. Доцент кафедры МОиГС Д. П. Шульга прочитал лекцию для курсантов Донецкого высшего общевойскового командного училища // *РАНХиГС, Сибирский институт управления* : [офиц. сайт]. URL: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=835941 (дата обращения: 10.07.2023).
9. Доцент кафедры МОиГС Д. П. Шульга провел цикл онлайн-лекций в преддверии Дня России для студентов Донецкой академии управления и государственной службы // *РАНХиГС, Сибирский институт управления* : [офиц. сайт]. URL: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=863436 (дата обращения: 10.07.2023).
10. Зачем студентам изучать китайский язык, рассказывает китаевед и преподаватель языка // *Севастопольский государственный университет* : [офиц. сайт]. 2023. 28 апр. URL:

- https://www.sevsu.ru/novosti/item/zachem_studentam_izuchat_kitayskiy_yazyk_rasskazyvaet_kitayved_i_prepodavatel_yazyka/ (дата обращения: 10.07.2023).
11. Преподаватель из Новосибирска бесплатно учит дончан // Донбасс Медиа. URL: https://t.me/donbass_medi/8076 (дата обращения: 10.07.2023).
 12. 苏英霞。YCT1标准教程。北京：高等教育出版社，2016。62页 [Стандартный курс YCT1. Пекин: Higher Education Press. 2016. 62 с.]
 13. 苏英霞。YCT2标准教程。北京：高等教育出版社，2016。60页 [Стандартный курс YCT2. Пекин: Higher Education Press. 2016. 60 с.]
 14. 苏英霞。YCT3标准教程。北京：高等教育出版社，2016。69页 [Стандартный курс YCT3. Пекин: Higher Education Press, 2016. 69 с.]
 15. Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка : в 2 т. 10-е изд., перер. и доп. Т. 1. М. : Восточная книга, 2009. 768 с.
 16. 姜丽萍。HSK1标准教程。北京：北京语言大学出版社。2014。127页 [Стандартный курс HSK1. Пекин : Beijing Language and Culture University Press, 2014. 123 с.]

References

1. Shul'ga D.P., Shul'ga A.A. Opyt distancionnogo obuchenija vostochnym jazykam ucha-shhihsja iz DNR, LNR, Sevastopolja i PMR [Experience of distance learning of oriental languages for students from DNR, LNR, Sevastopol and DMR], *Bespalovoj S. V. (ed.). Doneckie chtenija 2020: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti [Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture and the challenges of modernity]* : materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Doneck, 17–18 nojab. 2020 g.). Doneck, 2020, pp. 333–335.
2. Shul'ga D.P. Vlijanie politicheskikh izmenenij na rost interesa k vostochnym jazykam (na primere DNR, PMR i Sevastopolja) [Impact of political changes on the growth of interest in Eastern languages (on the example of the DNR, DMR and Sevastopol)], *Bespalovoj S. V. (ed.). Doneckie chtenija 2022: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti [Donetsk Readings 2022: Education, Science, innovation, culture and the challenges of modernity]*: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf., posvjashhennoj 85-letiju Doneckogo nacional'nogo universiteta (Doneck, 27–28 okt. 2022 g.). Doneck, 2022, pp. 272–274.
3. Chernaja L.V., Troshhina M.V. Otkryvaja novye gorizonty [Opening new horizons], *Doneckaja akademija upravlenija i gosudarstvennoj sluzhby [Donetsk Academy of Management and Public Service]* : [ofic. sajtl]. 2022. 7 sent. Available at: <https://donampa.ru/novosti/1933-otkryvaya-novyegorizonty> (accessed: 10.09.2022).
4. Prokopenko A. Interv'ju s Daniilom Shul'goj [Interview with Daniil Shulga], *Vzglyad na nauku [A look at the science]*, 2023, no. 5 (28), p. 2.
5. Docent kafedry MOiGS D.P. Shul'ga provel lekcii dlja studentov Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [D.P. Shulga, Associate Professor of the MOiGS faculty, gave lectures for students of the Lugansk State Pedagogical University], *RANHiGS, Sibirskij institut upravlenija [RANEPa, Siberian Institute of Management]*: [ofic. sajtl]. Available at: https://siu.ranepa.ru/sobytiya/novosti/doktor-istoricheskikh-nauk-d-p-shulga-provel-seriyu-lektsiy-dlya-studentov-luganskogo-gosudarstvenno/?sphrase_id=3633374 (accessed: 10.07.2023).
6. Docent kafedry MOiGS D.P. Shul'ga provel lekciju o vneshnih religioznyh vlija-nijah na Kitaj dlja studentov MGU Chernomorskogo filiala (g. Sevastopol') [D.P. Shulga, Associate Professor of the MOiGS faculty, gave a lecture on external religious influences on China for the students of MSU Black Sea Branch (Sevastopol)], *RANHiGS, Sibirskij institut upravlenija [RANEPa, Siberian Institute of Management]*: [ofic. sajtl]. Available at: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=836712 (accessed: 10.07.2023).
7. Docent kafedry MOiGS D.P. Shul'ga vystupil na konferencii «Filosofija na li-nii fronta» v Donecke [D. P. Shulga, Associate Professor of the MOiGS faculty, spoke at the conference "Philosophy on the Front Line" in Donetsk], *RANHiGS, Sibirskij institut upravlenija [RANEPa, Siberian Institute of Management]*: [ofic. sajtl]. Available at: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=806046 (accessed: 10.07.2023).
8. Docent kafedry MOiGS D.P. Shul'ga prochital lekciju dlja kursantov Doneckogo vysshego obshhevojskovogo komandnogo uchilishha [D. P. Shulga, Associate Professor of the MOiGS faculty, gave a lecture for the cadets of the Donetsk Higher Combined Arms Command School], *RANHiGS, Sibirskij institut upravlenija [RANEPa, Siberian Institute of Management]*: [ofic. sajtl]. Available at: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=835941 (accessed: 10.07.2023).
9. Docent kafedry MOiGS D.P. Shul'ga provel cikl onlajn-lekcij v preddverii Dnja Rossii dlja studentov Doneckoj akademii upravlenija i gosudarstvennoj sluzhby [D. P. Shulga, Associate Professor of the MOiGS faculty, held a series of online lectures on the eve of Russia Day for students of the Do-

- netsk Academy of Management and Public Service], *RANHiGS, Sibirskij institut upravlenija* [RANEPa, *Siberian Institute of Management*]: [ofic. sajт]. Available at: https://siu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=863436 (accessed: 10.07.2023).
10. Zachem studentam izuchat' kitajskij jazyk, rasskazyvaet kitaevd i prepodavatel' jazyka [Why students should learn Chinese, says a Chinese scholar and language teacher], *Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet* [Sevastopol State University]. 2023. 28 apr. URL: https://www.sevsu.ru/novosti/item/zachem_studentam_izuchat_kitajskij_jazyk_rasskazyvaet_kitaevd_i_prepodavatel_jazyka/ (accessed: 10.07.2023).
 11. Prepodavatel' iz Novosibirsk besplatno učit dončan [A teacher from Novosibirsk teaches Don citizens for free], *Donbass Media* [Donbass Media]. Available at: https://t.me/donbass_medi/8076 (data obrashhenija: 10.07.2023).
 12. 苏英霞。YCT1标准教程。北京：高等教育出版社 2016。62页 [Su Yingxia.YCT1 standard tutorial. Beijing: Higher Education Press, 2016. 62 p.]
 13. 苏英霞。YCT2标准教程。北京：高等教育出版社 2016。60页 [Su Yingxia.YCT2. standard tutorial. Beijing: Higher Education Press, 2016. 60 p.]
 14. 苏英霞。YCT3标准教程。北京：高等教育出版社，2016。69页 [Su Yingxia.YCT3. standard tutorial. Beijing: Higher Education Press, 2016. 69 p.]
 15. Kondrashevskij A.F., Rumjanceva M.V., Frolova M.G. Praktičeskij kurs kitajskogo jazyka [Practical Chinese course]. Vol. 1, Moscow, Vostochnaya kniga, 2009, 768 p.
 16. 姜丽萍。HSK1标准教程。北京：北京语言大学出版社。2014。127页 [Jiang Liping. HSK1 standard tutorial.Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2014. 123 p.]

Информация об авторах

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: alkaddafa@gmail.ru

Мнухина Римма Михайловна — главный менеджер, центр медиапроектов «Звезда»; аспирант, Донецкий государственный университет, Донецк, Российская Федерация. E-mail: rimmavk1@gmail.com

Information about the authors

Daniil P. Shulga — doctor of historical sciences, professor of the department of international relations and humanitarian cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: alkaddafa@gmail.ru

Rimma M. Mnukhina — chief manager, Zvezda Media Projects Center; postgraduate student, Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation. E-mail: rimmavk1@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 09.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 09.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРИ THE CULTURAL HERITAGE OF SIBERIA

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 172—181.
Siberia Humanitarian. 2023;(4): 172—181.

Культурное наследие Сибири

Научная статья
УДК 37-058.237:930.25
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-172-181

Из истории исследования советской интеллигенции в Сибири (конец 1960-х — 1990-е гг.)

Михаил Геннадьевич Давыденко

Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация,
Davydenko.2018@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются два мемориальных проекта, в рамках которых в Новосибирске было организовано написание воспоминаний рядовыми советскими гражданами в 1960-х — начале 1990-х гг. Первый проект осуществлял коллектив сектора культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР, который собирал воспоминания представителей советской интеллигенции. В рамках второго проекта Клуб ветеранов педагогического труда Новосибирска организовал сбор воспоминаний учителей города. В центре внимания исследования лежат новые методологические принципы историков и краеведов, актуализировавшие ценность профессиональной биографии советского труженика.

Ключевые слова: советская интеллигенция, «ретроспективный поворот», «тихая архивная революция», сектор истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Клуб ветеранов педагогического труда Новосибирска

Для цитирования: Давыденко М. Г. Из истории исследования советской интеллигенции в Сибири (конец 1960-х — 1990-е гг.) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 172—181. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-172-181.

The cultural heritage of Siberia

Original article

From the history of the study of the Soviet intellectuals in Siberia (end of the 1960s—1990s)

Mikhail G. Davydenko

State Archive of the Novosibirsk region, Novosibirsk, Russian Federation, Davydenko.2018@bk.ru

Abstract. The article analyzes two memorial projects that organized the writing of memoirs by ordinary Soviet citizens in Novosibirsk in the 1960s and early 1990s. The first project was carried out by the staff of the Cultural Construction Sector of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, which collected memoirs of Soviet intellectuals. As part of the second project, the Club of Veterans of Pedagogical Labor of Novosibirsk organized a collection of memoirs of the city's teachers. The study focuses on the new methodological principles of historians and local historians, which actualized the value of the professional biography of the Soviet worker.

Keywords: Soviet intellectuals, “retrospective turn”, “quiet archival revolution”, sector of the history of cultural construction of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Novosibirsk Veterans of Pedagogical Labor Club

For citation: Davydenko M.G. From the history of the study of the Soviet intellectuals in Siberia (end of the 1960s—1990s). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):172—181. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-172-181.

С конца 1960-х до начала 1990-х гг. в Новосибирске действовали два мемориальных проекта, ориентированных на сбор воспоминаний советских граждан. Коллектив сектора истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством В. Л. Соскина собирал воспоминания представителей советской интеллигенции Сибири, активисты исторической секции Клуба ветеранов педагогического труда распространяли биографическую анкету, записывали воспоминания и разыскивали документы для создания «летописи новосибирской школы» и педагогического музея в городе.

Группа В. Л. Соскина была ориентирована на решение академических проблем. В фокусе исследователей находилась история советской интеллигенции Сибири. Историки опирались на методы (актуального в то время) источниковедения, для которого воспоминания являются «источниками личного происхождения», в которых происходит «освещение событий сквозь призму памяти и сознания автора» [1, с. 7]. Деятельность Клуба ветеранов педагогического труда можно назвать учительским краеведением и рассматривать в контексте позднесоветского «ретроспективного поворота», когда советская идентичность формировалась на основе героического прошлого своего города, края, малой родины. Как отмечает В. Донован, «приобретая знания о своем крае и любовь к нему, советские граждане должны были более активно включаться в строительство социализма, воспринимая самих себя в качестве неотъемлемой части героического прошлого, настоящего и утопического будущего нации» [2, с. 380].

Подчеркнутая биографичность проектов, когда большая история Советского Союза конструируется на основании личных свидетельств рядовых граждан, отсылает нас к концепции «тихой архивной революции», сформулированной в работах А. Клотц и М. Ромашовой [3, с. 169]. Исследователи обратили внимание на «сдвиг в понимании того, чьи документы должны храниться в архивах», изучая личный фонд Валентины Соколовой — рядовой советской активистки 1920—1930-х гг., принятый на хранение в Государственный архив Пермского края (ГАПО) в 1960—1980 гг.

Чтобы понять, как появление «личных фондов советских граждан, не отмеченных выдающимися достижениями» связано с позднесоветской мемориальной культурой и проблемами источниковедения, историки изучили дискуссии архивистов 1950—1960-х гг. о роли источников личного происхождения, во время которых обсуждался вопрос: чьи именно свидетельства и личные материалы в целом должен собирать и хранить государственный архив и как определять ценность таких материалов? [3, с. 170, 176]. В результате победила точка зрения, согласно которой ценность источников определялась общественной значимостью фондообразователя. Такой подход,

закрепленный в методических рекомендациях Главного архивного управления при Совете Министров СССР, предполагал, что архивы будут брать на хранение документы выдающихся граждан, имеющих официальные заслуги. Но был сформулирован и другой подход, в соответствии с которым считалось важным сохранение массовых источников советских граждан «независимо от заслуг автора», привлечение граждан к сохранению памяти о своем прошлом. «Несмотря на то, что архивам рекомендовалось брать на хранение документы „выдающихся“ граждан, „рядовые“ архивисты, опережая методистов, уже собирали материалы „рядового“ человека, который был не только очевидцем, но и действующим лицом, полноправным участником производства исторического знания о „советском“» [4, с. 182].

В центре внимания А. Клоц и М. Ромашовой кейс Валентины Григорьевны Соколовой — «рядовой комсомолки Ленинского призыва», общественницы и краеведа-любителя, которая много лет собирала сведения о лично знакомых ей руководителях и организаторах комсомольского движения. В процессе этой работы и общения с профессиональными архивистами Валентина Григорьевна пересматривает ценность своих воспоминаний. Она подчеркивает свой статус рядовой участницы исторических событий, но при этом предлагает архиву материалы о себе: «Вы меня нашли как адресата Васи [Ракитина]¹. Возможно, Вас заинтересуют сведения о том, кто я и как жизнь прожила». Валентина Александровна превращается в «самостоятельного исторического актора», осознает себя субъектом истории, чьи тексты и документы имеют право на хранение в государственном архиве [3, с. 184—185].

Мы считаем, что группу сибирских историков под руководством В. Л. Соскина в 1970—1980-х гг. можно рассматривать как проводников «тихой архивной революции». Обращаясь к широкому кругу лиц с просьбой написать свои воспоминания, исследователи актуализируют ценность свидетельства рядового советского человека, проделавшего большой профессиональный путь, участвовавшего в строительстве советской системы образования.

В конце 1960-х гг., решая плановые задачи, поставленные перед сектором истории культурного строительства Института истории филологии и философии, группа сибирских ученых занялась историей советской интеллигенции. Руководитель группы — Варлен Львович Соскин вспоминал: «Все мы, сотрудники института, были, если можно так выразиться, государственными людьми. <...> Деятельность СО АН осуществлялась в рамках государственных планов. Ими определялись пределы научной самостоятельности ученых». При этом в Сибири «социальной истории советской культуры как особого направления не существовало», новый объект исследования требовал работы со специфическими источниками: «Здесь многое значила индивидуальность, которую характеризовать на основе массовых источников можно было лишь частично. Поэтому одним из первых начинаний стало собирание мемуаров... [Это был для нас] новый вид деятельности, где пришлось идти непроторенным путем» [5, с. 73, 90].

Изучив архивные фонды в Алтайском и Красноярском краевых, Новосибирском, Томском, Кемеровском, Иркутском областных архивах, исследователи обнаружили, что «комплектование госархивов документальными материалами личного происхождения осуществляется недостаточно настойчиво и систематически, а личных фондов советских людей, не проявивших себя выдающимся участием в общественной жизни, вообще нет. Между тем для создания истории интеллигенции в целом и отдельных ее групп ценность документов, в том числе воспоминаний рядовых людей, исключительно велика» [6, с. 341]. Поэтому историки решают иницииро-

¹ Один из организаторов комсомола в Пермском округе, умер в 1927 г.

вать написание воспоминаний представителями советской интеллигенции Сибири специально для исследовательского проекта, чтобы создать источниковую базу.

Историки обратились к представителям интеллигенции — всем, кто учился или работал в качестве специалистов в период с 1917 по 1941 г., с просьбой написать воспоминания для проекта. Небольшой коллектив исследователей вынужден был сосредоточиться на указанных хронологических рамках, чтобы собрать свидетельства самых взрослых информаторов. Во всех областных и краевых газетах Сибири было опубликовано обращение к представителям интеллигенции с предложением написать воспоминания. В. Л. Соскин выступал по радио и на телевидении, сотрудники исследовательской группы отправлялись в командировки по городам Сибири. Выявляя нужных людей, историки обращаются в советы ветеранов, которые были организованы при институтах усовершенствования учителей и врачей, в краеведческие и художественные музеи, творческие союзы и вузы [6, с. 392—343].

В качестве методического руководства использовали публикации Анкетно-биографической комиссии, созданной при Институте истории Комкадемии в 1929 г. Для того чтобы помочь авторам воспоминаний, направить их мемориальное творчество в необходимое историкам русло, была разработана анкета, которую начали распространять с осени 1969 г. [7, л. 15—19].

Основные методологические установки, на которые предлагалось ориентироваться авторам воспоминаний — актуальность памяти, личное восприятие описываемых событий — сформулированы во вводной части анкеты-опросника:

<...>

Мы понимаем, что написание мемуаров — это порой нелегкий труд. Может быть, Вам помогут личные документальные материалы, сохранившиеся у Вас, — будь то письма, дневниковые записи, фотографии. Возможно, некоторые из этих материалов Вы можете предоставить в наше распоряжение, временно или навсегда, смотря по Вашему желанию. Для облегчения работы мы предлагаем Вам ориентировочный вопросник. Но этот вопросник не должен Вас связывать. Форма воспоминаний — свободная, объем также не ограничен. Можно подробно останавливаться на отдельных событиях и бегло упомянуть об остальных, можно — последовательно, шаг за шагом излагать свою биографию. Текст может быть написан от руки или на машинке — в зависимости от Ваших возможностей. Укажите обязательно Ваше имя, отчество, фамилию, год рождения, дату начала трудовой деятельности, дату окончания высшего или среднего специального учебного заведения, последнее место работы и должность, дату окончания трудовой деятельности, если Вы сейчас на пенсии. Разумеется также и свой домашний адрес.

Сейчас уже получено известное количество воспоминаний, что позволяет отметить один существенный недостаток многих из них. В целом, благодаря воспоминаниям, мы получили много новых и интересных сведений. Как правило, авторы подробно перечисляют и описывают факты своей биографии, называют даты, имена и т. д. Это все, разумеется, важно и нужно. Но, к сожалению, очень слабо во многих случаях выражено отношение автора (в то время) к тем или иным событиям и их восприятие, не показаны настроения и взгляды автора. Иначе говоря, дается фактическая канва событий, то есть то, что более или менее отражено в архивах или газетах, зато отсутствует то, чего в архивах нет — личные оценки событий и людей, мнения о них эволюция этих оценок и др. Между тем мы рассчитываем именно на воспоминания в изучении такого важнейшего аспекта в истории интеллигенции, как психология и мировоззрение ее отдельных представителей, профессиональных групп и интеллигенции в целом. Надеемся, что это замечание поможет Вам уточнить свою задачу, поможет в написании воспоминаний.

<...>

Во второй части анкеты были представлены подробные вопросы о семье и школе, учебе на рабфаке и в вузе, трудовой деятельности.

На 1 октября 1973 г. 800 человек получили анкеты и около 500 анкет было выслано организациям. Всего группой было собрано около двухсот текстов. В 1979 г. сотрудницей группы Л. И. Пыстиной была составлена черновая опись, в которой значилось 202 единицы хранения. Все воспоминания делятся на написанные по просьбе сотрудников группы (их большинство) и написанные по инициативе авторов. Среди текстов преобладали автобиографии. Учеными были отобраны некоторые воспоминания и опубликованы в сборнике «Школа и учительство Сибири (20-е — начало 30-х гг.)» (1978).

Тексты воспоминаний публиковались не полностью. Давалась выдержка небольшого объема — наиболее интересная с точки зрения организаторов проекта. Интерес был сосредоточен не на тексте как предмете исследования, а на выборочных фактах, которые ярко и живо представлены в воспоминаниях. Сборник состоял из двух частей. Первая часть включала отрывки из воспоминаний, вторая — научные статьи по истории советской школы 1920-х гг., написанные профессиональными историками. Таким образом, воспоминания в сборнике дополняют и «оживляют» тексты историков.

По мнению исследователей, субъективность, «освещение событий сквозь призму памяти и сознания автора» — основные признаки источников личного происхождения, но при тщательном источниковедческом анализе воспоминания могут быть полноправным историческим источником, способным дать психологический фон, связь фактам, извлеченным из официальных источников [1, с. 7]. При этом память не противопоставляется научному описанию, наоборот, «„сито” памяти, пропуская прошлое, как бы отсеивает важное от второстепенного, оставляя нам то, что является главным, определяющим, ценным для истории. Воспоминания, таким образом, своеобразно дополняют материалы архивов и периодической печати, позволяя читателю сделать более глубокие обобщения» [1, с. 8].

Позже группой под руководством В. Л. Соскина были опубликованы похожие сборники воспоминаний: «Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917—1941 гг.)» (1980); «Художественная культура и интеллигенция Сибири (1974—1975 гг.)» (1984). На сборник «Школа и учительство Сибири» (20-е — начало 30-х гг.)» часто ссылаются специалисты [8—11], но собранный группой В. Л. Соскина корпус текстов почти не использовался вне упомянутой публикации. Мы знаем о двух случаях обращения к собранным воспоминаниям. В. А. Зверевым, К. Е. Зверевой были опубликованы отрывки из автобиографии учителя Ф. Д. Останина [12]. воспоминания новосибирского учителя Н. Н. Лазарева, написанные для проекта сибирских историков, использовались как источник в работе Л. М. Горюшкина, Г. А. Бочановой, Л. Н. Цыпляева [13].

Клуб ветеранов педагогического труда, появившийся в то же время в Новосибирске, сотрудничал с группой В. Л. Соскина. Несколько активистов (Н. Н. Лазарев, Е. Н. Тесленко) и просто членов ветеранской организации (Н. А. Тарасова-Осиповская, К. А. Нечаев, А. Е. Рожков, А. В. Веденяпин) написали воспоминания для историков. В фонде клуба сохранился текст Нины Петровны Осадчей — директора Дома учителя Новосибирска (в некоторых документах именуется Домом работников просвещения), в котором говорится о начале ветеранского движения. Нина Петровна вспоминает, что мысль организовать ветеранов-учителей появилась после празднования 100-летия со дня рождения Ленина. Была запланирована символическая встреча молодых педагогов Новосибирска с работниками образования — кавалерами ордена Ленина. Нам важно подчеркнуть генетическую связь новой ветеранской организации с ритуалами позднесоветской эпохи, которые должны были формировать нового человека. В процессе организа-

ции выяснилось, что в городе нет списков педагогов-орденоносцев: «Поиски кавалеров ордена Ленина оказались нелегкими. Пофамильных списков орденосцев не было ни в гороно, ни в краеведческом музее» [14, л. 1]. Нина Петровна сообщала позже, что личные знакомые организаторов мероприятия помогли получить информацию о кавалерах ордена Ленина, учителях, награжденных орденом Красной Звезды. Ситуация организации торжественных мероприятий неожиданно открыла для чиновников гороно и представителей профсоюза работников просвещения большой потенциал ветерана — свидетеля героической истории, участника событий, ставших объектом коммеморации, они решают упорядочить опыт сотрудничества с ветеранами, организовать пожилых педагогов для участия в «коммунистическом строительстве» города. Создавалась организация, которая, с одной стороны, использовала активность ветеранов, их личное желание принимать участие в жизни города, с другой стороны, она числилась на балансе профсоюза работников просвещения, имела помещение в Институте усовершенствования учителей, действовала совместно с чиновниками гороно.

Устав клуба ветеранов был утвержден на общем собрании 18 марта 1974 г. В числе главных задач были указаны: «вовлечение ветеранов в общеполитическую и культурную жизнь города... посильное участие в коммунистическом строительстве», организация учета всех ветеранов города. В уставе закреплена мемориальная деятельность организации. Предполагалось «создать школьную летопись, т. е. историю школ города Новосибирска» (п. 6), «создать исторический музей педагогического труда, где сосредоточить фотографии и биографии учителей города Новосибирска, оставивших о себе добрую память и заметный след в деле народного просвещения» (п. 7), «отмечать исторические даты и всенародные праздники» (п. 8) [14, л. 3]. Были организованы культмассовая, учебно-воспитательная, оздоровительно-бытовая, историческая секции.

Вся разносторонняя деятельность организации была ориентирована на ветеранскую биографию, в частности на учет и фиксацию информации о педагогах-ветеранах города. На протяжении всего существования клуба были собраны сотни автобиографических анкет, составлены многочисленные списки педагогов-ветеранов, учителей-орденоносцев [15 ; 16 ; 17, л. 85 ; 18].

Собирали также разные материалы по истории советской школы: учебники, статьи, документы, но основная часть материалов связана с конкретными учительскими биографиями. История новосибирской школы транслировалась через сумму учительских биографий.

Самым важным источником информации стала биографическая анкета. Собраны сотни учетных карточек в виде записей на тетрадных листах, картонных карточках, листки с напечатанными на печатной машинке вопросами и ответами, а также с записями, сделанными от руки [14 ; 15, л. 1—10 ; 19 ; 20, л. 39]. Стандартный список вопросов практически не менялся. Нам попадались несколько анкет немного отличавшихся от других, но основной массив карточек содержит одинаковый набор вопросов. Отвечавшие на вопросы самостоятельно заполняли карточки, иногда записи вели волонтеры клуба, проводившие опрос. В этом случае обычно фиксировалось, кто ведет запись ответов, а также дата составления анкеты. Карточки за 1973—1975 гг. часто подписаны Н. Н. Лазаревым, те, что составлены в конце 1970-х — начале 1980-х гг. — Беляковым или Араниной.

Закрепленный в анкете список вопросов делал биографию заслуженного человека формальной, массовой и повторяющейся. Сведения из анкеты могли использоваться для вовлечения ветеранов в образовательную деятельность клуба или организации бытовой, врачебной, финансовой и любой другой помощи от профсоюза и чиновников. В анкете бытовые вопросы о размере пенсии, жилищных условиях соседствуют с вопросами о про-

шлом ветерана. Это соседство важно зафиксировать, потому что в нем проявляется прагматика ветеранского движения: прошлое ветерана, измеряющееся стажем, участием в Великой Отечественной войне, государственными наградами, партийностью, дает право на особое внимание к нему. Люди получают право на особенное внимание со стороны государства и общества, становятся экспертами в области воспитания, истории, идеологии на основании ветеранской биографии. Мы считаем, что на примере деятельности Клуба ветеранов педагогического труда можно зафиксировать процесс возникновения института «советской старости».

Помимо автобиографических сведений собирали документы и свидетельства о героическом прошлом новосибирских педагогов. Районным отделам народного образования Новосибирска рассылались запросы об учителях — участниках Великой Отечественной войны [17, л. 99]. Также рассылались запросы директорам новосибирских школ с просьбой выслать материалы по истории школы для создания Летописи развития народного образования в городе Новосибирске [17, л. 100].

Активисты клуба ветеранов и сами вели исследовательскую деятельность: собирали анкеты, документы и публикации, записывали воспоминания, вели переписку с педагогами. В фонде клуба ветеранов в ГАНО сохранились рабочие записи Валентины Ивановны Кудиновой, в том числе план беседы с Адрианом Васильевичем Веденяпиным, написавшим несколько текстов специально для клуба ветеранов [21, л. 25—26].

Евгения Дмитриевна Конониченко переписывалась с Борисом Федоровичем Райским, а после его смерти 27 января 1985 г. — с его родственниками [22]. Выполняя просьбу Евгении Дмитриевны, Борис Федорович написал воспоминания о работе в Каргате и Барабинске в 1922—1928 гг. [22, л. 11]. В фонде клуба ветеранов сохранилось письмо Надежды Алексеевны Осиповской от 11 апреля 1975 г., в котором она, обращаясь к Полине Александровне Варфоломеевой, отвечает на поставленные ранее перед ней вопросы об истории строительства 7-й школы в Новосибирске.

Из собранных материалов было оформлено 13 стендов, ветераны рассчитывали, что будет создан музей по истории образования, но в 1979 г. оформление материалов было приостановлено по предложению нового руководителя Дома учителя (Дом просвещения).

Материалы, собранные клубом ветеранов, были переданы Валентиной Ивановной Кудиновой в Государственный архив Новосибирской области в 1992 г. Интересно, что она отказалась передать материалы в Музей истории развития образования (МИРОНО), созданный также в 1992 г. Валентина Александровна Орлова, первый руководитель музея, сотрудничала с некоторыми членами клуба ветеранов (Е. Д. Конониченко, Д. Г. Безменовой и др.), через которых кое-что из собранного клубом ветеранов попало в МИРОНО. В брошюре «Музей истории развития образования» (2013) В. А. Орлова, раскрывая предысторию создания музея, пишет о деятельности педагогов-ветеранов с 1962 г.¹ При этом, называя некоторых активистов Клуба ветеранов педагогического труда, сыгравших важную роль в развитии учительского краеведения в Новосибирске, Орлова не упоминает о самой ветеранской организации как о субъекте краеведческого поиска.

Мы считаем, что новосибирские учителя, писавшие воспоминания для Клуба ветеранов педагогического труда и проекта В. Л. Соскина, оказались в ситуации, охарактеризованной историками А. Клотц и М. Ромашовой как «тихая архивная революция». Рядовые советские граждане превращаются в субъектов истории. И методисты клуба ветеранов, и профессиональные

¹ В. А. Орлова никак не подтверждает эту дату, но в фонде Клуба ветеранов педагогического труда в ГАНО есть товарищеское письмо от имени совета клуба чиновникам Ленинского района, в котором просят помочь организовать учет педагогов-ветеранов и провести собрание пенсионеров района. В этом письме упоминается объединенное собрание учителей-пенсионеров, проходившее 1 декабря 1962 г. в Кировском доме пионеров.

историки из Института истории актуализируют ценность свидетельства рядового советского человека, проделавшего большой профессиональный путь, участвовавшего в строительстве советской системы образования. Участники группы В. Л. Соскина ориентируют на описание профессиональной биографии. Авторы призывают «выражать свое отношение... показывать настроение и взгляды». Используются такие теоретические конструкции, как «советская интеллигенция» и «культурная революция». Воспоминания должны «оживить» и прояснить процесс возникновения и развития советской интеллигенции в Сибири [7, л. 16]. Участникам проекта дается прямое приглашение «попасть в историю», подчеркнуто, что «историю» интересует личность автора.

Воспоминания, написанные для клуба ветеранов, должны были стать основой коллекции городского музея. Они больше ориентировали авторов на локальную историю, конструирование идентичности локальной группы — педагогов Новосибирска и области. Но и здесь, как в проекте В. Л. Соскина, личное свидетельство становится основой для исторической реконструкции. История новосибирской школы строится как сумма автобиографических свидетельств, историй об учителях, написанных коллегами и родственниками.

Исторические проекты через анкеты, практики интервью, опроса, фиксации воспоминаний формируют границы проявления субъектности. Участники понимают, что они ценны для истории, потому что имеют большой стаж, награждены орденами и участвовали в создании советской школы в Новосибирске. Авторы по-разному вовлечены в проект. Кто-то просто ответил на вопросы анкеты, кто-то сопровождал анкету формальной автобиографией, а кто-то вел длинную переписку с методистами клуба и пишет воспоминания, отвечая на поставленные вопросы о конкретном событии в школьной истории города и области. Есть тексты, написанные для публикации в газетах, извлеченные из личных фондов государственных архивов, но включенные в коллекцию методистами ветеранской организации, как соответствовавшие замыслу и подходящие для задач клуба. Рядовой советский гражданин превращается в субъекта истории по правилам, сформулированным в проектах.

Список источников

1. Осташко Т. Н., Соскин В. Л. Первые шаги просвещения в Сибири глазами его организаторов // Школа и учительство в Сибири: 20-е — начало 30-х гг. : [сб. статей] / АН СССР, Сиб. отд-ние ; Ин-т истории, филологии и философии ; [отв. ред. В. Л. Соскин]. Новосибирск : Наука ; Сиб. отд-ние, 1978. С. 4—17.
2. Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе, 1956—1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379—402.
3. Клоц А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 169—199.
4. Методические рекомендации по комплектованию Государственного архивного фонда СССР документальными материалами личных архивов / Гл. архивное упр. при Совете Министров СССР. М., 1969. 23 с.
5. Соскин В. Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории: очерк истории и историографии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2008. 188 с.
6. Соскин В. Л., Осташко Т. Н. Из опыта собирания воспоминаний представителей советской интеллигенции Сибири // Археографический ежегодник за 1973 год. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1974. С. 341—344.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 2.
8. Кокоулин В. Г. Очерки истории образования и науки в Сибири в 1920-е — начале 1930-х годов. Новосибирск : Офсет-ТМ, 2019. 104 с.

9. Бельх И. Н. Генезис общественно-полезного труда в советской школе Приенисейской Сибири в 1920-е годы: от самообслуживания к социалистическому строительству // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. Вып. 9. С. 916—921.
10. Фролова Н. В. Государственная политика в области историко-обществоведческого образования в школах севера Западной Сибири в 1920—1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2016. 234 с.
11. Пономарев С. А. Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930—1940 гг. : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 248 с.
12. Зверев В. А., Зверева К. Е. Детство и школа в социокультурном пространстве сибирского села начала XX в. (воспоминания Ф. Д. Останина) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII—XX вв. : темат. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Новосиб. техн. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 113—131.
13. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом: конец XIX — начало XX в. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука ; Сиб. отд-ние, 1978. 296 с.
14. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 10.
16. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 11.
17. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 189.
18. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 194.
19. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 193.
20. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 45.
21. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 190.
22. ГАО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 28.

References

1. Ostashko T.N., Soskin V.L. Pervye shagi prosveshhenija v Sibiri glazami ego organizatorov [The first steps of enlightenment in Siberia through the eyes of its organizers], *Shkola i uchitel'stvo v Sibiri: 20-e – nachalo 30-h gg.* [School and teaching in Siberia: the 20th – early 30s], sb. statej. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1978, pp. 4–17.
2. Donovan V. «Idja nazad, shagaem vpered»: kraevedcheskie muzei i sozdanie mestnoj pamjati v Severo-Zapadnom regione, 1956–1981 ["Going backwards, stepping forward": Local history museums and the creation of local memory in the North-West region, 1956–1981], *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2012, no. 16, pp. 379–402.
3. Kloc A., Romashova M. «Tak vy zhivaja istorija?»: sovetskij chelovek na fone tihoj arhivnoj revoljucii pozdnego socializma ["So you're a living story?": The Soviet man against the background of the quiet archival revolution of late socialism], *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2021, no. 50, pp. 169–199.
4. Gl. arhivnoe upr. pri Sovete Ministrov SSSR. Metodicheskie rekomendacii po komplektovaniju Gosudarstvennogo arhivnogo fonda SSSR dokumental'nymi materialami lichnyh arhivov [Methodological recommendations for completing the State Archival Fund of the USSR with documentary materials of personal archives]. Moscow, 1969, 23 p.
5. Soskin V.L. Novosibirskij nauchnyj centr: issledovanie po novejshej otechestvennoj istorii: ocherk istorii i istoriografii [Novosibirsk Scientific Center: research on modern Russian history: an essay on history and historiography]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2008, 188 p.
6. Soskin V.L., Ostashko T.N. Iz opyta sobiraniya vospominanij predstavitelej sovet-skoj intelligencii Sibiri [From the experience of collecting memoirs of representatives of the Soviet intelligentsia of Siberia], *Arheograficheskij ezhegodnik za 1973 god* [Archaeographical Yearbook 1973]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1974, pp. 341–344.
7. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)], coll. R-2154, aids 1, fol. 2.
8. Kokoulin V.G. Ocherki istorii obrazovanija i nauki v Sibiri v 1920-e – nachale 1930-h godov [Essays on the history of education and science in Siberia in the 1920s – early 1930s.]. Novosibirsk, Ofset-TM, 2019, 104 p.
9. Belyh I.N. Genezis obshhestvenno-poleznogo truda v sovetskoj shcole Prienisejskoj Sibiri v 1920-e gody: ot samoobsluzhivaniya k socialisticheskomu stroitel'stvu [Genesis of socially useful labor in the Soviet school of Prienisei Siberia in the 1920s: from self-service to socialist construction], *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Issues of theory and practice], 2022, vol. 7, issue 9, pp. 916–921.
10. Frolova N.V. Gosudarstvennaja politika v oblasti istoriko-obshhestvovedcheskogo obrazovanija v shkolah severa Zapadnoj Sibiri v 1920–1930-e gody [State policy in the field of historical and so-

- cial science education in schools of the north of Western Siberia in the 1920s–1930s] : dis. ... kand. ist. nauk. Surgut, 2016, 234 p.
11. Ponomarev S.A. Razvitie pedagogicheskogo obrazovaniya v Zapadnoj Sibiri v 1930–1940 gg. [Development of pedagogical education in Western Siberia in 1930–1940] : dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2018, 248 p.
 12. Zverev V.A., Zvereva K.E. Detstvo i shkola v sociokul'turnom prostranstve sibirskogo sela nachala XX v. (vospominaniya F. D. Ostanina) [Childhood and school in the socio-cultural space of the Siberian village of the early 20th century (memoirs of F. D. Ostanin)], *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri XVIII–XX vv.* [Actual questions of the history of Siberia XVIII–XX centuries] : temat. sb. nauch. tr. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. tehn. un-ta, 2008, issue 3, pp. 113–131.
 13. Gorjushkin L.M., Bochanova G.A., Sepljaev L.N. Novosibirsk v istoricheskom proshlom: konec XIX – nachalo XX v. [Novosibirsk in the historical past: late XIX – early XX century] / AN SSSR, Sib. otd-nie, In-t istorii, filologii i filosofii. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1978, 296 p.
 14. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 1.
 15. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 10.
 16. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 11.
 17. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 189.
 18. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 194.
 19. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 193.
 20. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 45.
 21. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 190.
 22. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 28.

Информация об авторе

Давыденко Михаил Геннадьевич — архивист отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Новосибирской области, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Davydenko.2018@bk.ru

Information about the author

Mikhail G. Davydenko — archivist of the department of acquisition, departmental archives and record keeping of the Novosibirsk Region, State Archive of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Davydenko.2018@bk.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 12.07.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Культурное наследие Сибири

Информационная статья
УДК 904(571.14)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-182-185

Культурные объекты Сузунского района Новосибирской области

Георгий Константинович Чернобай¹, Ольга Леонидовна Чернобай²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

¹ georgchernobay@yandex.ru

² olgachernobaj@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена уникальным объектам Сибири: медеплавильному заводу и монетному двору. Богатые лесом, полезными ископаемыми территории, а также наличие реки Оби обусловили открытие именно в Сузуне важных для жизни региона предприятий. В статье использованы сведения из Государственного архива Новосибирской области, в частности Указы Сузунской горной конторы и Сузунской горной конторы Алтайского горного округа. Характеристика уникальных историко-культурных объектов дана с учетом общих сведений о Сузунском районе, в котором имеются и иные ценные исторические памятники и памятные исторические места.

Ключевые слова: Новосибирская область, Сузунский район, медеплавильный завод, монетный двор, Сузунская горная контора Алтайского горного округа

Для цитирования: Чернобай Г. К., Чернобай О. Л. Культурные объекты Сузунского района Новосибирской области // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 182—185. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-182-185.

The cultural heritage of Siberia

Information article

Cultural sites of Suzunsky district, Novosibirsk Region

Georgiy K. Chernobay¹, Olga L. Chernobay²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ georgchernobay@yandex.ru

² olgachernobaj@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the unique objects of Siberia: a copper smelter and a mint. The territories rich in forests and minerals, as well as the presence of the Ob River, led to the opening of enterprises important for the life of the region in Suzun. The article uses information from the State Archive of the Novosibirsk region, in particular the Decrees of the Suzun Mining Office and the Suzun Mining Office of the Altai Mining District. The characteristics of unique historical and cultural sites are given taking into account general information about the Suzunsky district, which also has other valuable historical monuments and memorable historical sites.

Keywords: Novosibirsk region, Suzunsky district, copper smelter, mint, Suzunsky mining office of the Altai Mining District

For citation: Chernobay G.K., Chernobay O.L. Cultural sites of Suzunsky district, Novosibirsk Region *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):182—185. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-182-185.

Сузунский район расположен на крайнем юго-востоке Новосибирской области (в составе Новосибирской области находится с 1937 г.). Граничит с Ордынским, Искитимским и Черепановским районами Новосибирской области, а также Алтайским краем [1]. По территории района протекает река Обь.

Район богат лесами, занимающими 36 % территории. Продукция деревообработки идет во многие районы Новосибирской области и даже в ближнее зарубежье (Казахстан). Имеются месторождения кирпичных и тугоплавких глин, строительных песков и песчано-гравийной смеси, торфа и сапропеля. Географическое положение, климат и особенности рельефа предопределили будущее района, на территории которого и появились медеплавильный завод и монетный двор [2].

Особое место в жизни Приобья занимает река Обь, которая является главной водной артерией Сузунского района. С приходом русских на берега Оби (XVI—XVII вв.), а также с развитием торговли в XVIII—XIX вв. река стала главным транспортным путем, соединявшим верхнее и среднее Приобье. Речные суда перевозили значительные объемы различных грузов (лес, зерно) вверх и вниз по течению Оби. В 1865 г. было открыто пароходное движение Бийск — Томск.

Сузун возник как заводской поселок при медеплавильном заводе и монетном дворе. Монетный двор был учрежден по указу Екатерины II от 7 ноября 1763 г. и за всю историю Сибири был единственным предприятием, где с 1766 по 1781 г. чеканили «особливую» сибирскую монету, а затем до 1847 г. и общеимперские монеты. Сибирская монета от полушки (0,25 коп.) до 10 коп. отличалась от общероссийской монеты своим внешним видом и размером. На одной стороне монеты изображался герб — два соболя у щита; была означена стоимость, год выпуска и круговая надпись: «Монета сибирская». На другой стороне монеты находился вензель Екатерины II, увенчанный короной и обрамленный лавровой и пальмовой ветвями.

Открытие монетного двора в Сибири преследовало две цели: прекратить ежегодный ввоз из Екатеринбурга денег на содержание заводов Алтайского горного округа (общий вес денег составлял 120 т) и использовать на месте медь, сбыт которой не в изделиях был убыточен. Сузунская монета, имевшая хождение только в Сибири, была удобна в обращении, она весила намного меньше общеимперской. Из колыванской меди выпускали монет на 25 руб. из пуда против общегосударственной установки чеканить на 16 руб. Объяснение этому весьма простое: в меди колыванских рудников (Алтай) встречались значительные примеси серебра, а иногда и золота. Извлечение их из руды считалось по тем временам экономически невыгодным, и поэтому из-за повышенной ценности металла из пуда местной меди указано было чеканить монеты на большую сумму. Правда, специалисты — музейные работники утверждают, что серебро и золото в сибирской монете зачастую отсутствуют. Всего за годы своего существования Сузунский монетный двор выпустил более 300 видов медных монет. Немногие коллекционеры могут похвастать полной коллекцией монет Сузунского двора.

Сузунский медеплавильный завод был построен в 1765 г., при нем существовала заводская контора, которая именовалась Нижне-Сузунской заводской конторой и подчинялась конторе округа Колывано-Воскресенских заводов. Дата создания Нижне-Сузунской заводской конторы не установлена, но именно она управляла Сузунским медеплавильным заводом и монетным двором [3].

В 1831 г. округ Колывано-Воскресенских заводов был переименован в Алтайский горный округ, которому и подчинялась Сузунская горная контора. Чеканка монет в Сузуне прекратилась после пожара 1847 г. и больше не возобновлялась. По указу от 25 марта 1893 г. горные и заводские конторы были ликвидированы, а заводы частью закрыты [4], частью изменили характер своего производства. Сузунский медеплавильный завод был продан с торгов в 1912 г.

По масштабам производства Сузунский завод и монетный двор были крупнейшими предприятиями цветной металлургии XVIII в. в России. В 1768 г. Сузун посетил известный путешественник академик Пётр Симон Паллас, который в книге «Путешествие по разным местам Российского государства» описал Сузунский завод. В частности его поразила плотина длиной 235 м и шириной 25 м, перекрывшая реку Нижний Сузун [5].

С 1834 г. Сузун являлся центром Никольской ярмарки. Ежегодно на ней выставлялась всевозможная мануфактура, а также кресты, складни, литые иконы, изготовленные на медеплавильном заводе. Сузунские иконописцы принимали заказы на изготовление икон и роспись храмов. Возникновение сузунской иконописной школы относится к последней четверти XVIII в. История сохранила имя одного из последних иконописцев. Это Иван Васильевич Крестьянников (1858—1941). В Новосибирске сохранились 120 икон сузунского письма, из них более 20 — написанные И. В. Крестьянниковым¹.

На территории современного поселка Сузун сохранились остатки старинных строений, на месте которых когда-то находился медеплавильный завод с монетным двором. Это уникальные объекты историко-культурного наследия всей Сибири. В Сузунском краеведческом музее (ул. Ленина, 15) можно ознакомиться с природой, традиционными промыслами и ремеслами кузнецов, интерьерами крестьянской и мещанской изб XVIII—XIX вв., а также с материалами медеплавильного завода и монетного двора. В музее есть уникальные экспонаты — части первой русской турбоустановки, изготовленной в 1806 г. сузунским изобретателем П. М. Залесовым². На Сузунском заводе П. М. Залесов сконструировал и построил оригинальный механизм для разлива в формы металла из плавильных печей.

Здесь есть полный набор сузунских монет, ковш с ручкой для разливания меди XVIII в., посеребренный знак лесного объездчика, другая продукция завода (утюги, сковородки, ковши). На Сузунском заводе одно время служил известный писатель, горный инженер, городской голова Барнаула с 1886 по 1894 г. Александр Александрович Черкасов, автор «Записок охотника Восточной Сибири», переведенных на французский и немецкий языки.

В Эрмитаже хранится 19-тонная колыванская ваза из яшмы — творение сузунского городского инженера Филиппа Стрижкова. В 2003 г. рабочий поселок Сузун внесен в список исторических населенных мест России.

Таким образом, богатые лесом и водой земли привлекли первопроходцев-основателей. Географическое положение, наличие полезных ископаемых предопределили открытие именно здесь медеплавильного завода и монетного двора, обусловившее судьбу Сузунского заводского поселка.

¹ Иван Васильевич Крестьянников — художник-иконописец. Его работы хранятся в Новосибирском художественном музее и Сузунском краеведческом музее. Его именем названа одна из улиц поселка Сузун.

² П. М. Залесов — горный специалист, строитель заводов на Алтае, изобретатель, управляющий Салаирским краем, механик Алтайского горного округа.

Список источников

1. Район // Администрация Сузунского района Новосибирской области : [офиц. сайт]. URL: <http://suzun.nso.ru/?ysclid=19hzu1x8j2588900409> (дата обращения: 22.11.2021).
2. Чернобай Л. П. Гидрография и водные ресурсы Новосибирской области / под ред. О. Л. Чернобай. Изд. 2-е, с изм. и доп. Новосибирск, 2016. 392 с.
3. Указы Сузунской горной конторы // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 17.
4. Сузунская горная контора Алтайского горного округа // ГАО. Ф. Д-13. Оп. 1. Предисл. К оп. 1.
5. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб. : Императорская Академия Наук, 1773—1788. // Runivers.ru : [сайт]. URL: <https://runivers.ru/lib/book4739/> (дата обращения 19.10.2023).

References

1. Rajon [Neighborhood], *Administracija Suzunskogo rajona Novosibirskoj oblasti* : [ofic. sajт]. Available at: <http://suzun.nso.ru/?ysclid=19hzu1x8j2588900409> (accessed: 22.11.2021).
2. Chernobaj L.P., Chernobaj O. L. (ed.). *Gidrografija i vodnye resursy Novosibirskoj oblasti* [Hydrography and water resources of the Novosibirsk Region]. Izd. 2-e, s izm. i dop. Novosibirsk, 2016, 392 p.
3. Ukazy Suzunskoj gornoj kontory [Decrees of Suzunsky mining office], *Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO)* [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)], coll. D-13, aids 1, fol. 17.
4. Suzunskaja gornaja kontora Altajskogo gornogo okruga [Suzun Mining Department of the Altai Mining District], *GANO* [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)], coll. D-13, aids 1. The preface to aids 1.
5. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskogo Gosudarstva* [Traveling through different provinces of the Russian State]. Saint-Petersburg, Imperatorskaja Akademija Nauk, 1773—1788, *Runivers.ru* [Runivers.ru] : [sajт]. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4739/> (accessed: 19.10.2023).

Информация об авторах

Чернобай Георгий Константинович — студент, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Чернобай Ольга Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики воспитательных систем, Институт культуры и молодежной политики, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: olgachernobaj@yandex.ru

Information about the authors

Georgiy K. Chernobay — student, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Olga L. Chernobay — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Theory and Methodology of Educational Systems, Institute of Culture and Youth Policy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: olgachernobaj@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 22.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

ПЕРСОНАЛИИ PERSONALITIES

«Мне всегда и во всем везло»

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала.
Мне и вправду везло...
А. Тарковский

Приведенные в эпиграфе слова Арсения Тарковского я могу смело положить на всю свою жизнь. Действительно, родившись восьмым ребенком в голодные послевоенные годы на окраине небольшого городка, в семье, где мать не умела читать и писать, а отец читал с трудом, я стал доктором наук, профессором. Как это могло случиться?

Первое, в чем мне повезло, это то, что в 1952 г. в Барнауле, в пригороде которого мы жили, замечательный хирург Чиглецов сделал мне уникальную ортопедическую операцию, что дало мне возможность, хоть и прихрамывая, но ходить. Уже в наши дни хирурги из НИИ травматологии и ортопедии были поражены результатом операции.

В 14 лет, когда все мои ровесники стали резко обходить меня в росте, я понял, что не расту. Это заставило меня задуматься, как жить. Чтобы компенсировать недостаток роста, я начал накачивать мускулатуру (до 40 лет меня никто не мог победить в армрестлинге), читать произведения мировой художественной классики и древнегреческих философов.

Я учился в специализированном математическом классе. Отличником по математике я не стал, но твердая четверка у меня была. Это позволило мне поступить в Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (НИИГАиК). Выбор профессии был осмысленным. Прельщала романтика дальних странствий, кроме того, я считал, что с моими физическими данными лучше уйти подальше от людей, в тайгу. Однако когда начались занятия в институте, я понял, что геодезия — это не мое. После первого семестра я сломал ногу. Перелом был очень сложным, что надолго ограничило мою подвижность. Было время подумать. Я начал писать стихи, причем неплохие. Много читал, в том числе классиков марксизма-ленинизма. Разработал программу саморазвития на 20 лет, которую скрупулезно (конечно, постоянно корректируя) затем выполнял.

После возвращения из академического отпуска мне повезло попасть на лекцию профессора Мигиренко, где он давал социологический анализ роли науки в современном советском обществе. До этой лекции слово «социология» я слышал, но не понимал, что оно означает. Я был потрясен. Еще не понимая до конца, что произошло, я почувствовал, что моя жизнь должна измениться, войти в противоречие со сделанным мной выбором. Я понял, что я гуманитарий. Изучать математику, геодезические науки я уже не хотел, но если до травмы я кое-как сдал экзамены за первый семестр, то после академического отпуска вплоть до окончания института не только троек,

но и четверок почти не получал, причем по всем предметам, общественные же дисциплины я сдал экстерном.

В институте открылся факультет общественных профессий. Я был одним из его организаторов и активных членов. Поскольку я уже сдал все экзамены по общественным дисциплинам, меня устроили в Университет марксизма-ленинизма на факультет международных отношений и внешней политики СССР. Историю дипломатии у нас преподавал Владимир Львович Глебов, сын Л. Б. Каменева — соратника В. И. Ленина. В. Л. Глебов был энциклопедически образован. Он не только читал лекции по истории дипломатии, но и давал детальный анализ международной обстановки. Я был заворожен его лекциями, мне хотелось делиться с другими всем услышанным. В 1968 г. я стал лектором общества «Знание», мне шел 21-й год. Я читал лекции о международном положении в студенческих аудиториях, домах культуры, красных уголках заводов, в сельских клубах. Мне за это платили, на эти деньги я покупал книги. Именно в это время я приобрел сочинения Гегеля, Фейербаха, Ключевского, Карамзина, Соловьева, трехтомник по истории дипломатии и многое другое. Прочитанное я конспектировал, эта привычка сохранилась и сейчас. Читая книгу, делаю выписки. По окончании института у меня уже была библиотека около тысячи томов.

Профессия инженера-аэрофотогеодезиста, которую я получал в институте, меня совсем не прельщала. Но бросить институт я не мог: это бы убило мою мать. Я думал, как мне изменить свою жизнь, и опять мне повезло. В институте, где меня хорошо знали, мне предложили заняться комсомольской работой в качестве председателя идеологической комиссии комитета ВЛКСМ.

На четвертом курсе я получил предложение по окончании института стать преподавателем Томского топографического техникума. После защиты диплома в течение трех лет я успешно преподавал специальные дисциплины в техникуме. Получил квартиру, хорошо зарабатывал. После прохождения в Москве подготовки был включен в резерв выдвижения на должность директора техникума. Но мне этого было мало, а главное, неинтересно. Наряду с преподавательской работой я был секретарем комитета ВЛКСМ.

Меня пригласили в Томский обком ВЛКСМ на должность заведующего лекторской группой. Я предложение принял, хотя терял половину в зарплате, а у меня уже было двое детей, и жена не работала. Я читал лекции по всей области, и однажды на мою лекцию попал первый секретарь Томского обкома КПСС Е. К. Лигачев (впоследствии — секретарь ЦК КПСС, заместитель генерального секретаря М. С. Горбачева и его оппонент). Через месяц я уже работал лектором обкома КПСС. Передо мной открылся новый мир, доступной стала специальная информация, регулярными стали командировки в Москву, сильно расширился круг коллег. Нас учили лекторскому мастерству, уделяя внимание самым разнообразным проблемам. Меня интересовала и до сих пор интересует тема идеологической борьбы.

Я был на взлете карьеры, но тут произошел поворот в моей судьбе. У нас заболел ребенок. Доктора, сделавшие все, что можно, предрекали летальный исход. Я стал искать выход. Кто-то мне подсказал переехать в горную местность, на чистую воду и чистый воздух. Я уволился с работы, сдал квартиру, и мы переехали в один из предгорных районов Алтайского края. Нам разрешили пожить в медпункте техникума. Устроившись на очень незначительную должность, уже через четыре года я был секретарем райкома партии, а сын полностью поправился. Иначе как чудом это не назовешь.

Но чудеса продолжались. Будучи на курсах повышения квалификации в Новосибирской высшей партийной школе (ВППШ), я прочитал лекцию для коллег. Присутствовавший на ней ректор ВППШ доктор философских наук А. К. Черненко предложил мне поступить в аспирантуру Академии обще-

ственных наук (АОН) при ЦК КПСС с последующей работой в ВПШ. В АОН при ЦК КПСС готовились кадры для управления партией и государством. В Томске о таком предложении я не мог и мечтать. Решением Алтайского крайкома КПСС я был рекомендован для обучения, подготовился, сдал все вступительные экзамены на отлично и поступил. В результате был зачислен в номенклатуру ЦК КПСС, в резерв на высокую руководящую должность. Итак, из деревни — на самый верх.

Учеба в АОН стоит особого рассказа. Я попал на кафедру известного советского социолога доктора философских наук, профессора Ж. Т. Тощенко. Время учебы в аспирантуре (1987—1990) совпало с революционными преобразованиями в нашей стране. Мы были в центре этих преобразований. Я постоянно участвовал в каких-то исследованиях. Чего только стоило определение рейтинга членов политбюро ЦК КПСС. Учеба в аспирантуре была напряженной: шесть-восемь часов ежедневных аудиторных занятий, работа в читальном зале, выступления на семинарах, участие в дискуссиях с антикоммунистами, встречи с писателями, религиозными деятелями всех конфессий, артистами, просмотр фильмов из европейской классики, обязательное посещение театров, в том числе Большого, поездки по знаменитым местам: в Ясную Поляну, Константиново, Абрамцево и т. д. Была строгая дисциплина: отказ от выступления на семинаре или прогул грозили отъездом домой.

Аспирантам предоставлялось жилье — современный гостиничный номер со всеми удобствами, стипендия в размере заработной платы. Слушателями академии были не только граждане СССР, но и других стран, и не только социалистических. Это было учебное заведение закрытого типа, вход — по пропускам. В проходной дежурили сотрудники милиции или даже КГБ.

Я работал над диссертацией по историческим наукам, но когда в перечне научных специальностей появились социологические науки, Ж. Т. Тощенко предложил мне и еще нескольким аспирантам поменять тему исследования. 24 мая 1990 г. первым в Советском Союзе я защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности «политическая социология».

Руководство академии предложило мне остаться старшим научным сотрудником центра социологических исследований АОН. Я уже было почувствовал себя москвичом, но новый мэр Москвы Г. Х. Попов категорически запретил прописку в столице выходцев из партийных структур. Чтобы не рисковать, я устремился в Новосибирск, а здесь меня уже ждала должность заведующего социологической лабораторией Новосибирской ВПШ.

Это было время, когда шла колоссальная перестройка всей политической жизни, бурлили социальные процессы. Была масса заказов на социологические исследования, заказчиками были директора заводов, которые стремились изменить форму собственности своих предприятий, прибрать собственность к рукам. Я даже открыл на базе лаборатории малое предприятие. Результаты исследований публиковались в областной печати. Сейчас, осмысливая этот переходный исторический период, я обратился к своим публикациям того времени (большинство газет сохранились в моих архивах) и решил издать их с комментариями отдельной книгой. Это будет хорошей эмпирической базой для современных молодых исследователей.

Но все это продолжалось недолго. ВПШ, переименованная в Сибирский социально-политический институт, прекратила свое существование. Затем на этой материальной базе был создан Сибирский кадровый центр (СКЦ). Мне места в этом образовательном учреждении не нашлось.

Я грустил недолго, мне опять повезло. Председатель областного Совета народных депутатов Анатолий Павлович Сычев, знавший меня по совместным выступлениям на телевидении с анализом общественно-политической ситуации в области, позвонил мне и предложил создать и возглавить центр

социологических исследований облсовета. Приняв предложение, я быстро набрал сотрудников из числа бывших коллег по социологической лаборатории, и мы сразу приступили к делу: с места — в карьер. В области, как и в стране, шла ожесточенная борьба за власть. Мы изучали мнения различных групп населения по тем вопросам, по которым готовились нормативные правовые акты, а также изучали общественно-политическую обстановку в области, политическую борьбу между партиями, отдельными лицами в ходе парламентских и других выборов. Все наши результаты широко освещались в печати и на телевидении. Помимо работы в лаборатории я успевал преподавать социологию в нескольких новосибирских институтах.

Вся эта кипучая жизнь продолжалась тоже недолго. Рухнула советская власть. В новой структуре облсовета центра социологических исследований не было. У меня был выбор: оставаться в облсовете на чиновничьей должности или попроситься в СКЦ на любую должность. Я выбрал второе. Хотел заниматься наукой. Мне предложили должность всего лишь старшего научного сотрудника в социологической лаборатории при кафедре социологии. Я согласился на это. Возможно, это было для меня унижением. В это же время Институт социологии Российской академии наук выпустил энциклопедический сборник «Социологи России и СНГ XIX и XX века». Там была статья и обо мне. Мои московские коллеги меня тепло поздравляли.

Однако мое подчиненное положение продолжалось недолго. В ноябре 1996 г. ректор преобразованной из СКЦ Сибирской академии государственной службы (СибАГС) Е. А. Бойко предложил мне сформировать и возглавить региональный информационно-аналитический центр (РИАЦ) по вопросам государственной и муниципальной службы. За годы существования РИАЦ мы провели около 40 исследований. Материалов хватило и для моей докторской диссертации, и для нескольких кандидатских. В то время я увлекся новым научным направлением — синергетикой. Моя диссертация представляла собой синергетический анализ самоорганизации территориальных обществ. Накануне защиты я издал три монографии и несколько статей в московских журналах, главным образом в журнале «Социологические исследования», имевшем высший среди журналов России импакт-фактор. Докторскую диссертацию я защитил в диссертационном совете УрАГС.

РИАЦ финансировался из Москвы. Не знаю, по какой причине число ставок стало снижаться, снизилась и заработная плата. Сотрудники постепенно стали увольняться. В это время на кафедре управления образовалась вакансия заведующего. Я участвовал в конкурсе и выиграл. Кафедру управления до меня возглавляли достойные люди, при этом не имевшие понятия о государственном и муниципальном управлении, и набор дисциплин был самый экзотический. Е. С. Бойко предложил переименовать ее в кафедру государственного и муниципального управления. В соответствии с названием я стал формировать учебный план, подбирать преподавателей. Многие дисциплины, которые сейчас преподаются на кафедре, были предложены мною в то время.

Проблематика кафедры оказалась востребованной органами государственной власти и местного самоуправления. Сотрудники кафедры также участвовали в организации филиалов и представительств СибАГС во всех субъектах Федерации Сибирского федерального округа (СФО), вели занятия в них на дневном отделении и на курсах повышения квалификации. Почетные грамоты и благодарности почти от всех губернаторов и председателей законодательных собраний субъектов Федерации СФО свидетельствуют о важности нашей работы в регионах

Звание «профессор» я получил в 2010 г. К этому времени у меня уже было полтора десятка учебных и методических пособий, пять монографий, ученики, получившие степень кандидата социологических наук. Как ученого меня интересовали прежде всего кадровая политика и местное самоуправление. В 2000 г. по результатам всероссийского конкурса мне было присвоено звание «Лучший муниципальный служащий».

В 2019 г. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук выпустил энциклопедическое издание «Социология России в лицах. История и современность». В нем есть и статья, посвященная моей скромной персоне, подготовленная на основе моих публикаций, имеющихся в сети Интернет.

Когда меня спрашивают, что я считаю главным успехом своей жизни (доктор наук, профессор, «Почетный работник образования Российской Федерации», десятки наград, полтора десятка книг и больше сотни статей, статья обо мне в социологической энциклопедии), я отвечаю: главное, что я имею — это мои внуки, моя очаровательная дочь и трое моих выдающихся сыновей.

Новокрещёнов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и отраслевых политик, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Кымбат Казалиевна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Абдукаримова Жанара Кадировна — PhD, ассистент профессора кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: zhanara1307@mail.ru

Антоненко Валентин Сергеевич — преподаватель, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: antonenkoval@gmail.com

Ардт Елена Анатольевна — научный сотрудник, автономная некоммерческая организация Институт научных исследований и разработок, Саратов, Российская Федерация. E-mail: earndt@yandex.ru

Блинова Анна Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Российская Федерация. E-mail: anblinova@mail.ru

Давыденко Михаил Геннадьевич — архивист отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Новосибирской области, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Davydenko.2018@bk.ru

Елеуханова Светлана Викторовна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: eleuxanova62@mail.ru

Зайцев Никита Игоревич — командир роты курсантов, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: z_nikita@internet.ru

Регина Хелена де Фрейтас Кампос — PhD, профессор педагогической психологии, Федеральный университет штата Минас-Жерайс, президент центра психологических исследований и документации им. Елены Антиповой (Федеральный университет штата Минас-Жерайс), координатор группы специалистов по истории психологии Бразильской психологической ассоциации, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия. E-mail: regihfc@terra.com.br

Маркдорф Мария Аркадьевна — преподаватель английского и французского языков, лицей № 22 «Надежда Сибири», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: mashamark@mail.ru

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, директор научно-образовательного центра «Историко-политические и социокультурные процессы глобального и регионального развития», Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Мнухина Римма Михайловна — главный менеджер, центр медиапроектов «Звезда»; аспирант, Донецкий государственный университет, Донецк, Российская Федерация. E-mail: rimmavk1@gmail.com

Новокрещёнов Александр Васильевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и отраслевых политик, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: novokreshchenov-av@ranepa.ru

Сактаганова Зауреш Галимжановна — доктор исторических наук, профессор-исследователь кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: zauresh63@mail.ru

Серенькая Ирина Николаевна — учитель истории, средняя общеобразовательная школа с. Баскатовка, Марковский район, Саратовская область, Российская Федерация. E-mail: irina-serenkaya@yandex.ru

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Олджай Тюркан — доктор филологических наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Ульяницкий Сергей Николаевич — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: sulyanitskiy-19@edu.ranepa.ru

Фернандес Анна Павловна — ведущий специалист, Российский государственный архив фонодокументов, Москва, Российская Федерация. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Чернобай Георгий Константинович — студент, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Чернобай Ольга Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики воспитательных систем, Институт культуры и молодежной политики, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: olgachernobaj@yandex.ru

Чернов Денис Владимирович — доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: chernov.de@mail.ru

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: alkaddafa@gmail.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Kymbat K. Abdrakhmanova — candidate of historical sciences, associate professor of the department of archeology, ethnology and national history, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Zhanara K. Abdugarimova — PhD, assistant professor of the department of archeology, ethnology and national history, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: zhanara1307@mail.ru

Valentin S. Antonenko — teacher, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: antonenkoval@gmail.com

Elena A. Arndt — Researcher, autonomous non-profit organization Institute for Scientific Research and Development, Saratov, Russian Federation. E-mail: earndt@yandex.ru

Anna N. Blinova — candidate of historical sciences, research associate, Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology; Institute of archeology and ethnography, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation. E-mail: anblinova@mail.ru

Mikhail G. Davydenko — archivist of the department of acquisition, departmental archives and record keeping of the Novosibirsk Region, State Archive of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Davydenko.2018@bk.ru

Svetlana V. Yeleukhanova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Karagandy Buketov University, Republic of Kazakhstan. E-mail: eleuxanova62@mail.ru

Nikita I. Zaitsev — cadet company commander, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: z_nikita@internet.ru

Regina Helena de Freitas Campos — PhD, professor of Educational Psychology, Federal University of Minas Gerais, president of the Center for Psychological Research and Documentation named after Elena Antipova (Federal University of Minas Gerais), coordinator of the group of specialists in the history of psychology of the Brazilian Psychological Association, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil. E-mail: regihfc@terra.com.br

Maria A. Markdorf — teacher of English and French languages, Lyceum № 22 “Nadezhda Sibiri”, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: mashamark@mail.ru

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Head of the Scientific and Educational Centre “Historical, Political and Socio-Cultural Processes of Global and Regional Development”, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Rimma M. Mnukhina — chief manager, Zvezda Media Projects Center; postgraduate student, Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation. E-mail: rimmavk1@gmail.com

Alexander V. Novokreshchenov — doctor of sociological sciences, professor, professor of the Department of Public Administration and Sectoral Policies, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: novokreshchenov-av@ranepa.ru

Zauresh G. Saktaganova — doctor of historical sciences, research professor of the Department of Archeology, Ethnology and National History, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: zauresh63@mail.ru

Irina N. Serenkaya — history teacher, secondary general education school in the Baskatovka village, Marksovsky district, Saratov region, Russian Federation. E-mail: irina-serenkaya@yandex.ru

Evgenia A. Skop — independent researcher, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Türkan Olcay — doctor of philological sciences, professor, Istanbul University, Istanbul, Republic of Turkey. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Sergey N. Ulyanitsky — student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: sulyanitskiy-19@edu.ranepa.ru

Anna P. Fernandez — leading specialist, Russian State Archive of Audio Documents, Moscow, Russian Federation. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Georgiy K. Chernobay — student, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: georgchernobay@yandex.ru

Olga L. Chernobay — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Theory and Methodology of Educational Systems, Institute of Culture and Youth Policy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: olgachernobaj@yandex.ru

Denis V. Chernov — associate professor of the department of international relations and humanitarian cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: chernov.de@mail.ru

Daniil P. Shulga — doctor of historical sciences, professor of the department of international relations and humanitarian cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: alkaddafa@gmail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

- знак охраны авторского права;
- перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);
- информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (авторов¹) (полностью);
- наименование организации (организаций²), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);
- адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (авторов);
- открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);
- автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

- введение;
- основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подразделы);
- заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavet L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipr86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.

